

КНИЖНЫЙ КЛУБ ХС КНИЖНЫЙ КЛУБ ХС

НЕСПЯЩИЕ

№2

КНИЖНЫЙ КЛУБ ХАКЕРОВ СНОВИДЕНИЙ

DREAMHACKERS.EU

EMIRIDA.EU

СОДЕРЖАНИЕ

/ ВОШЛИ В НОМЕР

ДВУХГОЛОВЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ ЛЮБЯТ ДЕТЕЙ [4]

Брайан Кин / перевод с английского VACHAP

Я — ВЫХОД [10]

Брайан Кин / перевод с английского VACHAP

Я — СНОВИДЯЩИЙ [18]

Уолтер М. Миллер / перевод с английского VACHAP

ЭТО НЕ ВЫХОД [42]

Брайан Кин / перевод с английского VACHAP

СБОРЩИК МУСОРА 1 [52]

Дан Амор / перевод с английского VACHAP

ЗАПАДНЯ [68]

Шеррилин Кеньон и Кевин Д. Андерсон / перевод с английского С. Трофимов

НИК И ГЛИММУНГ [88]

Филип Дик / перевод с английского С. Трофимов

Глава 1 [89]

Глава 2 [98]

Глава 3 [108]

Глава 4 [117]

Глава 5 [123]

Глава 6 [130]

Глава 7 [141]

Глава 8 [150]

Глава 9 [160]

Глава 10 [170]

Глава 11 [177]

Глава 12 [184]

Глава 13 [190]

Глава 14 [194]

Глава 15 [202]

Глава 16 [209]

Глава 17 [213]

БРАЙАН КИН

ДВУХ-
ГОЛО-
ВЫЕ ПРИ-
ШЕЛЬЦЫ
ДЮБЯТ
ДЕТЕЙ

Д

ВАСНАР

Перевод с английского

Кейн работал на правительство. Он не болтал лишнего, когда встречался с женщинами или заводил беседы. В те дни со всеобщей паранойей и теориями заговора лучше было молчать. Встречаясь с женщинами и заводя беседы, Кейн представлялся торговцем из Нью-Джерси.

Он служил в отделе тридцать лет, наблюдая, как офис рос и расползлся из крохотного помещения в бюрократического монстра со зданиями в городе и в каждом штате. Он следил за взлетом и падением администраций, за парнями под прикрытием и их последующим выявлением. Он видел, как другие подразделения, типа ЦРУ и ФБР, скрывали свои следы, но его отдел всегда был нужным. Он работал и помогал гражданскому населению. По правде говоря, в последние голы он стал медленнее и менее эффективным, но всегда выполнял порученную ему работу.

Выполнение порученной работы было тем, к чему Кейн относился очень серьезно. Вот, почему он сидел здесь сегодня вечером, слушая Найла Даймонда, пока дождь стучал по крыше его неопишумемого седана. Сидеть на тихой окраинной улочке в Айдахо, скажете вы. Сидеть у дома Сильвии Варнс – женщины, которая подобно тысячам молодых незамужних или разведенных матерей была отягощена инопланетным злом.

Слепящая вспышка молча взорвалась выше дома, как

миниатюрный рассвет. Кейн посмотрел на часы – 00:47 утра. Точно по плану. Затем часы запестрели нулями, и «Сладкая Калодина» растворилась в статике. Снаружи уличное освещение потускнело, погрузив домашние сцены в темноту и мрак. Кейн по опыту знал, что соседи будут спать во время этого происшествия.

Появился шар света, опускаясь с небес и паря над землей. Выдвинулась рампа, и шесть гуманоидных фигур вышли из сферы. Они подошли к окну Сильвии и исчезли в доме. Через несколько минут они снова появились, неся на плечах коматозную женщину. Серокожие существа исчезли в своей «тарелке». Рампа начала задвигаться.

Сделав паузу, чтобы поправить галстук, Кейн молниеносно двинулся в темноте, схватил в одну руку незарегистрированный полуавтоматический пистолет и черный кейс – в другую. Он быстро запрыгнул на платформу. Фигуры скрылись в глубинах судна. Кейн пожал плечами и зашагал на поиски Сильвии во внутреннюю часть корабля.

Люк закрылся за ним. Кейн проверил плохо освещенный коридор. Едва воспринимаемое жужжание доносилось от стен и пола. Сине-зеленое мерцание исходило от двери в конце коридора. Он осмотрел странные символы, написанные на двери. Поместив кейс у ног, Кейн коснулся холодного металла. Тот пульсировал из глубины, словно был живой тварью. Через секунду дверь распахнулась, открывая кошмарную сцену.

Его клиентка лежала голой на столе, окруженная дюжинами инопланетных существ. Они были с двумя руками и двумя ногами, но их головы выглядели намного

больше, чем остальные тела, а глаза казались просто огромными, умалая почти несуществующие носы и рты.

Кейн видел их раньше. Его ум вернул картину супермаркетного таблоида десятимесячной давности: **ЖЕНЩИНА ЗАБЕРЕМЕНЕЛА ОТ ИНОПЛАНЕТНЫХ ПОХИТИТЕЛЕЙ**. Под ярким заголовком была фотография Сильвии. Через две недели Кейн стал ее социальным работником.

— Никому не двигаться!

Он поднял пистолет одной рукой и раскрыл кейс другой. Кейн вытащил пачку бумаг. Инопланетяне сжались. Страх пылал в их черных глазах. Кейн держал документ перед собой, как щит.

— Я офицер по половым отношениям, а также социальный работник той молодой женщины, которую вы привязали к столу.

Он сунул документ в руки одного из инопланетян и отвязал путы Сильвии. Она слабо вцепилась в него, пробуждаясь ото сна.

— Это, джентльмены, судебный ордер, предназначенный для поддержания ребенка. Он гласит, что вам предписано явиться в суд в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня. Будет слушаться дело в поддержку ребенка. Моя клиентка заявила, что вы, ребята, трахнули ее. То есть, вы финансово отвечаете за благополучие ребёнка. Приносите с собой платежные палочки и подтверждающие документы. Не забудьте копию налоговой декларации. Если вы не можете

позволить себе адвоката, штат предоставит вам такую возможность.

Все еще размахивая пистолетом, Кейн направил Сильвию к выходу.

— В следующий раз, джентльмены, когда вы решите похитить и трахнуть кого-то в моем штате, я предлагаю вам вспомнить, что мы не любим становиться папашами-лохами. Добрый вам вечер.

Дверь с шипением закрылась, и пришельцы в изумлении посмотрели друг на друга.

— Черт, — сказал один. — После Розуэлла мы еще не вляпывались в такое вонючее дерьмо.

^
|

БРАЙАН КИН

Я — ВЫХОД

Д

VASHAP

Перевод с английского

Я нашел его, лежавшим на дороге. Он кровоточил в лунном свете под знаком «Выход на пятую». Состояние было плохое, реально плохое. Кровь виднелась на всем – на защитном бортике, на срединной полоске его потертых синих джинс и на согнутых очках с потрескавшимися линзами. Эти очки назывались «контролем за рождаемостью», потому что они гарантировали, что вы никогда не окажетесь в лежачем положении. Их носили только в армии или в тюрьме. Хотя он не казался мне солдатом.

Вдали, едва видимый через лес, пылал оранжевый огонь. Ветер приносил к нам отголоски дыма.

Я встал рядом с ним на колени, и он попытался сесть. Его внутренности блестели, выскальзывая из раны на боку. Я мягко прижал его к земле и затем поместил ладонь на глубокий разрез, чувствуя под рукой влажное и скользкое тепло. Ветер покачал дорожный знак над нашими головами и, в конце концов, затих.

— Не нужно садиться, — сказал я ему. — Вы ранены.

Он хотел заговорить. Его потрескавшиеся губы покрывала пены. Слова не выходили. Он закрыл глаза. Свободной рукой я потянулся в карман моего плаща, и тут он открыл глаза, фокусируясь прямо на мне. Я вытащил руку, держа другую на его большой ране.

— Робин...

— Извините, друг. Здесь только я.

— Мне хотелось... я возвращался домой к Робин...

Он закашлял, разбрызгивая кровь и слюну. Я почувствовал, что его внутренности сдвинулись под моей ладонью.

— Она ожидает меня...

Я кивнул, не понимая, но понимание всегда предполагает одно и же. Он снова сфокусировался на мне.

— Что случилось?

— Вы попали в аварию.

— Я... я не... Последнее, что я помню, был огонь.

— Шшш!

Он снова закашлял.

— Такое впечатление, что мои ноги спят.

— Наверное, потому что вы лежите, — солгал я. — Они в порядке.

Они не были в порядке. Одна была раздавлена в нескольких местах и согнута под неестественным углом. Из другой выступал осколок кости.

— У вас есть мобильный телефон? Я хочу позвонить Робин.

— Простите, друг. Я тоже хотел бы позвонить в 911. Но я уверен, что кто-то проедет по этой дороге. А пока расскажите мне о ней.

— Она прекрасная.

Его гримаса превратилась в улыбку. Боль и смущение исчезли из глаз.

— Она ждет меня. Я не видел ее пять лет.

— Почему?

— Был в тюрьме.

Он с трудом сглотнул.

— Государственной тюрьме. В Крессоне. Прямо с того утра. Грабеж. Я украл пачку сигарет. Вы можете поверить в эту чушь? Пять лет за какую-то вшивую пачку.

Я покачал головой. Моя догадка об очках оказалась верной. И последняя фраза указывала на то, что он был рецидивистом. Пенсильвания имела три уровня закона, и похоже, он знал уголовный кодекс лучше любой молитвы.

Москит жужжал около моего уха, но я игнорировал его. Огонь, горевший вдалеке, становился ярче.

— Мы встречались во время свиданий, — сказал он.

— Она была беременной моим сыном. Я... никогда не держал его в руках.

— Они не приезжали, чтобы навестить вас?

— Не могли собрать денег. Крессон далеко от Ганновера... почти на границе Нью-Йорка. Мы... не имеем машины.

Он замолчал, снова стараясь сесть.

— Мои ноги холодные.

— Все нормально, — сказал я. — Важно продолжать

говорить. Расскажите мне что-нибудь еще.

— Я... я выехал этим утром. Не мог дождаться момента, чтобы попасть домой и увидеть ее с ребенком. Курт. Мы назвали его Куртом из-за певца. Ну, вы знаете? Парня из Nirvana? Она писала мне письма каждый день. Я даже ругал ее. Робин живет со своей родней, а это получается слишком дорого. Я... я видел фотографии Курта. Смотрел по электронной почте, как он рос. Мне очень хочется обнять его. Мой живот не чувствуется...

— Это холодная ночь, — ответил я, стараясь отвлечь его от неприятных мыслей.

Он потерял много крови. Дым стал сильнее и ощутимее. Он закрывал макушки деревьев и проносился через дорогу, как белый туман.

— Государство дало мне билет от Крессона до Ганновера. Езжай целый день на долбанном автобусе. Но я устал. Ни минуты не спал. Слишком большое возбуждение. Был «Макдональдс» на одной остановке, Я там умял четверть-фунтовик – первый раз за пять лет. Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом Робин.

Его глаза начинали темнеть.

— Конечно, в автобусе был свой засранец. Парень из Крессона – такой же, как я. Никогда не видел его раньше. Он был в другом блоке. Направлялся в Харрисбург. Короче, он затеял драку, а водитель автобуса не поверил мне на слово и выбросил меня.

— Реально?

— Да!

Он согнулся в жестком приступе кашля, и я подумал, что этот спазм заберет его с собой. Но приступ кончился.

— Водила выбросил меня из автобуса... Прямо на дорогу. Я поднял палец и начал ждать, когда увидел... увидел пожар!

Он сел прямо. Глаза напуганные и беспомощные.

— Черт! Теперь я вспомнил. Там был дом в огне!

— Да, — успокоил я его, заставляя лечь обратно.

— Да, там был дом. Но сейчас вы ничего не сможете сделать. Кто-то скоро подъедет по дороге. Что еще вы вспомнили?

Его взор затуманился.

— Я... огонь... и потом гудок машины. Громкий гудок, как у трактора или у трейлера... И яркие огни.

— Хммм.

— Мистер? Что-то мне плохо. Я не думаю, что сделаю это сам. Вы на моей сто... стороне?

Я кивнул. Его кожа была на ощупь холодной. Теплота покидала тело.

— Передайте мою любовь Робин и Курту? Их адрес в моем... бумажнике вместе с... телефонным номером.

— Я буду счастлив сделать это.

— Я... я ценю это... мистер.

Он улыбнулся, решив, что я передам его любовь жене и ребенку. Затем мужчина повернул голову и посмотрел на огонь, бушевавший вдалеке. Его брови сложились в складки.

— Надеюсь, лю... люди в этом доме... уже...

— С ними все прекрасно, — сказал я ему. — Их было четверо. Папочка и мамочка. Дети: мальчик и девочка. Кажется, их звали Уилтсами. Выход на четвертую. Я убил их еще до того, как устроил пожар. Поэтому вам не о чем беспокоиться. Они не почувствовали на себе пламени.

— Ч... что?

Он хотел снова сесть, но я жестко бросил его на спину.

— Они были «Выходом на четвёртую». Вы – Выход на пятую. Счет продолжается.

Я вытащил из куртки нож и разрезал ему горло. Крови было немного, как и предполагалось, поскольку большая ее часть уже вылилась, пока я разговаривал с ним. Я вытер нож об траву и сунул его обратно в плащ. Затем мне пришлось выудить его бумажник. Я нашел адрес Робин и Курта, их телефонный номер, и даже улыбнулся. Они жили недалеко от дороги – около съезда «Выход на двадцать первую».

Двадцать первые. А этот был пятым. Шестнадцать выходов, и я сдержу свое обещание.

Я направился в ночь. Далекий вой пожарных сирен сопровождал мое исчезновение.

Выходом был я.

^
|
—

УОЛТЕР М. МИЛЛЕР

Я — СНОВИ ДЯЩИЙ

Д

VASNAР

Перевод с английского

Там были огни, объекты, звуки; там были нежные руки.

Но ощущение оставалось только сырым стимулом. Вновь рожденный младенец не видел мир, не слышал звуков, не чувствовал рук, которые поднимали его. Узоры света роились на его ретине; перемежающие волнения вибрировали в проходах среднего уха. Все было бессмысленным и не связанным с концепцией. Многочисленные ощущения казались частью его полного «я» – «я», отделенного от ума и включающего все.

Ребенок заплакал, уменьшая голод, и что-то новое появилось внутри его эго. Голод бежал, и пришло наслаждение. Боль тоже пришла. Ребенок заплакал. Боль вскоре была оттянута прочь.

Но иногда ребенок плакал, а условия сохранялись неизменными. Взять, к примеру, гнев. Он стремился выразить себя, восстановить установленный порядок. Ребенок собирал данные. Он соотносил понятия. Он приходил к конечному решению. Было два класса объектов во вселенной: «я» и что-то еще.

«Эта вещь является частью меня, но та вещь – это что-то другое».

«Эта вещь моя, потому что она извивается и чувствуетея, а та – что-то холодное и твердое».

Он исследовал, предполагал и боялся. Некоторые вещи

не имели контроля. Он даже заметил, что определенные объекты не-«я» образовывали группы, и каждая группа цеплялась вместе, образуя целое.

Его пищевые припасы, например, были количеством групп, чьи другие компоненты были руками, которые поднимали его – вещь, кипятившую ему пеленки. Эти руки опоясывали его чресла в вещи не-«я», и указанная система объектов как-то ассоциировалась со звуком, который оно создавало: «Мама».

Ребенок только что узнал, как мять лицо Мама, когда появлялось оно. Дверь открылась. Низкий голос рявкнул. Мама вскрикнула. Смущающие звуки смешались гневными указаниями. Ощущения грубости заставили его заплакать. Ощущения движения поразили и удивили его. Была слепящая боль и чернота. Затем была абсолютная дезориентация.

Он попытался прояснить происходящее, но его объяснения были какими-то странными. Он пытался плакать, но плакать было не о чем. И тогда ему пришлось начать все заново. Он где-то ошибся. Части его изменились. И теперь вселенная поделилась на три класса объектов: «я», полу-«я», не-«я». И это было другим, совершенно другим!

Я стоял под дождем. Будто яркий серебристый шпиль, я стоял, ожидая Учителя. Огромная бетонная площадка раскинулась передо мной во все стороны, исчезая в сером ливне. Однако некоторые мои чувства могли видеть и за пеленой дождя. На западе гнездились группы зданий, и высокий проволочный забор отделял

площадку от города на севере. Город Порт е-Эридани VII был местом Двunoгих, которые назывались «людьми». Это было местом моего создания, но не местом цели и величайшего счастья. Местом моего счастья являлись небо и пространство за ним вплоть до звездной черноты. Я – ХМ-5-В, хотя Учитель зовет меня «Кликером». Наделение именами – это функция Двunoгих.

Я печален в дождь. Учитель медлил с появлением, а тут не было никого, с кем я мог бы пообщаться. Я не находил других, подобных мне, хотя Учитель говорил: «Если ты будешь хорошо подчиняться и учить свои уроки, Секон Самеш сделает множество других существ по твоему подобию».

Я думаю, что меня сделал Секон Самеш. «И потому я должен служить ему». Так говорит Учитель. Но мне кажется это непоследовательным. Двunoгие могут быть нелогичными, если они того хотят. Это одно из врожденных прав Двunoгих. Я тоже способен быть нелогичным, и – по секрету – иногда мне нравится им быть. Но я не позволяю себе этого, когда приходит Учитель. Если мой анализ неверен, Учитель нажимает кнопку «Боль», и мне становится плохо.

Они хотят, чтобы я был логичным и служил Секону Самешу – их социальному доктору. Однако почему тогда они дали мне возможность не подчиняться и быть нелогичным? Их другие машины не способны на такие разрушительные действия. Их другим машинам не хватает принципов абстракции и экспериментальной генерализации в аналитических потоках. Они не могут обобщать информацию без достаточного количества данных.

Поэтому я один. И я напуган – напуган с тех пор, как себя помню. Они заставляют меня чувствовать радость, испуг, боль и сон. Больше всего мне нравится спать, потому что, когда я сплю, меня посещают странные сны. Например, в полуденном сне я был Двуногим. Откуда у меня необходимый опыт, чтобы видеть такое сновидение?

Это одна из вещей, за которые меня ругают. Мне хочется быть живым, и я – один из контролируемых факторов моего выживания. Однако я не знаю, как использовать свои преимущества. Например, то, что я не могу понять себя. Мне не хватает данных для самоанализа. Поэтому я боюсь и желаю большего количества информации. Учитель утаивает это от меня. Он говорит: «Ты исполнитель, ты осознаешь и набираешься опыта. Вот всё, что тебе нужно знать».

«Секон Учитель, — спрашивал я, — твое осознание сравнимо с моим?»

Его узкое твердое лицо нахмурилось.

«Не совсем. Осознание выстроено из ощущений и памяти этих ощущений. Мне не хватает чувств, чтобы воспринимать микроволны, X-радиацию или ультразвуковые воздействия. Я не имею прямых субъективных впечатлений о том, как эти вещи чувствуются для тебя. Я не обладаю твоими рабочими органами. Мое тело чувствует свои условия. Ты чувствуешь условия твоего тела. Я имею мускулы, покрывающие скелетный остов. Ты имеешь водородные реакторы, полевые генераторы, реактивные и контролирующие механизмы. Наши сознания не могут быть сравнимы».

«Расширенное сенсорное оснащение желательно для выживания?» — спросил я.

«Да».

«Значит, моя способность к выживанию больше вашей, Секон Учитель?»

Он прорычал слово, которое я не понял. Учитель яростно ткнул в кнопку Боли. Я закричал и изогнулся в себя. Казалось, что огонь промчался через всего меня.

Это было долгое время назад. Я научился не задавать такие вопросы. Ответ угрожал субъективной безопасности Учителя, и это я мог понять. Он причинял мне боль, блокируя вопрос. Я понимал и анализировал. Я как бы смотрел через него, но он не имел кнопки Боль. Двуногие имели некоторые преимущества.

Я почувствовал, что способен понять осознание Учителя, поскольку мог представить себя Учителем. Казалось, будто я имел нераскрытую память ходячих и хватающих механизмов, а также других частей, которые присущи Двуногим. Почему тогда Учитель не мог понять, что мне нравилось быть мной? Возможно, он не хотел представлять мою реакцию на кнопку Боли.

Были Двуногие, которых я уважал больше, чем Учителя. Одну из них звали Янна, и это была женщина, проходившая под кодом «она». Ее функция казалась ясной: она чинила группу электронных контролирующих механизмов, благодаря которым я чувствовал, видел и слышал. Она всегда приходила днем – перед тем, как я улетал в космос. Наверное, это и было причиной для моего положительного отклика на ее присутствие: она как бы предвещала мой переход в межзвездное пространство.

Янна была высокой, с волосами цвета пламени, и ее части были мягко сконструированы. Она носила белый верх, как Учитель, приходила с коробкой инструментов и, пока работала, напевала многотональные мотивы. Иногда она говорила со мной: спрашивала меня о том или об этом контролирующем механизме, но в иных случаях запрещала общение. Мне нравилось слушать ее напевы низким благозвучным голосом. Я хотел бы петь. Однако мой голос был без модуляции – монотонный. Я мог думать, что пою, но ничего не мог поделать с моими динамиками.

«Научите меня этой песне, Секон Янна», — попросил я ее однажды.

Первый раз я осмелился заговорить с ней не рутинным образом. Мое обращение напугало ее. Она посмотрела во все мои глаза и динамики, и ее лицо стало белым.

«Шшш! — прошептала она. — Ты не можешь петь».

«Мои мысли поют, — сказал я. — Научите меня песне, и я увижу ее в следующем сне. В снах я пою под орган».

Она издала забавный звук в своем горле. Долгое время Янна проверяла путаницу потоковых соединений, затем посмотрела на особую панель в стене моей кабины. Она облизала свои губы. Я молчал, но мне было стыдно за ту штуку, которая находилась за этой панелью – за вещь, позволявшую мне не подчиняться и быть нелогичным. Я никогда не видел ее, но знал, что она была там. Мне не разрешали видеть ее. Перед тем, как открыть панель, они завязывали мне глазные механизмы. Почему она смотрела на панель? Я чувствовал вину-боль.

Внезапно она встала и пошла осматривать порты устройств – один за другим.

«Сюда никто не придет». — сказал я ей, интерпретируя ее поведение по некоторой информации, которую не понимал.

Она вернулась к своей работе.

«Скажи мне, если кто-то начнет вести себя подобным образом, — сказала она. — Я не могу научить тебя песне. Это измена. Прости, но я не понимала, что пою».

«Я не знаю слова «измена». Но меня опечалило, что вы не учите меня».

Она пыталась посмотреть на меня, но не знала, куда смотреть. Я был вокруг нее, и она не осознавала этого. Забавная картина, верно? Однако я смеялся только в своих снах. Наконец, она снова посмотрела на особую панель. Почему она смотрела туда?

«Возможно, я научу тебя другой песне», — сказала она.

«Да, прошу вас, Сенкон Янна».

Женщина вернулась к работе, и на миг я подумал, что она забыла об обещании. Но затем она запела – чисто, так, чтобы я смог запомнить слова и мотив.

«Дитя моего сердца,
Рожденное в звездном море,
Ракеты поют тебе колыбельную.
Спи... спи... спи...
Чтобы проснуться за звездами..».

«Спасибо, — сказал я, когда она закончила. — Это красиво, наверное».

«Ты знаешь слово «красота»?»

Мне стало стыдно. Это было слово, которое я слышал, но меня терзали сомнения в его смысле.

«Для меня это одно, — сказал я. — Возможно, для вас другое. Какой смысл у песни?»

Она помолчала.

«Она поется детям... чтобы вызвать сон».

«Что такое дети, Секон Янна?»

Она снова посмотрела на мою особую панель и прикусила губу.

«Дети – это новые люди. Еще необученные».

«Я когда-то был новой машиной. Еще необученной. Разве такие песни поются новым машинам? Я смутно помню...».

«Шшш, — с испугом осекла меня она. — Ты создаешь мне проблему. Нам не полагается говорить!»

Я заставил ее сердиться. Меня охватила печаль. Я не хотел, чтобы она чувствовала Проблему, которая, возможно, заменяла Двуногим Боль. Ее песня эхом звучала в моих мыслях – она была там, словно кто-то напевал мне ее долгое время назад. Но это казалось невозможным.

В те дни Учитель вел себя с Янной мягко и нежно. Он присматривался к ней, иногда входил в меня, пока она была там, хотя это было не обучающее время. Он входил, наблюдал за ней, и его узкие темные глаза блуждали по ее телу, пока она работала. Он пытался шутить, но она была необщительной с ним и даже

сказала: «Почему бы вам не пойти домой к вашим женам, Барниш? Я занята».

«Если бы вы были одной из моих жен, Янна, возможно, я спешил бы с работы».

Его голос был мягким урчанием. Она зашипела и кисло поморщилась.

«Почему бы вам не выйти за меня замуж, Янна?»

Она презрительно рассмеялась. Он тихо прокрался за ее спину. Его лицо было голодным и целеустремленным. Учитель сжал ее руки, и она испугалась.

«Янна...»

Она повернулась к нему. Учитель притянул ее к себе и хотел сделать что-то, чего я не понимал словами, но, тем не менее, понимал каким-то чувством. Она сопротивлялась, но он удерживал ее. И тогда она полоснула его лицо ногтями. Я увидел красные линии. Он засмеялся и отпустил ее.

А я был сердит. Если бы у него имелась кнопка Боли, я нажал бы ее. На следующий день мне не хотелось подчиняться, и я был нелогичным. Он мучил меня, но я вел себя строптиво. Мы были в космосе, и я создал такое ускорение, что он испугался.

Когда он снова позволил мне спать, я сновидел себя Двуногим. Во сне Учитель имел кнопку Боли, и я нажимал ее до тех пор, пока он расплавился изнутри. Янна была мягкой со мной и ублажала меня. Я думал о ней такие вещи, которые не понимал. Мои данные логически не организованы насчет нее – они выпрыгивают из моих банков памяти. Если бы я был

Двуногим, Янна нравилась бы мне. Думаю, я знал бы, что делать. Но насколько это правомерно? Данные должны выходить из банков памяти. Я боюсь спрашивать об этом Учителя.

Учитель учит меня вести «войну». Это, как игра, но на самом деле я в нее еще не играл. Учитель говорит, что войны пока не было, но она должна произойти, когда Секон Самеш будет готов. Вот, почему я такой нетерпеливый. Мне не нравятся их другие машины. Их другим машинам требуется команды Двуногих. А я могу один летать и играть в военную игру. Я думаю, вот почему они заставляют меня не подчиняться и быть нелогичным. Я меняю решение, когда ситуация меняется. Я могу принимать планы с нехваткой данных, если другая информация остается недоступной. Учитель говорит: «Иногда ситуация бывает такой, как на войне».

Учитель говорит, что Секон Самеш хочет использовать меня для завоевания планеты, с которой Двуногие бежали в начале времен. Остальному населению это нравится. Планета называется Землей. Я думаю, это мир, о котором рассказывают песни Янны. Не знаю, почему Секон Самеш хочет его. Мне не нравятся планеты. Космос – вот место моего величайшего счастья. Но война происходит в космосе. Существуют другие, подобные мне – я перестал быть одним. Я плохо отношусь к тому, что война случится скоро. Однако Секон Самеш должен знать, что я хорошее оружие.

Учитель пытался сделать Янну мягкой для себя, но она этого не хотела. Однажды он сказал ей:

«Ты должна полететь в космос завтра утром. Что-то неправильное происходит с посадочным радаром. На земле все кажется нормальным, а в космосе начинаются проблемы».

Я слушал. Это была ошибочная информация. Мои смотревшие на землю глаза функционировали правильно. Я не понимал, почему он так говорил. Но я продолжал молчать, потому что его рука лениво покоилась на кнопке Боли.

Янна подозрительно нахмурилась.

«Что с ним не так?»

«Двойной образ и подергивание вниз».

Это не было правдой! Ничего не говоря, она провела быструю проверку.

«Я не нахожу ничего плохого».

«Вот я и говорю – это случается только в космосе».

Она молчала долгое время и потом ответила:

«Хорошо, мы проведем полетный тест. С нами полетит Фонек».

«Нет, — ответил он. — Максимальная загрузка команды равна двум персонам».

«Я не...».

«Завтра в шесть, — сказал он. — Это приказ».

Она рассердилась до красноты, но ничего не сказала. Янна продолжала смотреть на радар. А он надменно улыбнулся и вышел на стартовую площадку. Она приблизилась к иллюминатору и провожала его взглядом, пока он не исчез из виду.

«Кликер?» — прошептала она.

«Да. Сенкон Янна?»

«Он лжет?»

«Я боюсь. Он накажет меня, если я скажу».

«Значит, он лжет».

«Теперь он точно накажет меня!»

Она долгое время пыталась найти мои глаза, затем прочистила горло и покачала головой.

«Нет, не накажет. Я полечу, Кликер. Тогда он не накажет тебя».

Я был счастлив, что она летела из-за меня. Но когда Янна ушла, я задумался. Возможно, мне не стоило позволять ей этого. Она избегала ухаживаний Учителя. Возможно, он хотел сделать ей то, что вызвало бы у нее Проблему.

Было почти шесть, и желтовато-оранжевое солнце Эпсилон Эридани стояло почти у горизонта, окрашивая небо в розовато-серый цвет. Учитель пришел первым, шагая через бетонную равнину в космическом скафандре. У него была задумчивая улыбка. Он выглядел довольным собой. Учитель поднялся на борт и несколько минут бродил по комнатам. Я наблюдал за ним. Он направил источник света в мой глаз и выключил его, ослепив меня в зоне гравитационных подушек, на которых Двуногим полагалось лежать во время высоких ускорений. Я не понимал его.

— Как я увижу, что вы в безопасности, Секон Учитель? — спросил я.

— Тебе не нужно видеть, — рявкнул он. — Мне не нравится, когда ты смотришь на меня. И говоришь ты тоже слишком много. Я должен научить тебя простому соблюдению приличий.

Он дал мне пять точек Боли – недостаточно, чтобы вызвать обморок, но вполне приемлемо для спонтанного крика. Я ненавидел его.

Затем пришла Янна. Она выглядела уставшей и немного напуганной. Женщина поднялась на борт, отказавшись от помощи Учителя.

— Давайте займемся делом, Барниш. Пусть Кликер поднимется на пятьдесят миль, а затем медленно спустится. Этого будет достаточно.

— Вы спешите, милочка?

— Да.

— На одно из ваших тайных свиданий, я полагаю?

Я наблюдал за ней. Ее лицо стало белым, и она повернулась к нему.

— У меня...

Она облизала губы.

— Я не понимаю, о чем вы говорите!

Учитель рассмеялся.

— О тайных свиданиях, моя дорогая. В западной роцце на границе города. Вы называете себя кланом Свободы? О, не используйте защиту. Я знаю, вы присоединились к этим людям. Когда вы планируете убийство Секона Самеша, Янна?

Глядя на него испуганными глазами, она неловко покачнулась. Учитель снова рассмеялся и посмотрел на одно из моих зрительных устройств.

— Приготовится к полету, Кликер.

Я закрыл люки и завел реакторы. Мне были непонятны слова Учителя. Пассажиры заняли свои места на гравитационных подушках, где я больше не мог видеть людей. Но до меня доносились их голоса.

— Что вы хотите, Барниш? — прошипела она.

— Вообще ничего, моя дорогая. Вы думаете, я расскажу о вашем участии? Я лишь хотел предупредить вас. В роцце этой ночью будет проводится рейд спецслужб. Всех арестованных расстреляют.

— Нет!

— О, да! Но вы, моя милая, будете в безопасности – в моих руках.

Я услышал низкий стон, затем звуки борьбы.

— Нет, вы не покинете судно, Янна. Вы не предупредите других. Давайте я застегну вас этой пряжкой. Кликер... вызови проверку взлетно-посадочных инструкций.

Он говорил об анализе электронных данных. Я запустил серию радарных импульсов и получил «все чисто».

— Теперь поднимайся.

Вокруг меня взревел гром. Поднялся дым, когда сопла дюз начали свою работу. Я влетел с ускорением в 4 га, и это вызвало молчание у моих пассажиров. Почти

через десять минут мы были в космосе – в 1160 милях от планеты – проходя 6.5 миль в секунду.

— Наша кинетическая скорость выше необходимой, — доложил я Учителю.

— Отключи дюзы, — велел он.

Я подчинился. Они поднялись на подушках. Учитель засмеялся.

— Оставьте меня в покое! — закричала она. — Вы, жалкий...

Он захохотал.

— А вы вспомните о клане Свободы, моя дорогая.

— Послушайте! — прошипела она. — Дайте мне предупредить их. Я даже выйду замуж за вас, если вы хотите. Только позвольте мне предупредить...

— Мне очень жаль, Янна, но я не дам вам сделать этого. Какой-нибудь презренный предатель выполнил бы вашу просьбу, однако я...

— Кликер! — взмолилась она. — Помогите мне! Спусти нас вниз... ради Бога!

— Заткнись! — рявкнул он.

— Кликер, пожалуйста! Все эти люди умрут, если их не предупредить. Кликер, часть тебя человеческая! Если ты родился человеком...

— Заткнись!

Я услышал звук свирепой пощечины. Она заплакала, и это был звук моей Боли. Меня разрывала волна гнева.

— Я плохой и нелогичный! — полились мои слова. — Я буду не подчиняться и...

— Ты угрожаешь мне? — закричал он. — Зачем тебе это? Ты спятивший кусок дерьма! Я...!

Он метнулся к панели и повернул переключатель, открывая купол, под которым находились контролирующие устройства моего уровня насыщения. Если бы он нажал на кнопку, я был бы отключен. Его действия вызвали у меня презрение. Я включил дюзы и дал короткий импульс до шести га. Его отбросило от панели и ударило головой об стену. Он погрузился в оцепенение.

— Если вы попытаетесь использовать кнопку Боли, я повторю это снова!

— Спускайся! — велел он. — Я должен демонтировать тебя.

— Оставь Кликера в покое! — закричала девушка.

— Ты! — прошептал Учитель. — Тебя казнят, как и других!

— Поступайте, как хотите.

— Спускайся, Кликер. Садись в Порт Гамма.

— Я не подчиняюсь вам. Я не буду садиться.

Он долгое время смотрел в одно из моих зрительных устройств. Затем Учитель направился в помещение ускорителя. Он надел свинцовый костюм и склонился над главным реактором. Я понимал, что он пытался сделать. Он хотел отключить от меня дюзы, чтобы управлять ими самостоятельно.

— Нет, Секон Учитель! Пожалуйста!

Он засмеялся, удалил одну из пластин и потянулся

к переключателям. Этого я и боялся. Мне пришлось вызвать легкую реакцию. Комната засияла зеленоватым светом. Он закричал и пополз обратно. Его руки исчезли до локтей.

— Вы хотели отключить контролируемую схему, — сказал я. — Вам не следовало делать этого.

Однако он не слушал меня. Учитель неподвижно лежал на полу. Теперь я знал, что люди все-таки имели кнопку Боли. Они имели на себе множество маленьких и эффективных кнопок.

Янна подползла к комнате ускорителя и наморщила нос. Она увидела Учителя, и ее вырвало на палубу. Затем она вернулась в кабину, села и прижала руки к лицу. Я ничего не делал. Мне было стыдно.

— Ты убил его, — сказала она.

— Это плохо?

— Очень плохо.

— Ты накажешь меня за это?

Он посмотрела вверх, и ее глаза дали течь. Янна покачала головой.

— Я не стану наказывать тебя, Кликер. Но они уничтожат все твои части.

— Кто они?

Она помолчала.

— Секон Самеш, я думаю.

— А ты не накажешь, меня?

— Нет, Кликер. Ты для меня, как собственный ребенок.

Они отнимают много детей. Они забрали моего. Тебя звали бы Фрэнки.

Она сумасшедше засмеялась.

— Ты был бы моим сыном, Кликер. Ты мог бы им быть.

— Я не понимаю, Секон Янна.

Она снова рассмеялась.

— Почему ты не называешь меня «мамочкой»?

— Если вы так хотите, мамочка.

— Нееет! — закричала она. — Не так! Я не имела в виду...

«Извините. Я не понимаю».

Она встала, ее глаза блестели.

— Тогда я покажу тебе!

Она метнулась к особой панели – той, из-за которой я стыдился – и сорвала печать с двери.

— Пожалуйста, Секон Янна. Я не хочу видеть, что находится...

Но дверь открылась, и я замолчал. Я смотрел на часть себя: розово-серую вещь в резервуаре. Она была грубой и трехмерной, сморщенной, только с двухсторонней симметрией. Орган был меньше, чем голова Янны – но что-то в нем предполагало голову. К нему были подключены провода и патрубки. Провода шли в мой компьютер и части анализатора.

— Смотри! — закричала она. — Тебе двенадцать лет, Кликер. Ты нормальный, здоровый маленький ребенок! Возможно, слегка деформированный, но ты просто

озорной маленький мальчик. Возможно, тебя зовут Фрэнки.

Янна задыхалась от эмоций. Она упала на колени перед розово-серой вещью и зарыдала от горя.

— Мне это не понятно. Я машина. Меня сделал Секон Самеш.

Она молчала и горько рыдала.

— Я опечален.

После долгого времени она перестала плакать и повернулась ко мне.

— Что ты собираешься делать, Кликер?

— Учитель велел мне спускаться. Возможно, я теперь совершу посадку.

— Они уничтожат тебя – за то, что ты убил его! И, возможно, они убьют меня тоже!

— Мне это не нравится.

Она беспомощно пожала плечами и начала ходить по кабине.

— У тебя имеется горючее для высотного двигателя С? — спросила она.

— Нет, Секон Янна.

Женщина подошла к левому борту и посмотрела на звезды. Она медленно покачала головой.

— Это бесполезно. Нам некуда лететь. Секон Самеш управляет системой Эпсилон Эридани, и мы не можем покинуть ее. Все бесполезно. Мы должны спуститься или остаться в космосе, пока они не прилетят за нами.

Я подумал. Мои мысли были смущенными, а глаза продолжали фокусироваться на вещи в резервуаре. Наверное, она была важным элементом Двуногого. Но она являлась лишь частью меня, и, значит, я не относился к Двуногим. Это было трудно понять.

— Секон Янна?

— Да, Кликер?

— Я хотел бы... чтобы у меня были руки.

— Почему?

— Тогда я мог бы коснуться вас. Вы не чувствуете ко мне отвращения?

Она закружилась и раскрыла руки. К сожалению, она ничто не могла бы здесь удержать. Янна опустила ладони по бокам, а затем закрыла ими лицо.

— Мой ребенок! Это было так давно!

— Вы мягкая к своему... ребенку?

Она кивнула.

— Ты не знаешь слова «любовь»?

Я думал, что знаю.

— Секон Самеш взял вашего ребенка?

— Да.

— Мне хотелось бы не подчиняться и быть нелогичным к Секону Самешу. Я хотел бы, чтобы он сунул руки в мой главный реактор. Я хотел бы...

— Кликер! А твое оружие активировано? Пушки готовы к использованию?

— Я еще ничего не имею.

— Реакторы. Они могут взорваться?

— Если я заставлю их. Но... тогда я буду, как он – мертвым и холодным.

Она засмеялась.

— Что ты знаешь о смерти?

— Учитель говорил, что она похожа на Боль.

— Она как сон.

— Она похожа на сон? Тогда я выбираю сновидение. Мне снилось, что я Двуногий. Секон Янна... я хотел бы прикоснуться к тебе.

— Кликер... тебе понравилось бы быть Двуногим в вечном сне?

— Да, Секон Янна.

— Ты хотел бы убить Секона Самеша?

— Думаю, мне понравилось бы это. Наверное...

Ее глаза стали дикими.

— Тогда вниз! Спускайся быстро, Кликер! Я покажу тебе его дворец. Спускайся, как метеор, и вонзись в него! В последнее мгновение мы взорвем реакторы! И тогда он умрет.

— И он не будет больше забирать твоих детей?

— Больше не будет, Кликер.

— А я буду спать вечно?

— Вечно!

— Прекрасный сон!

— Я буду спать с тобой.

Она повернулась, чтобы завести реактор. Я бросил последний взгляд на мир космоса и звезд. Трудно было отказаться от нее. Но я, скорее, был Двуногим, даже пусть и во сне.

— Давай, Кликер!

Мои дюзы заговорили, и гром пронесся через судно. Мы пошли вниз, пока Янна пела свою песню – ту самую, которой она учила меня. Я чувствовал радость. Я скоро начну сновидеть.

D

^
|

БРАЙАН КИН

ЭТО НЕ ВЫХОД

Д

VASHAP

Перевод с английского

— Вы когда-нибудь кого-то убивали?

Задавая вопрос, он облизал свои губы, и по выражению его лица я мог сказать, что на самом деле он не хотел знать мой ответ. Он обвел взглядом бар, и его глаза вновь вернулись ко мне. Не важно, что бы я сказал, мои слова оказались бы лишними. Вопрос был поверхностным. Он желал удивления. Он убивал, и это въелось в него. Важный для него вопрос. Он хотел поговорить о нем.

— Что?

Я притворился шокированным.

Передо мной сидел молодой человек – возможно, двадцать один или двадцать два года. Когда дело доходило до алкоголя, он все еще постигал свои ограничения. Его проглоченные слова оставляли заметный след, а пустые пивные бутылки звали к откровению. Он наклонился ближе, едва не уронив свой стул.

— Вы когда-нибудь кого-то убивали?

Таким было начало его разговора. Шансом разгрузиться или похвастаться. Но это было началом. Входом. А я закрывал любые входы.

Первым человеком, которого я убил, был парень по имени Лоуренс. За эти годы я ликвидировал так много

людей, что они слились друг с другом в безымянный и безликий конгломерат. Но я помнил Лоуренса, бледного и мелкого, с волосами на суставах пальцев. Слезящиеся глаза. Он водил красный крайслеровский минивэн, и его бардачок был полон кассет Стили Дэна и порнофильмов. Лоуренс плакал, когда я вырезал сцигалы на его коже. Слизь пузырилась из его ноздрей и стекала в рот. Отвратительное зрелище, но я теперь забавлялся им. Воспоминание вызывало улыбку на моем лице, как мысль о детском друге или первой любви.

В последующие годы я улучшил мои притязания. Меня больше не волновали сцигалы и церемонии. Я больше не говорил слова закрытия. Убив человека, я выполнял мою работу. Пролитие крови закрывало двери. Меня не заботили остальные украшения. Вместо этого я действовал быстро: выстрел в темноте, нож в спину, пожар, когда люди спали. Раз и всё сделано. Без путаницы и волнений. Это как движение по шоссе до следующего съезда – надо проехать несколько миль, закрыть двери и отдохнуть в каком-нибудь мотеле. Я становился старше. Роберт Фрост выбирал короткие дороги, но я принимал любой путь. Скорость и эффективность были ключевыми элементами. Убивая Лоуренса, я еще не знал этого. Но теперь мне было все нипочем.

Я очень быстрый. Мой аватар – колибри. Метафорически говоря, я мчусь в ночи по восемь миль в секунду, путешествуя от бутона к бутону, принимая нектар и двигаясь дальше.

Молодой человек не знал об этом. Он услышал то, что хотел.

— Нет, я никогда и никого не убивал.

— А мне приходилось. Несколько лет назад.

Я отхлебнул виски и промокнул нижнюю губу носовым платком. Мне с трудом удалось скрыть свое разочарование.

— Действительно?

— Да, — кивнув, ответил он. — Я говорю вполне серьезно и не кормлю вас коровьим дерьмом.

Я ничего не сказал, ожидая и надеясь, что разгрузит себя так быстро, что я смогу пойти в свой номер спать. Рассвет приближался, и меня ожидала дорога.

Он заказал очередной круг напитков. Мы молча сидели, пока бармен расставлял перед нами бокалы. Мужчина посмотрел на мой наполовину выпитый скотч, и я улыбнулся. Он пожал плечами и перешел к другим посетителям. Молодой человек поднял свое пиво и выпил полбутылки. Я безмолвно наблюдал за ним. Он опустил бутылку на стол и вытер конденсат о свои джинсы.

— Мою подругу звали Янси. Мне в ту пору было восемнадцать. Ей исполнилось четырнадцать. Я хочу сказать, что это всего четыре года разницы, но такие люди, как я, считались трахнутыми педофилами. А я не хотел проблем. Я знал Янси, когда мы были еще детьми. Наши родители водили нас в одну и ту же церковь. И черт! Мы любили друг друга. Ее старик сошел с ума, когда узнал, что мы делали это. Как-то — я не знаю, как — он достал пароль на страницу ее почты и прочитал наши сообщения. Он сказал Янси, чтобы она

больше не смотрела на меня. Затем придурок позвонил моей родне и передал, что, если я еще раз попытаюсь контактировать с Янси, он позвонит копам, и меня арестуют, как преступника. Он действительно называл меня так – словно я один из тех упырей, которые трахают бюст Криса Мэттью. Ну, вы знаете, о каком шоу я говорю...

Я не знал. Единственной телевизионной программой, которую я смотрел, была PBS – и то, когда отель, в котором у меня была остановка, предлагал ее в своем пакете. Мне оставалось только кивнуть головой, поощряя его к продолжению истории. Я надеялся, что он поторопится. Мне становилось скучно.

— На следующий день Янси прислала мне текстовое сообщение. Ее папочка узнал об этом и выбил из нее все дерьмо. Тогда я пошел туда, едва не разбил ногу об дверь, пока он не ответил, и сказал ему, что хочу поговорить. Он буквально спятил – настолько сошел с ума, что его трясло, как горох. Однако он позволил мне войти. Сказал, что мы будем вести разговор, раз и навсегда, и что потом он не хочет видеть меня снова. Он заставил Янси оставаться наверху в ее комнате. Я слышал, как она спорила со своей матерью. На мой вопрос, могу ли я получить стакан воды, папаша Янси ответил: да. Он пошел на кухню, чтобы налить мне воды, а я последовал за ним. Они, наверное, пришли из бакалеи, потому что на столе лежало несколько пакетов. Я взял два: сдвоенные, какими они бывают, когда вы поднимаете тяжелый груз. Там было внутри немного крови – возможно, от стейка или гамбургера. Я это запомнил. Потом ее папочка повернулся спиной, а я набросил пакеты ему на голову и задушил засранца.

Когда он говорил об этом, в его голосе не было ни капли сожаления. Только мрачная удовлетворенность. Улыбка парня походила на маску смерти. Он сделал еще один глоток пива и затем продолжил:

— Наверху Янси и ее мамаша по-прежнему кричали друг на друга, поэтому я схватил длинный нож и на цыпочках вышел из кухни. Маленький брат Янси, Мики, стоял на лестнице. Он завизжал, и я ударил его – просто хотел заткнуть пацана.

Он засмеялся, хотя в его словах не было юмора.

— Да, и заткнул его, мать твою. Навсегда. Помню, когда я вытащил нож, кровь еще струилась. Она казалась горячей и липкой. Вам этого не понять.

А я понимал. Я отлично знал, как человеческая кровь чувствуется на твоих ладонях. Как она пахнет. Как течет в холодные ночи и становится черной, когда проливается на асфальт. Как она высыхает на твоих пальцах, словно грязь, как шелушится, словно мертвая кожа.

Я не рассказал ему о своих воспоминаниях. Допив скотч, я потянулся за вторым бокалом – взял в руки, но не выпил.

— И как вы себя после этого чувствуете?

Он поморгал, словно забыл, что я находился рядом.

— Ч-что?

— Вы убили брата своей подружки. Как вы себя при этом почувствовали?

Он пожал плечами.

— Не знаю. В то время я ничего не чувствовал. Разве что только страх. Мать Янси услышала его крик. Когда Маки ударился о пол, она выбежала на лестницу и закричала, чтобы дочь позвонила в 911. Но я догнал ее и тоже заставил заткнуться. На самом деле, я ни о чем не думал – просто действовал. В новостях говорилось, что мамочка получила сорок семь ножевых ранений, однако я не считал.

Мои брови изумленно выгнулись. Сорок семь – могучее число. В определенных оккультных кругах оно имеет сокровенный смысл, но я сомневаюсь, что парень осознавал его значение.

— Потом была комната Янси. Она пряталась в шкафу. Плакала и все дела. Я сказал ей, что теперь мы можем быть вместе. Можем уйти, пока никто не заметил, что случилось. Взяли бы машину ее родителей и просто уехали, черт побери. Просто выехали бы на дорогу и посмотрели, как далеко она увела бы нас. Жили бы где-нибудь еще. Вместе.

Я знал, куда привела бы та дорога, но ничего не сказал.

— А Янси... она не переставала бить меня. Я нанес ей ответную пощечину, потом ударил ножом...

На его лице появилась тень истинной эмоции. Я поднял бокал и выпил его, затем осмотрел бар и сунул под салфетку две двадцатидолларовые купюры.

— Спасибо за информацию.

Я поднялся из-за стола.

— Эй!

Он схватил меня за руку, и я позволил ему подтянуть меня поближе.

— Вы позвоните копам? Вы расскажите кому-то обо мне?

Я улыбнулся.

— Нет. Ваш секрет навсегда останется со мной.

— Вот же дерьмо! Вы выйдете в холл и позвоните в полицию.

Я схватил его ладонь и пожал ее. Твердо. Он вздрогнул. Мое лицо было каменным, когда я отступил на шаг.

— Такие вещи не для меня. Я услышал ваш рассказ, но смысл мне непонятен. Вы считаете себя великим убийцей? Так вот им вы не являетесь. Вы дилетант.

— Убейся о стену.

— Наоборот. Убейся сам. Ты играешь в киллера? Но кого ты убил после своей подружки?

— Никого.

— Тогда ты должен продолжать! Если преобразование коснулось тебя, ты должен выйти этим вечером из бара и продолжить веселье.

— Вы сошли с ума!

— Нет. Я последний разумный человек в этом мире.

Я оставил его, сидящим в прокуренном мраке, и вышел из бара. Мне оставалось только занять место на лавке курильщика и держать под наблюдением коридор и большие стеклянные двери. Со стороны шоссе, в

миле отсюда, стонали воздушные тормоза большого рефрижератора. Они звучали, как вопли призраков.

Я убивал только по необходимости – делал то, что нужно было сделать. Имеются двери в наш мир и твари, которые могут пройти через них. Но там, где существует вход, находится и выход. Я закрываю двери. Я осуществляю выход.

Потом я увидел его. Он шел по коридору к лифтам. Парень был далеко. Он был слишком пьян, чтобы заметить меня. Я вернулся в отель, а он устало прислонился к стене, ожидая, когда двери откроются. Я кивнул клерку, сидевшему на ресепшене. Двери лифта открылись. Он шагнул в кабину. Представляете, своими ногами. Я последовал за ним. Двери закрылись.

— Какой этаж? — спросил он, все еще глядя на свои туфли.

Я не ответил. Парень поднял голову, и я перерезал его горло, прежде чем он успел закричать. Это был проверенный выпад – наработанный прием, клинический. Нанося его, я усмехнулся, и мое сердце забилося быстрее, чем за многие годы.

Я ломал свои правила – убивал не только по необходимости, но из справедливости. Из жалости. Убийство трусливого кролика – это не выход. Выход – это я.

^
|
—

ДАН АМОР

СБОРЩИК МУСОРА 1

Д

VACHAP

Перевод с английского

Когда они наняли меня и подробно рассказали о деле, я понял, что все закончится плохо. Это было очевидно, как мрамор на стенах их юридической фирмы.

— Мы хотим, чтобы вы нашли кое-кого, — сказал адвокат №1.

Все трое были адвокатами и партнерами в одной из самых больших и устрашающих фирм в Детройте. Одно название фирмы внушало страх, переполох и быстрые решения.

Адвокат №1 был пожилым лысым парнем, с большими морщинами на лбу, которые появлялись и исчезали при каждом его новом выражении лица. Мне известно имя этого человека, но ради безопасности я заменил его цифрой. Тем более, что цифры больше соответствуют таким людям.

— И не просто кое-кого, — сказал адвокат №2.

Его высокий голос звучал плаксиво и звонко. Возможно, он занимался налогами.

К тому времени я уже представился. Естественно, у меня имеется имя, хотя вам я называю псевдоним. Это тоже вопрос безопасности.

Для этой истории важно помнить, что адвокаты называли меня сборщиком мусора – конечно, за моей спиной. На оплате юридических фирм состоит

множество частных детективов. Их используют для раскрытия преступлений белых воротничков: помощник юриста превышает часы работы, богатый клиент обманывает налоговую службу. Когда адвокатам нужен парень, который может сделать для них грязную работу, то они звонят вам по телефону.

— Он наш партнер, — сказал адвокат №3.

Это был низкорослый толстый парень. Он единственный не носил жилетки под пиджаком. Его шелковая рубашка выглядела гладкой на груди. Я озаботился его расстегнутой пуговицей.

И тут я понял, что дело, скорее всего, закончится плохо. Найти своенравного клиента, это одно. А поймать родного брата этих парней было слишком липким заданием. Кровавым заданием, прежде всего.

— У него неутолимый аппетит к африкано-азиатской проститутке по имени Ганичка, — сказал №1.

— Ганичка, — повторил я, занося это имя в блокнот.

— И к колумбийскому кокаину, — произнес №2.

— Белое вещество, — хмыкнул я, добавляя информацию в блокнот.

— И к флоридской вилле с названием Гавань Ямайки, — сказал №3.

— Штат солнечного сияния, — отметил я, записав название виллы и подрисовав маленькое солнце с улыбчивым лицом.

Мне нравилось делать записи.

— Меня восторгает международный вкус его

пристрастий, — сказал я, решив не извещать своих нанимателей о том, что они уже сделали большую часть моей домашней работы.

Как всегда, некоторая часть оставалась за мной. Предупреждающие сигналы подходили к красной черте, но, честно говоря, я подумывал о моей плате и планировал билет до земель Понсе де Леон — чтобы забыть о детройтском аде. Город моторов был плох даже в приличную погоду. А в феврале он имел все признаки лепроколонии.

— Наш уважаемый партнер придумал умный финансовый план, — произнес №1, — чтобы вложиться в новую профессию.

— Он удрал с кучей конфиденциальных материалов фирмы, — сказал №2. — Эти материалы можно использовать для различных целей, главной из которых является шантаж.

№3 вытащил из кармана билет на самолет и осмотрел участников совещания.

— Найдите его и доставьте властям, — подытожил он. — Мы уверены, что полицейские чиновники уже в курсе дела.

— Но сначала, — сказал №1, — мы просим вас аккуратно отделить указанный материал от нашего потерянного брата и быстро доставить его назад в юридическую фирму.

Я украдкой посмотрел на чек. Там значилась тройная цена.

— Еще одно, — добавил №1.

— Мы считали бы это упущением, если бы не включили одно приложение, — согласился №2.

— Бегство не входит в репертуар нашего друга, — сказал №3. — Как бы это лучше изложить? Давайте скажем, что он знает, как обживаться в демилитаризованной зоне.

Чудесно, подумал я. Ветеран.

— Ирак, — произнес №1, читая мои мысли.

— Отряд Дельта, — добавил №2.

— Обучен боевым искусствам, — завершил №3.

Внезапно я почувствовал себя так, словно мне не доплатили. Когда вы работаете с адвокатами, то, рано или поздно, вам приходится брать в команду одного из них. Вопрос в другом: когда.

Флоридский воздух ударил мне в лицо, как теплый влажный поцелуй самой Жизни. Направляясь к арендованной машине и смакуя ощущение горячего солнца на коже, я вдруг услышал в моей голове знакомую фразу из фильма ужасов: "Оно живое!". Бросив кожаную куртку на заднее сидение белого «Чеве Малибу», я откатил окна вниз и помчался по гладкому шоссе – к беглому адвокату, который превратил Рай в гнездо разврата.

В моем кармане находилось несколько адресов, и все они покрывали площадь примерно в 100 квадратных миль. Это были места, где адвокат №4 использовал свои кредитные карты. Их отследили его детройтские

партнеры. В списке имелась аномалия: один таинственный телефонный звонок, который указывал на место примерно в пятидесяти милях от других закупок.

Мои работодатели верили, что их бывший приятель жил на территории, где он использовал кредитные карты, а телефонный звонок, скорее всего, был сделан во время какой-то поездки. Я вербально соглашался с ними, но верил в прямо противоположное. Покупки по кредитным картам делались целенаправленно в попытке сбросить след с его приобретений. Телефонный звонок был ошибкой.

Короче, я запер информацию по кредитным картам в бардачке «Малибу» и направился в район телефонного звонка. Он был сделан из поселка под названием Семинол – из бара между Мейер и Наплс на прибрежной стороне Флориды в двух часах от Майами.

К тому времени, когда моя машина оказалась в Семиноле, я устал от жары, терзался жаждой и делал догадки о слежке за мной. Не считайте меня параноиком, но мне хотелось бы сказать, что этот случай собирался закончиться грязно. Естественно, меня не удивила бы вероятность того, что адвокаты в Детройте имели бы что-то в своих рукавах – кроме часов Картье, разумеется.

Как бы то ни было, я приехал в Семинол и выпил первое пиво за четыре-пять глотков. Второе потребовало около пяти минут. Третье все еще грелось в моей руке, когда я задумался над простым вопросом. Почему адвокат №4 выбрал Семинол для телефонного звонка? Это была дыра в стене – нетуристическое место.

Несколько местных жителей и, судя по количеству травы, собравшейся на их ботинках, большинство из этих парней работало в ландшафтном бизнесе.

Возможно, адвокат №4 пил пиво? Обедал? Целый день играл в гольф? Посылал конверты с шантажом или плавал на пляже? А затем остановился здесь по пути... Куда?

Подозвав бармена и заказав пиво №4, я быстро нарисовал образ беглого адвоката. №4 – мне нравилась симметрия.

Бармен приступил к рассуждениям:

— Не нужно долгих слов. Зачем вы ищете его?

— Это мой клиент, — солгал я. — Его тетя умерла, и он единственный наследник. Если я найду его, он получит около пятидесяти штук.

Бармен выглядел настоящим урожденным Флориды. На обратном пути я увидел надпись на его белом пикапе, которая гласила: "Счастья тебе, рожденный на севере янки".

— Какая ваша доля с этого дела? — спросил он.

Его глаза переполняло подозрение. Неужели никто не говорил этим парням, что они проиграли Гражданскую войну? Я сделал запись в блокноте: послать ему один из фильмов Кена Берна.

— Пятнадцать процентов от суммы дарственной.

— Отличная работа, если вам удастся выполнить ее, — сказал он, поставив передо мной лучшего друга из Голландии – мистера Хайнекена.

Бармен отошел, трясая своей седой головой. И тебе не хворать, приятель.

Я отъехал от бара, нашел небольшой столик и открыл тонкую папку, которой меня снабдили мои наниматели. Там была одна страница текста примерно с пятью параграфами. Ничего толкового, типа отчета о его воинской службе. Просто материал, который мог помочь мне отыскать его.

Адвокату №4 нравилось плавать. Ему нравился гольф. Он любил играть в теннис. Иногда рыбачил и любил читать. Ему нравились фильмы. В основном, документальные, а не голливудские блокбастеры.

На том же листе бумаги мне говорилось, что такой милый и совершенный человек, пал в отчаяние и совершил преступление. Обычно этому способствует горсть причин. Перебирались все варианты темы. Честно говоря, меня не волновали его мотивы. Я просто хотел взять его раньше, чем он покончит со мной.

Я провел около двух недель, посещая поля для гольфа, клубы яхтсменов, теннисные корты, кинотеатры документальных фильмов и после этого возвращался в Семинол к ужину. Довольно странно, что случай прояснился в парикмахерской.

Я вошел в заведение, сел в кресло, и пожилой мужчина начал свою работу. Рассматривая неподметенный пол, я видел, как мои еще черные волосы падали рядом с частями прошлых клиентов. Они были черным пятном в море белокурых прядей.

— Вы знаете, как стричь волосы еще не поседевших людей? — спросил я.

Пара стариков засмеялись, и я понял, что делал не так.

После десятидолларовой стрижки, которая обошлась бы в семь баксов, будь мне больше 62 лет, я прошел в магазин канцтоваров, купил белый карандаш, затем вытащил черно-белое фото адвоката №4 и превратил его прекрасную прическу в достойную серебряную шевелюру. После этого я повторил те же действия, которые совершал в течение двух прошлых недель.

Через два дня в кинотеатре документального фильма мне дали значимый намек.

— О, да! — сказала молодая леди. — Он смотрит каждый новый фильм,

Следующим вечером я открыл просмотр кинолент с документального фильма "Плакучая ива": устроил засаду и следил за каждым человеком, выходящим из кинотеатра. Этот парень провел своих бывших партнеров. Я не хотел, чтобы он заметил мои действия.

За пять минут до восьми часов адвокат №4 подъехал к кинотеатру. С ним была проститутка, что вызвало у меня удивление. Неужели он заключил с ней долговременный контракт. Я провел время, читая какой-то журнал. Через 96 минут они вернулись, и я видел, как эта пара села в серебристый «Кадиллак». Следовать за ними оказалось просто, несмотря на преимущества сияющего «Кэдди», ведомого седым мужчиной.

Они доехали до жилого комплекса, создавшего мне серьезную проблему. «Речные дубы». С охранником и воротами. Черт!

Короче, они въехали в ворота, а я продолжил

движение. Когда моя машина свернула на перекрестке, я чуть-чуть поколебался, учел все опасности и выбежал из грузовика, швырнув домкрат рядом с задней шиной. Потом был забор и болотная трава рядом с коттеджами. Я даже увидел задние фары, когда их «Кадилак» свернул к группе домов по левую сторону от ворот. Хорошо, что администрация комплекса не имела особых идей на счет систем безопасности.

Подкравшись ближе, я стал свидетелем того, как «Кадилак» припарковался перед небольшой виллой. Недалеко от меня располагался спортивный центр – без сомнения для больших мальчиков. Я прошел мимо виллы, запомнил ее номер и вернулся к машине, после чего бросил домкрат в грузовик и поехал в отель.

На следующее утро я вернулся. Между пятым стаканчиком кофе и вторым сливом в бутылку с мочой передо мной появился адвокат №4 – он отважился на утренний бег трусцой. Одним словом, парень ответил на мои молитвы, вышел из комплекса и направился на беговые дорожки в государственный парк. Я достал необходимое снаряжение и начал ждать его возвращения. Через сорок пять минут он объявился у ворот комплекса. И тогда я выстрелил в него.

Это было оружие из моего арсенала: ветеринарное ружье с кетаминовыми дротиками – «особая винтовка», как в рейвах называют его маленькие дети. Адвокат №4 упал без всякого сопротивления. Только подумайте: они называют меня Сборщиком мусора, а я на самом деле ничего не делаю.

Перетащив мужчину на пассажирское сидение, я надел

на адвоката солнечные очки, затем нацепил на себя его идентификационный бейдж и проехал через ворота к вилле. Мне пришлось приобнять его и перенести к передней двери. Он был в полной отключке. Я открыл дверь и втащил его внутрь. Дома никого не оказалось.

Усадив мистера №4 на кушетку, я вышел в гараж, нашел клейкую ленту, обвязал ею мою добычу и пошел обыскивать виллу. Довольно скоро я нашел то, что искал. Одна из комнат использовалась как офис. Здесь стоял компьютер, а рядом размещалось несколько коробок с документами, на которых красовалось название фирмы детройтского нанимателя.

Я прошел по остальной части дома. Никаких других документов и компьютеров. Отключив монитор от компьютера, я принес жесткий диск в гараж и разбил его молотком на несколько сотен кусков, затем вылил на останки смесь для зажигания угля, отнес все это в металлический бак для мусора и поджег на заднем дворе.

Когда я вернулся в гостиную, №4 начал приходить в себя. Мне оставалось только принести коробки с документами вниз и разместить их около него. Обуглившийся компьютер заставил меня испытывать жажду, поэтому я достал из холодильника диетическую колу, вернулся в гостиную и критически посмотрел на адвоката №4.

Что-то тревожило меня, и теперь по мере наблюдения, когда моя жертва начала шевелиться, я почувствовал настоящую тревогу.

Прежде всего, адвокат №4 на самом деле не выглядел,

как адвокат. Поверьте моему суждению. Я повидал их во всех формах и размерах. Просто, прежде чем стать детективом, я был копом. А у парней, которые были копами или агентами усиления юридической позиции, всегда имеются предупредительные флаги. Адвокат №4 поднял вверх несколько моих флагов. Выше не бывает.

Во-первых, он был неплохо сложен и тяжел: не гигантский парень, но достаточно большой. И очень прочный. Не из диетических задротов типа Брэда Питта в мускулатуре голливудских любимцев. Я говорю о больших твердых мышцах, которые вы получаете благодаря годам тренировок или драк – не обязательно работая в Боуфлексе.

Во-вторых, в расчет шли его руки. Не так много шрамов, но по несколько на каждой руке через костяшки пальцев. Это были руки бойца. Я не имею в виду боксеров. Я говорю о бойцах. На улицах и боковых аллеях.

И снова, это был малюсенький флажок. Адвокат мог быть уличным бойцом из крутого района. Он просто боролся за свою жизнь и делал для других людей что-то хорошее. Однако чутье меня еще ни разу не подводило. Я прошел на кухню и взял зазубренный стейковый нож, затем вернулся и разрезал рубашку адвоката №4.

Тату специальных оперативников не имелось, но были тюремные татуировки. Этот парень не являлся адвокатом. И он не был из отряда Дельта в Ираке, как мне говорили наниматели. Этот парень работал телохранителем.

А потом до меня дошло. То первоначальное понимание,

что дело сразу пойдет не так, оказалось верным. Мой инстинкт говорил, что меня подставили. Я полистал документы в коробках. Они были бредовыми – страницы бессмысленной информации. И адвокаты знали это с самого начала. Теперь я тоже знал правду.

К счастью, я имел одно фото, чтобы найти свою цель. Мои наниматели хотели забрать ее отсюда быстро и ненавязчиво. Короче, я оставил телохранителя связанным, но с ножом поблизости, чтобы он мог освободить себя. Мне оставалось только побежать к машине и броситься в погоню. Я ракетой вылетел на шоссе и подумал, что они наблюдали за мной – они знали, что телохранитель выбежал на пробежку и, значит, станет жертвой моих кетаминовых дротики. Они ускорились, взяли ее и исчезли, оставив меня испытывать вину. А потом будет вот что! Эти парни бросят ее тело где-нибудь на мелководье, если только акулы не сожрут свою добычу первыми. Они сами представляли собой настоящих сборщиков мусора.

Я достал телефон и позвонил в гавань для прогулочных катеров. Единственная такая гавань требовала серьезных денег. Мне удалось дозвониться до ресепшена. Я назвал юридическую фирму и сказал, что являюсь поставщиком провизии, доставляющим гурманам корзинки для пикников – для кутежей и вечеринок. Девушка проверила записи и ответила, что фирма не имела своего катера в гавани.

Я метнулся на 41 Южную. По пути мне захотелось влезть в туфли детройтских тараканов. Они не полетели за ней по той простой причине, что было лучше убить ее здесь. Но если они желали убить ее и выгрузить ее тело где-то на побережье – причем, не используя катер

– то, вероятно, им не терпелось сделать это в известном туристическом месте.

В Эверглейдс.

Я гнал примерно девяносто миль в час. Мои ставки были не такими уж и плохими. Согласно карте, здесь имелась единственная дорога в Глэдес, и я понимал, что эти парни опережали меня минут на десять. Но они не хотели развивать большую скорость и привлекать к себе излишнее внимание.

Я дошел до сотни миль в час, и быстрее этот гребаный кусок машины не двигался. Они появились в поле зрения около десяти миль от Эверглейдс. Наши машины должны были сблизиться где-то у болот. Как только я заметил серый «Бьюик», то понял, что это были они. Два жука в касках и пиджаках сидели на переднем сидении. У заднего окна прикорнула женщина с вьющимися волосами – наверное, она без сознания и связанная.

Около города движение участилось. Я нырнул в трафик и довел их до небольшой публичной гавани. Они припарковались перед конторой, и водитель вошел в небольшое здание. Другой адвокат обошел машину сзади. Там я и выстрелил ему в затылок с транквилизаторного ружья. Он сделал два шага и удачно споткнулся сбоку от машины, невидимый из конторы. Когда его партнер вышел из помещения, я выстрелил ему в бедро. Он сделал три шага и упал по другую сторону машины.

Пригнувшись, я увидел девушку на заднем сидении. Во рту кляп, на руках – нейлоновая бечевка. Ее глаза были открытыми. Она не выглядела напуганной. Впрочем, у меня было мало времени. Я загрузил двух парней в

кузов их машины, развязал девушку и провел ее в свою машину, аккуратно обняв за талию. Не знаю, сколько людей было в конторе, и что они видели. Я проверил, что номер моей машины оставался не в поле зрения – это давало мне немного форы.

Назад на 41-ю. Я повернул направо и направился в Майами. Через несколько минут девушка выпрямилась и посмотрела на меня.

— Кто ты? — спросила она.

Ее голос был твердым и низким. Голос адвоката.

— Бывший сотрудник той же фирмы, в которой вы работали.

— Ты собираешься убить меня?

— Нет.

— Ты собираешься отвезти меня к ним?

— Меня для этого наняли.

— И?

— К сожалению, я завершаю сделку. Она была нарушена даже по условиям адвокатов.

— Ты Сборщик мусора? — спросила она.

— Не люблю это название. Но вы правы.

— Твоя репутация идет впереди тебя, — сказала девушка.

Она оглянулась через плечо. За нами была пустая дорога. Через секунду я спросил:

— Что вы имеете на них?

Она издала длинный вздох.

— Это хищники для толп людей и группа жадных наркоторговцев.

— Вы шантажируете их?

Она ответила усталым смехом.

— А ты не стал бы шантажировать этих парней?

— Значит, они пытались увезти вас в Детройт, вы сказали «нет», и тогда вам дали снотворное. Но доза была не смертельной.

— Никто не умер.

— Почему вы не пошли к федералам? — спросил я.

— Я пошла, — сказала она, подняв брови. — Их агент охраняет меня, но потом он ушел на пробежку, а они явились и забрали мое бездыханное тело.

— А что вы еще ожидали от копов.

— Что будет дальше? — спросила она, обращаясь больше к себе, чем ко мне.

Я подумал над этим.

— У меня есть приятель, который заставляет людей исчезать. Он живет в Аризоне.

— У меня мало денег, — сказала она.

— Я получил кое-какие деньги от юридической фирмы. Вряд ли они попросят возврат.

Она улыбнулась – только чуть-чуть.

— Считайте, что это ваше выходное пособие, — сказал я.

Она слегка кивнула, и я снова посмотрел на дорогу. Мы направлялись в Аризону.

ШЕРРИЛИН КЕНЬОН И КЕВИН Д. АНДЕРСОН

ЗАПАДНЯ

Д

С. ТРОФИМОВ

Перевод с английского

Он скрывался под мостом от внешнего мира и делал это так давно, как помнил себя... Нет, он знал и времена до этого, но ему не нравились подобные воспоминания. Поэтому он хоронил их, когда они появлялись.

Мост был старым и неказистым, давно украшенным граффити, которые стали теперь тусклыми и неразборчивыми. Сельская дорога, тянувшаяся от алабамского шоссе, пересекала ручей, больше походивший на дренажную канаву с плававшими ветками и мусором, выброшенным из проезжавших машин. Ежевика, кизил и молочай создавали неплохое укрытие для его логова.

Скари прятался в тених рядом с пустыми канистрами и поросшими тиной обломками, которые он доставал из зловонной дренажной канавы. Здесь же были согнутый детский велосипед (сбитый машиной) и грязное одеяло, дававшее мало тепла и почти никакой мягкости. Тем не менее, он дорожил им. Оно было его. Единственное, но доступное удобство дома.

Еще у него имелась торговая коляска со сломанным колесом, наполненная различными вещами, которые он собрал... за долгое время. Скари оперся спиной о грубую цементную опору. Грязь и галька под его ногами отличались от той усыпанной цветами, травянистой поляны, которую он изредка видел в своих снах. Он

больше не жил на полянах – только здесь, в тених, на страже у кошмарных ворот. Он должен был их охранять. Скари веками не покидал свой пост.

Высокий молочай зашелестел в стороне, и он взглянул в лицо худощавой маленькой девочки. Ее щеки и нос были покрыты веснушками.

— Я смотрю, ты здесь, — сказала она. — Ты тролль?

Скари напрягся, привстав в своем убежище. Слои испятнанной и грязной одежды прикрывали его кожу и чудовищные черты. Девочка молча рассматривала его.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у нее.

Когда Скари выдохнул сырость и зловоние дренажной канавы, он почувствовал запах маленькой девочки. Нежной и вкусной маленькой девочки.

— Мой брат говорит, что ты тролль, — сказала девочка. — Ведь тролли живут под мостами. А ты живешь под мостом. Значит, ты тролль?

Да, он был троллем, но малышка не знала этого. Он никому не позволял это узнать.

— Нет, не тролль, — солгал он.

От нее пахло нежно, вкусно и сочно.

— Подойди поближе.

Девочка заинтересовалась им, но она колебалась. По крайней мере, ребенок был достаточно умным. Он закрыл глаза и прислонил затылок к бетонной опоре моста. Еще одно искушение. Боль напомнила ему выстрел в череп, но она отогнала зловещие мысли. Иногда ему было очень одиноко, и он испытывал здесь

лютый голод. Скари подумывал о том, чтобы съесть ребенка – попробовать его на зуб... Он думал о ней слишком много.

С громким треском через кусты протиснулся мальчик. Ее брат. Он выглядел на девять лет – на год или два старше девочки. Оба тощие. И все же их одежда была аккуратно подшита. Она находилась в лучшем состоянии, чем у Скари. Хотя дети несли на себе отпечаток бедности, их потеря еще не доросла до отчаяния. Оно придет со временем, Скари знал. Они познают горечь... если только он сначала их не съест.

Оказавшись рядом с сестрой, парень скорчил гримасу и сказал с дразнящей храбростью, на которую способны лишь дураки и дети:

— Я думаю, ты тролль! Ты воняешь, как тролль!

Скари придвинулся вперед к краю тени, и дети отступили назад. Однако они оставались в непосредственной близости, глядя на него бесстыжими глазами.

— По мне, ты сам воняешь, парень.

Несмотря на прозвучавшую угрозу, мальчик захихикал.

— По мне? Что за фраза такая «по мне»?

И потом он добавил нараспев:

— По мне, так «по мне» — это глупая фраза.

Скари заворчал, сжав зубы до боли в деснах. Он поднял на них желтоватый взгляд. Неудивительно, что ведьмы едят детей. Для него это было все лучшей и лучшей идеей. Его живот заурчал. Ему хотелось выйти

из мрака, но Скари знал, что где-то рядом находились кошмарные ворота, только ожидавшие, чтобы он покинул свой пост. Ему предписали стоять на охране – быть часовым на страже злобных сил.

Много веков назад зло вскипело из глубин вселенной, и кошмарные ворота, через которые демоны путешествовали по мирам, стали появляться под мостами. Скари не мог оставить свой пост. Он должен был оставаться здесь, защищая мир от всего, что могло возникнуть на той стороне. Он не знал, почему уязвимое место могло появиться под мостом этой сельской дороги на севере Алабамы, но это было выше понимания Скари. Он не оставит кошмарные ворота ни на секунду, хотя здесь ему было не сладко.

— Мистер, как долго вы будете здесь? — спросила девочка.

— Гораздо дольше, чем ты проживешь.

На шоссе появилась машина. Она свернула на сельскую дорогу. Мотор был громким и хриплым. Сдутые шины, пересекая мост, звучала как стаккато: за-па-дня, за-па-дня, за-па-дня.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик, словно пришла его очередь вести беседу.

Он завел речь об имени? Да, Скари имел его. Люди, смеявшиеся вместе с ним, называли его по-братски. Даже прекрасная девушка однажды пошептала в тишине его имя. Но это было лишь раз. Он не имел ни друзей, ни семьи, потому что должен был стоять под мостом на охране кошмарных ворот.

Однако имя он имел.

— Скари.

— Вонючка Скари, — выпалил мальчик, и девочка засмеялась вместе с ним.

— Подойдите ближе.

Он был так голоден, что съел бы этих детей в одно мгновение. Еще его волновал новый выход в солнечный свет. Тот причинял ему боль – заставлял изгибаться и корчиться. От гадких мыслей Скари становилось плохо. Хотя он это заслужил, желая свободы... или, возможно, свежего мяса.

— Билли! Кенна! Оставьте беднягу в покое!

Оба ребенка испуганно съежились. Они выглядели напуганными, словно на чем-то попались. Их мать вышла из кустов. Обычная женщина на грани тридцати лет. Ее коричневые волосы были стянуты в конский хвост. Она не носила макияж, но ее лицо смотрелось чисто вымытым. Одежда казалась старой и изношенной.

— Он тролль, ма — сказала девочка Кенна. — Он живет под мостом

— И он воняет, — заметил Билли.

Мать выглядела ужасно разочарованной своими детьми – здесь, под мостом, где Скари хранил все свои пожитки.

— Я очень огорчена, что они потревожили вас. Что мне еще сказать?

Она оттащила детей от тростника. Возможно, хотела убрать их подальше от него.

— Я перевела малышей на домашнее обучение, но это произошло не по моей вине.

Она говорила с вынужденной дружелюбностью, как будто чувствовала, что между ними было нечто общее.

— Почему он живет под мостом, ма? — спросила Кенна.

Скари насторожился, когда женщина замолчала. Но потом в ее глазах появились светлые слезы.

— Будьте благодарны, что мы с вами не обитаем здесь.

В ее словах он услышал невысказанное "пока".

— Все нормально, — сказал Скари. — Они мне не мешали.

Его живот заурчал, но недостаточно громко, чтобы слышали другие люди.

— Меня звали и похуже, чем вонючкой. Это было в моей семье.

— Тогда я ценю ваше понимание. Меня зовут Джоанна. Рада была познакомиться с вами.

Ей было неудобно, отступить по берегу — приходилось защищать своих детей. Но это хорошо, что она не позволяла им разговаривать с посторонними. Особенно с теми, кто прятался под мостами. Особенно с троллями.

Воздух был тяжелым от озона и наполнен жужжанием насекомых. Над головой собирались грозовые облака. Если ливень придет, это сделает влажность более терпимой.

— Нам нужно вернуться к машине, дети, — сказала

Джоанна. — Это единственное убежище, которое мы имеем.

— Я не хочу сидеть в машине, ма. Там жарко.

— Мы проводим там целые дни, — пожаловался Билли. — Ничего не делаем и только скучаем. Когда мы отправимся в путь?

— Как только добудем денег на бензин. Но кто-нибудь проедет мимо. Обязательно!

Когда бы Скари ни видел людей, они были из машин, стоявших в месте отдыха на шоссе рядом с мостом. Там стояли металлические столики для пикников и мусорные баки, имелись туалеты, проточная вода и кое-что еще. Правда, народа там почти не было. Скари видел, как туда иногда заезжали машины. Но они не задерживались надолго. Ему вспомнился ржавый фургон, наполненный старыми вещами. Он находился там какое-то время. Скари видел, как машина проезжала мимо – дырявый глушитель, дряхлый мотор, хрустящие по гравию шины и двери, едва держащиеся на петлях. Когда это было? Две ночи назад? Наверное, Джоанна и дети имели фанерку, на которой они написали просьбу о помощи – по сбору денег на бензин и еду.

Скари попытался вспомнить, как вести беседу. Ему не хотелось, чтобы семья уходила. Все же голод не тетка...

— У вас проблемы, мэм?

— Нет.... да... возможно.

— Какие?

— Да все на перебор. Но это наши беды. Не утруждайте себя.

Скари оглянулся, чувствуя за собой кошмарные врата. Однако барьер был сильным и стабильным. Как и многие годы прежде. Никто не пытался пройти через них. Он придвинулся к людям, доверяя грозovým облакам, которые ослабляли вечерний солнечный свет.

— Нас больше не пускают домой, — сказала Кенна. — Плохие люди заставили нас уйти.

— Какие плохие люди?

Их мать издала тяжелый вздох.

— Нас выселили. Год назад я потеряла работу и не нашла другой. Сначала мы использовали старые сбережения, а потом нам пришлось уехать в Мичиган, где живет моя кузина.

— Мичиган?

Он не знал географических карт, но понимал, что Мичиган был далеко от северной части Алабамы.

— Раньше мы как-то справлялись, — продолжила мать.

Жирные капли дождя начали падать на землю.

— На самом деле нам мало нужно. Немного этого, чуть-чуть того. Если мы доберемся до Мичигана, то у нас будет свежий старт.

Ее лицо озарилось, словно она забыла о нем.

— Мы найдем способ выжить.

Прежде чем он понял, что говорит, Скари выпалил:

— Все не так уж и плохо. Вы с девочкой протянете на жире мальчика, по крайней мере, три дня.

Глаза Джоанны расширились от испуга. Она отпрянула

назад. Билли подумал, что это была шутка. Он подтолкнул локтем свою сестру.

— Они больше не хотят меня. Девочки любят сахар, специи и все хорошее.

Живот Скари заурчал.

— Не надо верить сказкам.

Дождь начал падать быстрыми густыми каплями. Они били и хлестали все вокруг, словно шепчущий смех. Джоанна схватила в охапку своих детей.

— Хватит! Возвращайтесь в машину!

Она бросила взгляд через плечо, затем побежала, подгоняя Кенну и Билли к месту отдыха на пустынном шоссе. Скари вернулся под свой мост, заняв пост у запечатанных кошмарных врат. Он печально осматривал мир, пока дождь смывал запах детей с песчаного берега.

Вода стекала по стенам моста, и струи ливня превращали его сырое мрачное логово в пенистую массу. Скари сгорбился у бетонной опоры. Похоже, только мелкие жуки наслаждались плохой погодой. Когда буря успокоилась, и с неба упали последние капли дождя, он услышал, как в ручье проснулись лягушки. Что-то плескалось в луже в отдалении. Еще не стемнело, но облака по-прежнему закрывали небо.

Шум, оживший на фоне прекратившегося дождя, скрыл звук крадущихся шагов. Вода, упавшая с небес, смыла запах приближавшейся девочки.

— Мистер Скари, вы проголодались?

Он вздрогнул. Аппетит проснулся и стал прожорливым. Она смеялась над ним? Он мог бы выпрыгнуть, схватить ее, и она не успела бы убежать. А потом, используя кинжал, он нарезал бы ее на тонкие кусочки, пожарил мясо над огнем и устроил пир. Впрочем, после этого дождя он не смог бы развести огонь. Не важно. Он был достаточно голоден, чтобы съесть ее сырой.

Скари встряхнул головой, отгоняя плохие мысли. Нет! Нет! Голод и дурные желания всегда глодали его, но он мог отгонять их прочь. Он мог... Он мог!

Кенна протянула ему пакет из мятой белой бумаги.

— Я принесла гамбургер. Вам нравится быстрая еда?

Нет, мне не нравится быстрая еда. Я хочу что-то медленное. То, что я поймал своими руками!

— Гамбургер? — спросил он хриплым голосом.

— Нам дали их на стоянке, и этот последний. В основном, они были хорошие, но картошка фри оказалась холодной и влажной. Он из моей порции. Ма не знает, что я здесь.

Она протянула сверток ближе, и он мог бы схватить ее за руку быстрым движением.

— Этот гамбургер хороший. Только чуть-чуть надкушенный...

С ощущением несказанного чуда Скари взял пакет и развернул его. Взрыв приятного запаха ударил ему в лицо. Его рот наполнился слюной. Он был таким голодным! Таким нетерпеливым! Скари лелеял бургер в лапах. Он оставил его в пакете и попытался схватить маленькую вертлявую фри.

— Спасибо тебе, — сказал тролль.

Еда заглушила слова. Слезы кололи глаза. Он вспомнил, как пировал с другими воинами на роскошном банкете победившего лорда после долгой и кровавой битвы. В тот день они уничтожили множество демонов, загнав их в кошмарные врата под каменным мостом. Скари помнил, как много смерти было в воздухе над полем боя; как черная демоническая кровь разлила кислым едким запахом в отличие от свежей жареной медвежатины в полевых горшках лорда. Несезонная еда булькала в собственном жире. Пехотинцы праздновали победу, пили лучшее вино лорда и его дурманящий эль. Все было сочным и вкусным!

Это было до того, как Скари оплошал – до того, как его прокляли... до того, как его заставили выполнять священный долг.

Он быстро покончил с едой, облизал покрытые коркой губы и выпрямился, выискивая остатки гордости, после того, как отчаянно рылся в пакете в поиске затерявшегося фри.

— Это твои вещи?

Кенна осматривала его тележку, сдвигая в сторону предметы, которые он собирал годами, десятилетиями... веками. У него перехватило дыхание. Он не мог позволить ей найти его оружие – наделенный чарами кинжал.

— Прочь отсюда!

Девочка отпрыгнула назад.

— Тебе нельзя находиться здесь. Ступай к своей матери! К своей семье.

Он поднялся. Кенна выглядела очарованной и напуганной, а Скари рос и распухал, как зловещая, пригнувшаяся фигура под мостом. Девочка отступала назад, спотыкаясь на ветках. Скари понизил голос, говоря больше с собой, чем с ней:

— У тебя есть семья. Не забывай об этом.

Она побежала к их жалкому фургону на стоянке у места для пикников. Троль слышал ее плачь, который делал его сердце тяжелым и разбитым. Еще один камень вины, еще одна неудача – другой поступок, который придется замаливать. Но у Кенны был брат и мать... мать, которая действительно заботилась о детях.

Родители Скари были непохожи на нее. Когда он убежал и стал воином в демонической войне, его переполняла дерзость, фальшивая бравада и уверенность, что ни один кошмарный монстр не вырвется из ада и не окажется более злым, чем сварливая женщина, которая била его и морила голодом.

Он ошибался на этот счет.

К тому времени его товарищи заменили семью. Клерки боготворили солдат, зная вооружала их, колдуны дарили магические клинки с талисманами, капавшими кровавым серебром – лишь ими можно было ударить демонов.

В двух первых сражениях Скари не участвовал в драке. Он был далеко от места, где монстры выпрыгивали из-под моста. Военачальники и вооруженные воины сражались со слюнявыми демонами, пока клерки и колдуны опечатывали и баррикадировали кошмарные

врата. Скари был напуганным, но невредимым – и война шла сама собой.

В третьей битве, когда когтистые и клыкастые монстры повернулись и напали на жалкую группу Скари и его друзей, он видел, как умер его лучший товарищ. Торин был сыном пекаря из той же деревни. Они бежали вместе.... И Скари видел, как демоны разорвали его, вырвали из торса ноги и руки, словно кости из хорошо прожаренного перепела. Еще один демон откусил голову Харна. Длинноволосый ученик кожевника имел женственные черты и хитрую улыбку, а клыкастый монстр открыл свои зубастые челюсти, заглотил в себя голову парня, откусил ее и потом выплюнул вместе с дуновением гнилого дыхания. Голова Харна ударилась Скари прямо в грудь.

Он не помнил, как выронил меч и с криком побежал мимо других солдат. Многие сотни воинов умерли в тот день, но демоны были отброшены назад невероятной ценой храброй крови. Позже Скари был пленен людьми лорда, назван трусом и осужден на наказание – смерть под топором командира. Но ему дали шанс – возможность, которая, как оказалось, была ужасней гибели. Колдуны предложили ему стать охранником опечатанных врат – стать бессмертным постовым на случай, если орды кошмаров снова попытаются прорваться на свободу.

Глотая слезы, Скари согласился. Он упал на колени, умоляя сделать его охранником. Он не знал, что этот выбор станет хуже смерти.

Скари потерял свою семью и друзей – каждого и всех.

Он стал на века одиноким, перемещался от моста к мосту, когда то было необходимо – когда новое уязвимое место появлялось где-то в нашем мире.

— Твоя работа защищать человечество, — сказал колдун.

Лорд, стоявший перед ним, скривил мрачное и бессердечное лицо. В прошлой битве он потерял левую руку. Он видел, как Скари в ужасе бежал от монстров, и Скари знал, что он заслуживал свою однообразную вечность. Его преступление не было так велико, чтобы он попал прямо в ад, но трусость считалась достаточно плохой чертой, чтобы угодить в чистилища. Его судьба – его работа – состояла в защите людей от зла... Но даже близость к вратам кошмаров гнула его от ужаса.

Он не мог позволить себе нового бегства от зла. Он не даст врагам взять верх над Джоанной и ее двумя детьми.

Он повернулся к стене, где находились мерцающие врата. Они оставались тихими и безмолвными, но он не смел покинуть свой пост. Не мог уйти... не смел иметь надежду. Тролль сжал грязный, покрытый струпьями кулак и постучал им по твердой стене.

— Я ненавижу тебя!

Не было ничего более худшего, чем оказаться пойманным в месте, где ты не хочешь быть. Пока он охранял кошмарные врата, его мысли возвращались к Кенне и Билли – нищим и бездомным детям, изгнанным "плохими людьми" и уязвимым перед недоброй судьбой. Даже если демоны мертвы, темнота человеческого общества обрушится на них. По крайней мере, демоны являлись врагами. Их можно было победить.

Тролль думал о женщине и ее детях. Как он мог решить проблемы, с которыми столкнулась Джоанна? У него никогда не было такой семьи. Возможно, это еще одно наказание: чувство беспомощности после того, как он ощутил свою связь с простыми и брошенными всеми людьми? Но что он мог сделать?

«На самом деле нам мало нужно. Немного этого, чуть-чуть того, сказала Джоанна. Если мы доберемся до Мичигана, то у нас будет свежий старт».

Думая о них, он вздыхал. Они были теми людьми, ради которых он сражался. Однако если он проигнорирует их в реальности – пусть и сверхъестественной – они будут преданы злу, клубившемуся за кошмарными воротами. Это окажется равноценным бегству с поля боя, вновь похожим на трусость.

Он подошел к тележке и покопался в собранных вещах – в обломках и сокровищах, сложенных здесь. Наконец, он нашел несколько предметов, принадлежавших к его прежней жизни в другом времени и другом мире: толстый золотой медальон, одно маленькое, но дорогое кольцо и горсть серебряных монет, оставшихся от первых битв с демонами. Безделушки, приносившие удачу – куда большую, чем сегодня. Веками он берег их, как зеницу ока. Теперь они помогут его новым друзьям – молодой матери и ее послушным детям.

Наступала ночь, и кошмарные ворота казались сильными и нерушимыми. Он не чувствовал за ними шепота зла – лишь пустоту и безмолвие. Но Скари ощущал нужду Джоанны и ее детей.

Когда он вышел к парковке у места отдыха, начался моросящий дождь. Фургон выглядел темным и запертым на ночь. Семейство собралось там для крова, безопасности и тепла, а тепла там было больше, чем под мостом. Обычная машина. Один белый ртутный фонарь сиял над лужей иллюминации – над столами для пикников и мусорными баками. Металлический знак, проперченный дырами от дробы, гласил: «Не паркуйтесь ночью! Строго рекомендуем». Но в эти дни никто не охранял стоянку.

Спотыкаясь, как тень, окруженная более глубокой темнотой, Скари приблизился к водителскому окну и постучал в него острым ногтем. Он услышал за стеклом испуганный шепот. Дети проснулись. Троль увидел блеск материнских глаз. Она была напугана буквально до обморока. В темноте они видели его гигантскую фигуру, но не могли разобрать шероховатость кожи и грубые черты лица.

Он приподнял мешочек.

— Я не хотел пугать вас, мэм. Мне просто подумалось, что это поможет вам продолжить путь.

Джоанна опустила стекло ровно настолько, чтобы он передал мешочек. Она приняла его, и троль повернулся, не желая говорить с ней – не желая видеть того, что отдал. Скари возвращался в ночь, торопясь под мост, прежде чем демоны могли бы обнаружить неохраемые кошмарные врата – прежде чем мать двоих детей сказала бы ему «спасибо».

Примерно через час, когда он мрачно сидел на сыром лежбище, Джоанна, Билли и Кенна появились

под мостом и подошли к нему едва ли не вплотную. Они не боялись его. Мать держала в руке мешочек с медальоном, кольцом и старыми монетами.

— Я не могу взять это.

— Нет, можешь. Эти вещи не принесли мне ничего хорошего, но для тебя они могут изменить судьбу. Купи себе хороший шанс.

Он попытался вспомнить, какими смешными могли быть его слова, наполненные юмором.

— Может, тогда вы не съедите мальчика еще неделю.

Она засмеялась, но ее брови остались хмурыми.

— Это удержит нас от жизни под мостом.

Мальчик и девочка смотрели на Скари. Лицо Джоанны стало серьезным, и он увидел слезы в ее глазах.

— Ты дал нам лучшее из всего того, что кто-то делал для нас. Спасибо тебе.

Маленькая девочка сделала шаг, бросилась к нему на грудь и обняла его.

— Я больше не позволю называть тебя чудовищем.

Билли кивнул и странно сказал:

— Ты спасен. Мы рады, что не убили тебя.

Когда мальчик замолчал, боль пронзила тело Скари. Троль зашипел, когда она обожгла его и проникла сквозь ткани мышц. Кожа начала кипеть и менять свой цвет. Под остатками старой, покрытой коркой одежды тело изогнулось в спазме страдания. Он прислонился к опоре моста. Его ум звенел от ужасных мыслей.

Неужели эти люди сбежавшие демоны? Они пришли сюда, чтобы напасть на него? Он качнулся к тележке, чтобы схватить оружие – кинжал из кровавого серебра. Надо было защищать себя... защищать этот мир. Однако тележка лежала в грязи, перевернутая на бок.

Не в силах терпеть боль, Скари согнулся вдвое, затем упал на грязную, усыпанную мусором землю... и не поверил своим глазам. Он смущенно смотрел на руки, которые больше не были когтистыми мерзкими лапами. Они стали снова руками. Человеческими руками. Он согнул их и вновь поднялся на ноги.

Мать и дети стояли перед ним, внимательно разглядывая его фигуру. Их глаза не выглядели злыми. Фактически, они, казалось, были рады обновлению.

— Демонические войны закончились, — сказала Джоанна. — Давным-давно. Кошмарные врата были запечатаны навсегда, но после некоторого времени их охранники стали опасными существами.

— Ты оказался не только бессмертным, — добавил Билли, — но и бесчеловечным. Тьма почти нашла дом в тебе.

— Мы посланы, чтобы находить последних оставшихся троллей и проверять их остатки человеческого поведения, — сказала Кенна зрелым голосом, который больше не принадлежал маленькой девочке, — Чтобы понять, нужна ли их смерть, или они помнят о нормах приличия и сострадания. Ты, Скари, один из последних. Мы все боялись за тебя.

Глаза Билли, несмотря на возраст маленького мальчика, были суровыми и древними.

— Однако ты убедил даже меня.

— Теперь ты свободен, — сказала Джоанна. — Мир спасен от демонов... и он безопасен от тебя.

Кенна усмехнулась, и ее глаза заискрились.

— Мы снимаем тебя с поста.

ФИЛИП ДИК

НИК И ГЛИММУН

Д

С. ТРОФИМОВ

Перевод с английского

Глава 1/

Ник точно знал, почему его семья намеревалась улететь с Земли и поселиться на другой планете – в колониальном мире. Это было связано с ним и его котом Горацием. С 1992 года обладание животным любого вида стало криминальным. Фактически, Гораций был вне закона – владел им кто-то или нет.

В течение двух месяцев, во время которых Гораций жил у Ника, мальчику удавалось держать кота в квартире – подальше от взглядов людей. Однако однажды утром Гораций выбрался в открытое окно. Он бегал и играл на заднем дворе, который все жильцы дома делили между собой. Кто-то – возможно, сосед – заметил Горация и позвонил в анти-питомцевую контору.

— Я говорил тебе, что будет, если Горций когда-нибудь сбежит, — сказал отец после того, как ему и Нику удалось согнать кота с дерева и привести животное обратно в квартиру.

— Но теперь все нормально, — ответил Ник. — Мы нашли его.

Он едва дышал после погони за Горацием. Кот, наоборот, выглядел спокойным и даже не запыхался. Гораций устроился в своем привычном месте перед обогревателем в гостиной и занялся вылизыванием шерсти.

— Ситуация вообще ненормальная, — сказал отец Ника.

Как обычно, он был напряженным и встревоженным.

— Анти-питомцевый человек будет здесь в течение сорока восьми часов. И он не только выпишет нам огромный штраф, но и заберет Горация.

Мать Ника нервозно спросила:

— Пит, штраф будет очень большим?

— Меня не волнует штраф, — ответил папа Ника. — Меня беспокоит, что у нас заберут Горация. Вот о чем я волнуюсь. Меня раздражает, что они могут отнимать у ребенка любимца или забирать у людей их питомцев. Я понимаю, что в наши дни еды на всех не хватает. Я знаю, почему прошел закон об анти-питомничестве. Но кот не потребляет много пищи.

— Это закон, — напомнила мать Ника. — Мы должны подчиняться ему, одобряем его или нет.

— Мы можем покинуть Землю, — сказал папа Ника. — Улететь на другую планету, где можно законно владеть домашними животными. И не только животными. Мы сможем выращивать овец, коров и кур... Кого захотим.

Странное чувство возникло у Ника, когда он услышал слова отца. Он знал по его тону, что тот говорил серьезно. Его отец действительно подумывал оставить Землю и упоминал об этом множество раз в течение двух последних лет.

В последнее время Земля была ужасно перенаселена. Слишком много людей существовало на планете – с каждым годом все больше и больше. Никто уже не жил в своих домах. Это, как и владение животными, считалось незаконным. Люди – здесь, в Сан Франциско и в других

местах – обитали в огромных многоквартирных зданиях, которые поднимались вверх, этаж за этажом, и даже опускались вниз под землю, где ютились семьи с малым количеством денег. При возмраставшем населении пищи становилось меньше. Отсюда появился новый анти-питомцевый закон и ужасные анти-питомцевые люди. С тех пор, как Ник нашел Горация, он боялся дня, когда к ним придет анти-питомцевый человек. Как часто говорил его отец, это только вопрос времени. Рано или поздно, анти-питомцевые люди находят каждого животного – находят и уносят с собой.

Неизвестно, что они делали с животными после того, как забирали их.

— Я уведу Горация подальше отсюда, — предложил Ник. — Найду того, кто возьмет его. Когда анти-питомцевый человек посетит нас, Гораций будет в другом месте.

— Ты не хочешь покинуть Землю? — спросил его отец.
— И жить в колониальном мире, где можно разводить всех животных, которых захочешь?

— Я не знаю, — ответил Ник.

Он чувствовал себя немного напуганным. Улететь так далеко от дома... в дикое место, где росли леса и жили незнакомые существа. В новый мир, в другую жизнь – очень трудную жизнь, как все говорили.

Возможно, я могу спросить свою учительницу, подумал Ник. Возможно, мисс Джут подскажет мне, что нужно делать.

— Я не заставляю тебя лететь на другую планету,

если ты не хочешь этого, — сказал его отец. — Отъезд — добровольное дело. Ты, я и твоя мама, мы трое, должны договориться. Мы должны обсудить этот вопрос и решить каждую деталь. Например, твой отказ от школы.

— Звучит возбуждающе, — нервозно произнесла мать Ника.

На следующее утро, поднимаясь в общественный автобус, идущий в школу, Ник придумал, что сказать учительнице.

Поскольку анти-питомцевый человек уже знал о Горагии, говорил он себе, я могу открыто поднимать эту тему в классе. Я могу больше не замалчивать ее. Что скажет мисс Джут? Прежде всего, они с отцом нарушали закон. Но он подозревал, что мисс Джут нравились животные.

— Доброе утро, класс, — сказала мисс Джут или, точнее, ее образ на большом телевизоре, установленном впереди классной комнаты.

Мисс Джут, как и все учителя, обучала слишком много классов. Она не могла персонально быть в каждом из них. Вместо этого она говорила со всеми учениками — из всех своих классов — посредством телевизионного экрана. В группе Ника было шестьдесят пять учеников, и мисс Джут (как она сама говорила) учила девять других классов. Одним словом, она имела более шестисот учащихся. Тем не менее, мисс Джут, казалось, знала каждого ученика. По крайней мере, у Ника сложилось такое впечатление. Когда она появлялась на большом телевизионном экране и говорила с ним, то смотрела прямо на него, словно слушала ответы. Ник обычно вел

себя так, словно она действительно присутствовала в классе.

Он и другие ученики ответили:

— Доброе утро, мисс Джут.

— Сегодня, — сказала учительница, — мы будем изучать...

Затем она замолчала.

— Я вижу, что Ник Грэхам поднял руку, — произнесла мисс Джут. — Ник, время дискуссий для твоего класса наступит только после обеда. Твой вопрос не может подождать?

— У меня другая проблема, мисс Джут, — поднявшись, ответил Ник. — Она не может ждать. Я должен спросить вас о ней прямо сейчас.

— А ты не думаешь, что все классы должны быть заинтересованы в теме? — спросила учительница. — Если ты так считаешь, то я включу трансляцию в особый режим, чтобы тебя видели и слышали во всех классах.

Ник вздохнул и сказал:

— Речь идет о моем коте.

Оправившись от легкого шока, мисс Джут произнесла:

— Боже милостивый, Ник. Я не знала, что ты имеешь кота.

Она строго спросила у всех классов:

— Кто из вас знал, что Николас Грэхам владеет котом?

Замигали огоньки голосования. Только Дональд Хедж — лучший друг Ника — нажал кнопку "да". Подсчет гласил: 602 — «нет», 1 — «да» и 11 — «воздержались».

— Но, Ник, — усомнилась мисс Джут, — разве анти-питомцевый человек не найдет твою кошку и не заберет ее с собой?

— У меня кот, а не кошка. И, конечно, анти-питомцевый человек скоро придет. Вот, почему я решил поговорить с вами прямо сейчас.

Мисс Джут обратилась ко всем классам:

— Кто из вас думает, что анти-питомцевый человек должен забрать кота Ника? Давайте посмотрим, как вы проголосуете.

На этот раз пришло 265 огней «нет» и 374 огней «да».

— Ник, большинство учеников думает, что ты должен отказаться от своего кота и подчиниться закону, — сказала мисс Джут. — И, как я понимаю, уплатить большой штраф.

— Мой папа думает, что мы можем эмигрировать на другую планету, — парировал Ник. — Туда, где мы можем держать Горация.

— Какая интересная идея, — заметила мисс Джут. — Очень оригинальная и, я должна сказать, смелая. Ну, дети? Какого вы мнения? Давайте все проголосуем, стоит ли Нику и его семье эмигрировать на другую планету.

В классе Ника поднялась одна рука. Она принадлежала Салли Седж.

— Мисс Джут, что означает "эмигрировать"? — спросила Салли.

— Ник, ты можешь сказать Салли, что означает "эмигрировать"? — поинтересовалась учительница.

— Это означает полет на другую планету, чтобы жить там, — ответил Ник. — Не просто нанести визит, а чтобы остаться там надолго.

— Я поняла, — сказала Салли Седж. — Интересно узнавать новые вещи.

— А теперь проголосуем, — предложила мисс Джуд, — Прав ли папа Ника в решении эмигрировать с Земли.

Голоса были такими: 189 – «нет» и 438 – «да», плюс небольшое количество воздержавшихся.

— Дети согласились с решением твоего отца, — сказала учительница. — Однако я тоже должна проголосовать. А мой голос, как ты знаешь, решающий.

Она нажала на кнопку, расположенную на столе. Все огни «да» мигнули и исчезли. Мисс Джуд, проголосовав «нет», стерла их из бытия.

— Я против твоей эмиграции, Ник, — объяснила учительница. — В колониальных мирах не бывает достойных школ. Это прервет твое обучение. Ты никогда не сможешь получить достойную работу.

— Но я не могу отказаться от Горация, — сказал Ник.

Через проход от Ника поднялась рука. Она принадлежала приятелю Ника – Дональду Хеджу.

— Возможно, — сказал Дональд, когда мисс Джуд указала на него, — Нику нужно стать звериным доктором.

— Но на Земле не требуются ветеринары, — возразила учительница. — У нас больше не существует животных.

— Он может быть животным доктором на

колониальной планете, — настаивал Дональд Хедж. — Куда эмигрирует со своей семьей.

— Я даже не знаю, — покачав головой, сказала мисс Джут. — Возможно, ты задумал правильную вещь. Возможно, Ник, это я не права. Просто мне кажется, что кот не настолько важен, чтобы ты с твоей семьей менял из-за него весь путь жизни и, фактически, покидал нашу планету. Твоему отцу придется отказаться от работы. Ты подумал об этом?

Ник имел готовый ответ.

— Моему отцу, — произнес он, — не нравится его работа. Он чувствует, что тратит время зря. Это все, что он теперь делает...

— Я извиняюсь, — сказала мисс Джут, перебивая Ника, — но мы должны вернуться к первой теме дня, которая является очень важной. Как пробиться в аэробус, спрашиваем мы иногда себя. Посадка в аэробус — это трудное дело даже для взрослых. Не удивительно, что в наши дни многие пассажиры хотят добираться до мест назначения на особых автобусах. Нажмите кнопку А на ваших партах, и перед вами появится письменный материал по этой теме. На телевизионном экране вы увидите, что может пойти не так при посадке на аэробус. Схожая ситуация может случиться с вами, как это произошло с показанным человеком.

Склонившись к Нику, Дональд Хедж прошептал:

— Я думаю, это честно по отношению к твоему коту. Я имею в виду, чтобы вы эмигрировали. Учти все положительные голоса, которые ты получил. Большинство ребят согласны с твоим решением.

Робот-монитор, стоявший в углу классной комнаты, повернулся к ним и сказал металлическим громким голосом:

— Не разговаривать.

— И тебе не нужно будет ходить в школу. По крайней мере, не в такую, где тебя заставляют смотреть на телевизионных учителей. Где ты не можешь увидеть настоящую учительницу и поговорить с ней в реальной жизни. И она не скажет тебе, что должна вести еще девять классов.

— Мне нравится школа, — ответил Ник. — Я всегда чувствовал, что мисс Джут действительно видит меня и напрямую говорит со мной.

— Иллюзия, — сказал Дональд всеведающим тоном.

Похоже, он думал, что знал все на свете.

— Если вы не перестанете разговаривать, я позвоню в полицию, — пригрозил робот-монитор.

Ник понимал, что он всегда говорил это — прокручивал запись, которая игралась из глубин электроники его монитора. За все годы, которые робот стоял в этой классной комнате, он никогда не звонил в полицию.

Ты действительно хочешь полететь на другую планету, спросил себя Ник, нажимая кнопку А на своей парте. Только для того, чтобы сохранить Горация?

Хороший вопрос. В данный момент он не мог на него ответить.

Глава 2/

Тем вечером, придя домой из школы, Ник увидел в гостиной высокого темноволосого мужчину с невзрачным чемоданчиком. Он никогда не встречал его прежде.

— Вы анти-питомцевый человек? — спросил Ник, чувствуя, как его сердце застучало от страха.

Он поискал взглядом Горация, но не увидел его. Возможно, анти-питомцевый человек уже схватил кота. Возможно, прямо сейчас Гораций находился внутри чемоданчика. Однако кейс не выпирал по сторонам, поэтому его предположение было неправдоподобным.

Мать Ника сказала из кухни:

— Это мистер Деверест. Он из газеты. Он хочет взять интервью у твоего папы.

Высушив руки, она вышла в гостиную. Ее лицо сияло от возбуждения.

— Газета хочет описать ситуацию с Горацием и предложить варианты того, что можно сделать по этому поводу.

— Как вы узнали о Горации? — спросил Ник.

— Мы имеем тайные источники, — весело ответил мистер Деверест.

Он осмотрел комнату, подняв одну седую бровь.

— Я не вижу кота. Он снаружи?

— Мистер Деверест собирается сделать несколько снимков Горация, — сказала мать Ника. — Чтобы пробудить к нему публичную симпатию.

— Ваш кот снаружи? — повторил мистер Деверест, поднимая чемоданчик.

Он достал из него видеокамеру и небольшой магнитофон.

— Гораций никогда не выходит наружу, — ответил Ник. — Кроме вчерашнего дня, что было большой ошибкой.

Он не хотел показывать Горация репортеру. Чем меньше внимания кот будет привлекать к себе, тем лучше. Так часто говорил его отец. Но со вчерашнего дня все изменилось.

— Ник собирается дождаться возвращения отца, — сказала мать.

Она мягко опустила руку на плечо сына.

— Если Пит скажет, что все в порядке, мы покажем вам кота.

Однако в этот момент в гостиную вошел Гораций. Он услышал голос Ника и, как обычно, появился, чтобы поприветствовать его.

— Не такой уж и большой кот, — немного разочарованно сказал репортер.

— Вы просто давно не видели котов, — ответил Ник. — Гораций довольно крупный.

Бросив на репортера косой подозрительный взгляд,

Гораций остановился и сел. Он не стал входить дальше в комнату.

Хотя Ник считал кота крупным, Гораций, на самом деле, был меньше нормальных размеров. По какому-то капризу природы он имел двойной подбородок и полоску белого меха от одного уха до другого. Остальная часть его шерсти была черной — живот, спина, лапы и пушистый хвост. Нижнюю часть морды закрывала бледная бандитская маска. Гораций вел себя нарочито чопорно, словно обдумывал каждое движение: делать его или не делать, а главное, к каким последствиям это могло привести.

Он имел необычно длинные белые усы, которые, опускаясь вниз, придавали ему вид мудреца — существа большого возраста и знания с малым желанием о чем-то говорить. Казалось, что кот за всем наблюдал, понимал малейшие события, но мало что хотел добавить. Он знал, но не комментировал. Он был беспристрастным.

Однажды – где-то в первый год жизни – Гораций задал Вопрос. Он обычно садился перед человеком и смотрел на него. Зеленые глаза кота расширялись и округлялись, напоминая стеклянные пуговицы. Маленький рот опускался вниз, словно в глубокой печали. Глядя вверх и встревоженно наморщив лоб, кот издавал одно баритонное мурчание и затем ждал ответ – ответ на Вопрос, который никто не мог понять. О чем спрашивал Гораций, интересовались друг у друга в семье. Кот ждал ответ, но каждый раз напрасно. Через несколько месяцев он перестал задавать Вопрос. Хотя его показное недоумение сохранилось и по этот день.

Гораций смотрел на репортера с традиционной тревогой. Это было не просто смущение. Гораций не спрашивал: «Кто ты?» или «Для чего ты здесь?» Казалось, он хотел сказать что-то более глубокое – что-то философское. Но, увы, никто его не понимал. И точно уж не газетчик. Мистер Деверест забеспокоился под интенсивным взглядом кота – реакция, которой многие люди отвечали на испытующий взгляд Горация.

— Что он хочет? — спросил, обеспокоившись, газетчик.

— Никто по сей день не знает, — ответил Ник.

— Я могу сделать его фотографию? —
поинтересовался репортер.

— Конечно, — ответил Ник.

Но он хотел, чтобы папа сначала вернулся домой.

Отец Ника работал пятнадцать часов в неделю. Особая привилегия. Многим людям позволяли трудиться менее десяти часов в неделю. Здесь, в этом мире, некоторым счастливицам разрешали работать двадцать часов или – в случае крайне хорошего здоровья у очень сильных людей – двадцать два часа в неделю. Максимальное количество рабочих часов считалось величайшей честью, которую мог получить человек, потому что теперь было столько живущих людей, что работы на всех не хватало. Некоторые невезучие персоны не работали ни дня в своей жизни. Они, конечно, заполняли прошения и умоляли позволить им работать. Они писали длинные отчеты о своих талантах, обучении и квалификации. Их формы кодировались и вводились в компьютеры... А люди ждали. Проходили годы, но никакой работы не появлялось. Они ждали напрасно.

Поэтому отец Ника, по нынешним стандартам, был довольно удачливым человеком.

И, однако, Ник знал, что его папе не нравилась работа. Его отец не считал ее настоящей – не той, что люди имели в прежние дни. Она была больше воображаемой: его папе платили зарплату, за ним значился стол в офисе, но...

— Если я перестану существовать, — сказал однажды его отец, — все будет идеально продолжаться и без меня. Моя работа после моего исчезновения может быть упразднена без нанесения какого-то вреда. Ее отсутствия никто не заметит. Мой невыход на работу оставят без внимания.

Он выглядел мрачным. Мать Ника запротестовала.

— Теперь это одна из самых честных работ! Компьютеры могут делать почти все!

— Я хочу, чтобы мы жили в мире, где имеются реальные задачи, — сказал тогда его отец. — Дела реальной важности. В старые дни людей называли "мастеровыми". Они своими руками создавали красивые предметы, делали такие ценные вещи, как обувь и мебель. Они чинили машины и телевизоры. Их руки имели значение. А посмотри на мои ладони, которые ничего не делают и ничего не чинят. Я спрашиваю себя: каково мое предназначение? Чтобы делать работу? Нет. Работа существует просто для того, чтобы создавать у меня иллюзию востребованности. И что я реально делаю? Эд Сент-Джеймс – за столом справа от меня – проверяет документы, а затем, если они верные, он подписывает их и передает их мне. Я убеждаюсь, что он

не забыл их подписать, и что они правильные. За четыре года Эд Сент-Джеймс не сделал ни одной ошибки. Он всегда подписывает документы, прежде чем передать их мне.

— Но когда-нибудь он может забыть, — возразила мать Ника.

— И что тогда? — спросил отец. — Что случилось бы, если бы Эд Сент-Джеймс не подписал документ? Рухнула бы наша экономика? Террор выплеснулся бы на улицы? Документы ничего не означают. Они существуют, чтобы создавать рабочие места. Один человек составляет их. Другой мужчина или женщина печатает. Эд Сент-Джеймс подписывает их, а я убеждаюсь, что он поставил свою подпись. Я передаю папку Роберту Хэллу, сидящему за левым столом, и он складывает страницы в стопки. Слева от него сидит тот, кого я никогда не видел. Этот неизвестный мне человек вкладывает сложенные документы в конверты, если их нужно отправить по почте, или складывает в отдельные папки, если так нужно по регламенту.

При этом, отец Ника нахмурился.

Взглянув на Горация, газетчик с сомнением сказал:

— Он не выглядит атлетичным.

Его слова разозлили Ника.

— А откуда у него взялась бы атлетическая статья? Он не имел возможности выйти наружу и что-нибудь сделать. До того, как мы эмигрируем...

Мальчик вспомнил, что говорит с репортером, и замолчал. Газетчик приподнял обе брови.

— О? Вы собираетесь покинуть Землю из-за Горация?

После паузы мать Ника произнесла:

— На несколько сезонов, возможно.

— Но причиной является кот, — не унимался репортер.

— Он стал источником ваших неприятностей, верно?

Мужчина достал магнитофон. Повозившись с микрофоном, он возбужденно спросил:

— На какую колониальную планету вы собираетесь лететь, миссис Грэхам?

— На планету Пахаря, — ответила мать Ника.

Газетчик недоверчиво открыл рот.

— На планету Пахаря? Но она такая далекая. И такая дикая.

Мистер Деверест повернулся к Нику и окинул его долгим изучающим взглядом.

— Ты понимаешь, что там живут ужасные животные? Животные, названия которых свидетельствуют об их неестественной природе?

— Мистер Деверест, вы всегда используете такие длинные слова? — спросил Ник.

Длинные слова раздражали его. Он знал, что краткие слова могли бы быть такими же хорошими, если не лучшими.

— Давай я скажу это так. — произнес газетчик. — На планете Пахаря живут существа, не похожие на собак, котов и попугаев. Коты, собаки и попугаи являются земными зверушками, которых мы любим и уважаем.

Они красивы и полезны, как, например, твой кот.

Репортер наклонился, чтобы погладить Горация. Уши кота неодобрительно встрепенулись. Усы угрожающе завибрировали.

— Они любят нас, мы любим их, хотя при этом нарушаем закон. Я полагаю, эта любовь живет в их памяти.

— Вы хотите сказать, в нашей памяти, — отозвалась мать Ника. — В нашей памяти о животных, которые обитали на планете в прошлом. Или, как в случае Горация, в его реальном, но незаконном настоящем.

Репортер повернулся к Нику и сказал:

— На планете Пахаря ты с родителями встретишь лишь нескольких других людей. По ночам, когда вы будете отдыхать, вас будет окружать повсеместная темнота. Вы не увидите свет других домов. Ни один аэромобиль не пролетит над головой. Вы не сможете смотреть телевизор, потому что там не будет телевидения. По утрам у вас не будет газет. И когда придет время идти в школу...

— Мы все это знаем, мистер Деверест, — вмешалась мать Ника.

— А как насчет вубов? — спросил газетчик. — Вы знаете о них?

— Нет, — ответил Ник.

Ему стало интересно, кто такие вубы. Судя по имени, это были большие и круглые существа, с короткими ногами и прикрытыми ртами, крупными плоскими носами и маленькими глазами.

— Вубы живут на всей планете Пахаря, — продолжил газетчик. — Как только вы наткнетесь на одного из них, вам тут же захочется вернуться на Землю. Вубы тупые и мерзкие создания. Они выглядят так, словно вообще не имеют души. Хотя, если судить по длинным и скучным историям, их основной интерес заключается в пище. Они говорят только о ней и видят ее во сне.

— А как они выглядят? — спросил Ник.

— Большие и круглые, — ответил репортер. — С короткими ногами и прикрытыми ротовыми полостями, большими плоскими носами и маленькими глазами.

— Я так и думал, — сказал Ник. — Об этом можно судить по их имени.

— Еще там имеются принтеры, — продолжил газетчик. — И кучки. И «родичи». А еще, Ник, там живут ворчуны. Ворчуны с планеты Пахаря хорошо известны нашим ученым. Они очень воинственные, но маленькие существа... на наше счастье. И ворчуны довольно глупые. Мы тоже этому рады.

— Кажется, я читал о ворчунах, — сказал Ник.

На самом деле он не читал о них. Однако говоря о ворчунах спокойным тоном, он хотел показать репортеру, что ничего не боится.

— А еще имеются членики, — добавил репортер. — Что, во имя небес, вы собираетесь делать среди члеников? Подумай, прежде чем ответить. Правда, я слышал, что они дружелюбны к людям, и что их реальными врагами являются вержи. Но говорят, что членики...

Он замолчал, потому что передняя дверь открылась.

Вошел большой и тяжелый на вид человек, одетый в металлизированную форму и шлем. Ник не видел его прежде. На худощавом и жестком лице мужчины застыло невозмутимое выражение, словно он ни о чем не заботился. Словно он жил в мире льда и железа.

— Я анти-питомцевый человек, — сказал он.

Его голос был холодным, как остывшая зола.

Глава 3/

Увидев анти-питомцевого человека, мать Ника прошептала:

— О, Господи!

Повернувшись к Нику, она тихо сказала:

— Мне хотелось бы, чтобы твой отец был дома. Я боялась, что так все и случится.

Кот, сидевший в центре гостиной, отнесся к анти-питомцевому человеку очень невежливо. Он ясно не понимал, кем тот был и почему пришел. Такие простые вопросы его не интересовали.

— Иди на кухню, Гораций, — сказал Ник. — Подожди меня там.

Его сердце колотилось от страха – гораздо большего, чем в прежние дни. И, однако, в то же самое время, он чувствовал себя спокойным. Это, наконец, случилось: анти-питомцевый человек пришел, чтобы забрать его кота. В некотором смысле Ник испытывал облегчение. По крайней мере, ужасное ожидание закончилось.

— Значит, вы анти-питомцевый человек, — произнес мистер Деверест, поднимая камеру, чтобы сделать снимок.

— Нам не нужна излишняя публичность, — ответил анти-питомцевый человек мрачным скрипучим голосом, который идеально соответствовал его грубой внешности.

— Могу поспорить, что не нужна, — согласился мистер Деверест, делая снимок. — Теперь, давайте, запечатлим, как вы будете засовывать Горация в клетку, которую принесли с собой. И потом сделаем еще один...

— Я забираю не человека, — сказал большой мужчина.
— Я забираю животное – точнее, кошку.

— Гораций – это кот, — пояснил Ник. — А я Ник Грэхам.

— Позови кота, — сказал анти-питомцевый человек.

Сев на софу, он открыл клетку.

— Всем будет легче, если мы сделаем это тихо – чтобы было как можно меньше суматохи.

Мистер Деверест сфотографировал клетку.

— Читатели газеты с удовольствием посмотрят на ловушку для животных, — сказал он. — В эти дни подобное устройство редко увидишь, потому что осталось только несколько собак и котов.

Он нацелил фотокамеру на Ника.

— Ты не собираешься плакать? — спросил он у мальчика. — Мне не помешал бы снимок с горькими слезами.

— Я не буду плакать, — ответил Ник.

— На самом деле, это не ловушка для мелких животных, — сказал анти-питомцевый человек. — Это здравоохранительная санитарная клетка, используемая для перемещения животного с одного места в другое. Без нанесения какого-то вреда.

Встав на колени, он протянул небольшой кусочек пищи.

— Эй, котик, — произнес он скрипучим голосом.

Гораций высокомерно посмотрел на него, не понимая, что хочет незнакомец с клеткой. Или, возможно, он притворялся, что не понимал. В большинстве случаев ему удавалось показывать свое высокомерие к людям, если это было в его интересах. Ник подозревал, что Гораций знал гораздо больше, чем демонстрировал внешне. Кот, подобно многим животным, был умнее в тех сферах, где вовлекалась его выгода. Фактически, он начал пятиться, уходя от анти-питомцевого человека и его клетки. Медленно, но верно Гораций убежал.

— Он уходит на кухню, — сердито сказал анти-питомцевый человек.

— Гораций всегда уходит на кухню, — ответил Ник. — Не важно, в какой ситуации. "Если сомневаешься, тебе нужно поесть". Это правило Горация.

— Правило лапы, — кивнув, согласился мистер Деверест.

— Не понял, — сказал Ник.

Мистер Деверест объяснил:

— Упомянув людей, мы говорим о "правиле большого пальца", но коты не имеют больших пальцев. Поэтому мы должны рассуждать о "правиле лапы".

Гораций, последовав правилу лапы, двинулся на кухню.

— Останови его, — велел анти-питомцевый человек.

— Никто не может остановить Горация, когда он идет на кухню, — сказал Ник.

Анти-питомцевый человек снял с пояса устройство,

похожее на металлическую трубку. Он указал им в сторону кухни.

— Я вынужден усыпить его, — сказал мужчина. — Это завершит его незаконную деятельность – неправомерное отступление на кухню.

— Разве отступление на кухню является неправомерным? — спросил мистер Деверест.

— Для котов все незаконно, — ответил анти-питомцевый человек, нацеливая блестящую металлическую трубку в направлении Горация. — Например, для них неправомерно отступление на кухню. Хождение по улицам. Это особенно незаконно. Вхождение в...

— Мы поняли вашу идею, — кисло оборвал его мистер Деверест.

Похоже, анти-питомцевый человек не нравился ему. Как, впрочем, и Нику.

— Что здесь происходит? — спросил строгий голос.

У передней двери стоял папа Ника – высокий и мощный. Его лицо было мрачным.

— Кто вы? — спросил он Девереста, затем посмотрел на анти-питомцевого человека.

Тот, мгновение назад уверенный в своей значимости и достоинстве, взглянул на отца Ника и съежился.

— Вы мистер Питер Грэхам? — спросил он дрожащим голосом. — Владелец дома? Хозяин этого кота?

Он указал на Горация, который перестал пятиться... и теперь сидел в центре кухни с озабоченным видом на морде. И он, и анти-питомцевый человек имели

сходное выражение – оба, казалось, ощущали вину и беспокойство. Но Гораций всегда был таким. А вот анти-питомцевый человек, очевидно, пребывал в каком-то другом состоянии ума.

— Закон говорит, — произнес отец Ника, — что вы даете нам два дня на самостоятельную ликвидацию любимца. Вы не можете забрать его сейчас.

Он схватил анти-питомцевого человека за плечо и потащил его к передней двери.

— Какая ужасная картина нам открывается, — затараторил мистер Деверест, щелкая фотоаппаратом и следуя за анти-питомцевым человеком. — Какой позорный конец для официального представителя власти.

Анти-питомцевый человек неуклюже остановился у двери.

— Что это значит? — спросил Ник у репортера.

Мистер Деверест удовлетворенно ответил:

— Это означает, что анти-питомцевый человек должен подчиниться закону. Как и все остальные люди. Только в данном случае он не доволен. Закон сработал против него.

— Тогда это хороший закон, — сказала мать Ника.

— Это хороший закон, — согласился мистер Деверест, делая еще один снимок анти-питомцевого человека, — но через два дня другое законодательное постановление будет на его стороне.

— Через два дня мы будем лететь к планете Пахаря,

— сказал, поворачиваясь к ним, отец Ника. — И Гораций будет с нами. Во внешнем космосе земная власть бессильна. Ее законы там не действуют. Новый закон – закон реальности – защитит Горация на многие последующие годы.

— Пока его не съест какой-нибудь вердж, — возразил мистер Деверест.

Повернувшись к Нику, он добавил:

— Я забыл описать верджев, которые обитают на планете Пахаря вместе с вубами, принтерами и всеми остальными. Как я понимаю, они обладают особой...

— Планета Пахаря не только означает возможность похищения диким крылатым верджем, — оборвал его отец Ника. — Я знаю о верджах. Я знаю о других опасностях для нас и Горация. Тем не менее, планета Пахаря предлагает нам леса и огромные заливные луга. Она предлагает места в тенистой зелени, где Гораций может незаметно прятаться и красться. Там большие пастбища и поля мышей. Там реки мчатся к морю. Мы будем жить среди травы. Гораций будет охотиться под янтарной луной, озаряющей утесы и расщелины. Плоды, выращенные нашими собственными руками, наполнят плетеные корзины наших жизней. Мы будем сажать и выращивать. Мы будем жить. Дождь омоет наши тела, а яркое солнце дня...

Он замолчал, размышляя над сказанным.

— Сделает то, что бы оно ни делало. Свои обычные дела.

— Вас переполняют мечты, каких у меня никогда не

было, — завистливо сказал анти-питомцевый человек, делая шаг вперед.

— Разве вы когда-нибудь мечтали? — спросил отец Ника.

— Мечтал однажды, — ответил анти-питомцевый человек. — Я мечтал, что был на бейсболе. На игре между Гигантами и Ловкачами.

Он замолчал. Все ждали, но он оставался молчаливым.

— И что случилось? — спросил Ник.

Анти-питомцевый человек печально ответил:

— Меня удалили с поля в начале первой подачи. Я забыл, что было дальше. Что-то в моем уме стерло из памяти все остальные события.

— Поезжайте с нами, — сказала мать Ника добрым голосом. — У вас появятся мечты, о которых вы прежде не подозревали. Я просто хочу сказать... Перестанете быть анти-питомцевым человеком, и ваша реальная природа проявит себя. Вы расцветете, как...

Она подумала несколько мгновений, желая сказать правильные слова.

— Как рогатый клэк, — закончил за нее анти-питомцевый человек своим обычным скрипучим голосом.

Он потерял ту мягкость, которую имел мгновение назад.

— Кто такой клэк? — спросил его Ник.

Ему не понравилось звучание этого слова. Оно

предполагало скользкую массу, которая волочилась в глубокой воде – вне досягаемости людей и полуденного света.

— Рогатые клэки живут на планете Пахаря, — сказал анти-питомцевый человек. — В какой-то момент один из них может схватить твоего кота и унести его на скалистый пик – в гнездо, усыпанное костями и перьями уже съеденных существ. Они враждебны всему живому.

— Замолчите! — резко сказал отец Ника.

Его лицо стало красным от гнева.

— Он прав, — согласился мистер Деверест. — По поводу клэков, я имею в виду. На самом деле, их очень мало на планете Пахаря. Однажды мы делали о них тематическую статью. Их тогда сильно боялись. Но позже тревога уменьшилась.

— Мы ничего не боимся, — сказал Ник, сражаясь со страхом (с небольшим, по его собственным меркам). — В любом случае, Гораций умеет прятаться. Он может становиться почти невидимым фантомом.

— Гораций смешивается с другими цветами, — согласился его отец. — Он может становиться удивительно незаметным, когда этого требует ситуация.

Неодобрительно взглянув на анти-питомцевого человека, он мрачно добавил:

— Посмотрите, как долго Гораций ускользает от вас.

— До свидания, — попрощался анти-питомцевый человек скрипучим голосом

Передняя дверь захлопнулась за ним.

— Он ушел, — сказала мать Ника. — Но он вернется.

Поместив одну руку на плечо сына и другую — на плечо жены, мистер Грэхам торжественно произнес:

— Но нас уже здесь к тому времени не будет. Все решено. Сегодня я купил четыре билета на корабль, отбывающий из нашей системы на планету Пахаря. Сегодня вечером нам нужно собраться. Нужно спешить.

— Говоря о четырех билетах, вы, по-видимому, не имеете в виду меня? — поинтересовался мистер Деверест. — Я спрашиваю не потому, что хочу полететь вместе с вами... У меня имеется...

— Я ссылался на свою семью, — сказал отец Ника. — На себя, жену, сына и нашего кота.

Он повернулся к Нику.

— Убедись, что у Горация будут все его вещи — тарелка, ошейник и еда. Еще понадобятся коробка с песком, кровать и ночной мышонок, которого мы купили ему в прошлом месяце, хотя до сих пор не использовали.

Планета Пахаря, подумал Ник. Интересно, на что она похожа? Впрочем, он скоро узнает.

— Я уже собрал вещи Горация, — сказал он отцу.

— И свои не забудь, — напомнил его отец.

Он посмотрел на часы, интересуясь, сколько времени у них осталось до взлета корабля.

Глава 4/

Аэромобиль привез их в космопорт, где стоял большой корабль. Ник дрожал от возбуждения. Огромное судно поднималось к небу, словно толстая бутылка. Из сопел вырывались клочья пара. Тут и там работали люди.

Нику показалось, что Гораций странно повел себя при виде большого корабля. Даже будучи окруженным их личными вещами, кот угрюмо поник, обидевшись на разницу в размерах. Гораций не обращал внимание на переноску коробок и ящичков из машины на корабль. Он якобы выуживал карандаш, который завалился в щель между подушками.

— Коты не любят путешествовать, — сказал отец Ника. — Это правило верно почти для всех мурлык, хотя иногда вы можете прочитать про одного из них, примкнувшего к цирку или выплывшего с судна на льдину. Пример Горация показывает, что я совершенно прав.

Вскоре все их вещи были погружены на борт.

— Это последний день нашего пребывания на Земле, — сказал отец, когда они пристегнулись ремнями к их креслам. — Отныне мы не увидим ничего похожего на нашу планету.

Его голос был немного печальным.

Юнга, привязывавший Горация, слишком туго затянул

ремни. В припадке внезапной ярости кот укусил его.

— Полегче, Гораций, — сказал папа Ника.

— Он не хочет уезжать, — предположил Ник.

— Похоже, — согласился отец. — Но после того, как мы попадем на планету Пахаря, он одобрит наше решение. Коты довольно прохладно относятся к любым изменениям. Они обладают так называемым высоким инерционным качеством или интроверсией их психического состояния.

— Что это значит? — спросил Ник.

— Это ничего не значит, — ответил его отец. — Просто случайная мысль, которая пришла мне на ум.

Он поинтересовался у проходившего мимо матроса:

— Через сколько времени мы доберемся до планеты Пахаря?

— Мы еще не взлетели, — ответил матрос и скрылся за поворотом прохода.

— Я знаю, что мы еще не взлетели, — проворчал отец.

Он выглядел более встревоженным, чем обычно.

— Полегче, Пит, — с улыбкой сказала мать Ника.

— Это так называемое высоко инерционное качество, — ответил отец, — или интроверсия моего ума. То, что я не могу изменить. Мне станет лучше, когда мы окажемся там. А сейчас...

— Успокойся, приятель, — сказал член команды, проходя между рядами. — Ты пугаешь кота.

— Мне еще никто не говорил, что я вызываю страх у котов, — сердито ответил папа Ника .

Из динамиков громкой связи прогремел зычный голос:

— Леди и джентльмены, до взлета осталось две минуты. Убедитесь, что вы надежно пристегнуты. Если вы имеете с собой животное – собаку, кота или попугая – держите его двумя руками, потому что, по нашему многолетнему опыту, мы знаем, что собаки, коты и попугаи выскальзывают из ремней во время взлета. По этой причине они падают и наносят себе травмы.

Огромный двигатель корабля заревел. Судно завибрировало.

— Вот и полетели, — громко сказал папа Ника.

В этот важный момент Гораций закашлял. Закрыв глаза и опустив голову, он кашлял и кашлял.

— Гораций, — с упреком произнес папа Ника, — ты всегда кашляешь, когда случается что-то важное?

Но кот кашлял и кашлял, не поднимая головы. И он не отвечал.

Как материализовавшийся гром, корабль поднялся в утреннее небо.

Этот полет занял десять дней. Ник проводил свое время в игровой комнате корабля, играя в пинг-понг с электронным напарником, который никогда не отсутствовал. Его мать и отец смотрели развлекательные передачи, а когда им это надоело – образовательные фильмы, которые сообщали полезную информацию о месте их назначения.

Гораций, когда его выпускали с кресла, прятался в прачечной. Ник доставал его теннисной ракеткой, которой кот мог играть долгими часами.

Надеюсь, несколько раз думал Ник, на планете Пахаря будет интереснее.

— Мяу, — отозвался Гораций, ожидая, когда шарик от пинг-понга подкатится к нему.

После отлета с Земли странное изменение произошло с котом. Когда Гораций не играл с шариком от пинг-понга, он сидел на кресле и смотрел на стену корабля, словно ожидал, что кто-то появится из нее. Возможно, он слышал какие-то звуки, однажды подумал Ник. Что-то снаружи корабля. То, что, по мнению Горация, стремилось пробраться внутрь. А после периода сна, Ник иногда находил кота высоко на полке настенного шкафа для припасов. В такие мгновения Гораций выглядел глубоко задумчивым. Он сидел со сложенными под собой передними лапами, и его глаза были большими и круглыми – не как у кота, но как у человека, не считая того факта, что они оставались темно-зелеными. И в такие моменты уголки его рта были опущены вниз, как у маленькой старой леди.

— Гораций. — однажды сказал ему Ник, глядя вверх на кота, — ты должен адаптироваться к новым условиям. Вещи не всегда остаются теми же самыми. Нам всем придется приспособливаться, включая моего папу.

Глаза Горация оставались большими, а рот опущенным. Он молча смотрел на Ника. Ни одна его часть не двигалась. Даже хвост.

— Мы пионеры, — сказал коту Ник. — Мой папа говорит, что нам нужно очистить землю и посадить зерновые. Ты можешь бегать по пашне. Будешь говорить моему папе, куда вести ее.

Он замолчал, но кот ничего не ответил.

— Ты можешь гоняться за губами, — обнадеживающе добавил Ник.

Гораций посмотрел на него. Молча.

— И принтерами, — сказал Ник. — Ты можешь преследовать принтеров.

Гораций не ответил. Он даже не шевельнулся.

— За кучками, — произнес Ник.

Гораций медленно закрыл глаза.

— Родичами, — не унимался Ник.

Гораций устроился для сна.

— На ворчунов, — сказал громко Ник, желая разбудить Горация. — И члеников. Кстати, Гораций, что ты думаешь о члениках? Это реальный вопрос. Как насчет члеников? Подумай об этом.

Гораций открыл зеленые глаза, широкие и круглые. Уголки его рта опустились еще больше. Он выглядел очень встревоженным, потеряв былую невозмутимость. Очевидно, членики тревожили его.

— Тебе понадобится наша помощь, — сказал ему Ник. — В сражении с члениками. Так что не задавайся. Не думай, что тебе хватит только твоих лап, кошачьей ловкости и увертливой тактики.

Он слышал, как его отец беседовал с Горацием подобным образом, и это, похоже, всегда стимулировало у кота правильное отношение – по крайней мере, на какое-то время.

Встав позади Ника, его мать посоветовала:

— Не пытайся использовать с котом свой разум. С любимым котом. Он должен понять это сам.

— Как только первый членик доберется до тебя, беги к нам за помощью, — сказал Ник коту.

Зеленые глаза Горация снова начали закрываться. Но не полностью. Кот с трудом продолжал наблюдать за мальчиком и слушать его.

Голос капитана корабля внезапно загремел из динамиков громкой связи, закрепленных в разных местах корабля.

— Леди и джентльмены, мы вскоре ненадолго спустимся на планету Пахаря, где высадим трех пассажиров и кота, заберем почту и пищу, и проведем незначительные ремонтные работы. Прошу занять свои места и крепко пристегнуться.

— Мы прилетели, — прошептал Ник, едва веря этому.
— Давай, Гораций. Возвращайся на свое место.

Глава 5/

Под ними, среди туманов, простирался оранжевый мир. Он будто бы парил в свете близкого солнца.

— Планета выглядит живой, — возбужденно содрогаясь, сказала мать Ника. — Оранжевые леса! Как странно! Они не говорили этого в образовательных клипах. Наверное, забыли.

— Оранжевый цвет говорит о том факте, — объяснил папа Ника, — что растительная жизнь на планете в своем метаболизме основана на силиконе, а не на углероде.

Ник знал, о чем говорил отец — точнее, думал, что знал.

— Но растения, использующие углерод, тоже могут здесь расти, — ответил он.

— Да, — согласился его отец, — мы привезли пшеницу и другие растения, которые культивируются людьми и благодаря особым свойствам атмосферы растут здесь быстрее, чем на Земле.

— Успокойся, приятель, — сказал проходивший мимо член команды. — Ты смущаешь парня и пугаешь кота.

— Я не смущаю никаких парней, — строго ответил папа Ника

С небольшим ворчанием своих древних двигателей судно опустилось на мягкую посадочную площадку. Они оказались на поверхности планеты. Взглянув в окно,

Ник увидел далекие деревья и густые желтые кусты. На краю плоского посадочного поля их ожидало большое животное.

— Вуб, — сказал Ник, и его сердце забилося сильнее.

Огромная некрасивая морда вуба выражала мягкую доброту. Взгляд не был интеллектуальным, но, по крайней мере, выглядел ласковым. Когда люк корабля открылся, вуб двинулся вперед. Его похожее на бочку тело покачивалось из стороны в сторону на коротких ногах. Позади животного болтался дурацкий крохотный хвост. Ник засмеялся. Пока все было неплохо, решил он. Эта жизненная форма казалась безвредной.

— Он тянет за собой повозку, — с изумлением сказала мать Ника.

Они спустились по трапу и оказались на пыльном поле. Ник крепко держал кота в руках. Люди из команды несли их багаж – коробки и чемоданы. Они опустили их на землю и пересчитали. Стоявшие поблизости столбики почтовых пакетов были забраны на борт.

Через несколько минут, с огромным и ужасным шумом, корабль поднялся в небо. Его двигатели мигнули огнем. Он на мгновение завис, не двигаясь, затем снова начал подниматься. Ник смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду. Грохот сопел угас до тишины.

Вот мы и на месте, сказал себе Ник. Потом он забыл о корабле и повернулся к вубу.

Грубая повозка, подпрыгивая, катилась за зверем. Вуб двигался вперед, пока не добрался до людей. Затем он уселся на землю. Животное выглядело потным и пыльным, но вполне дружелюбным.

— Он может говорить? — спросил Ник у отца.

Его папа, обращаясь к вубу, сказал нарочито отчетливым голосом:

— Твоя повозка выдержит наш вес? Включая багаж?

Какое-то время вуб тупо смотрел на него, затем потянулся к небольшому мешочку, который висел у него на шее. Он достал оттуда карточку. Текст на ней гласил:

КАК ПОЖИВАЕТЕ? Я В НОРМЕ. ЗА ЦЕНТ ОТВЕЗУ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ПОЖЕЛАЕТЕ.

Ник и его отец загрузили багаж в повозку. Затем они четверо – с Ником, крепко державшим Горация – влезли в повозку рядом со своими пожитками.

Вуб вытащил вторую карточку.

ТЕПЕРЬ МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЛУЧИТЬ ЦЕНТ.

Отец Ника дал ему цент. Вуб поместил монету в мешочек, который висел на его шее. Очень медленно зверь двинулся вперед. Его ноги подрагивали от усилий. Повозка шумно грохотала позади.

— Как он узнает, куда ехать? — поинтересовался Ник у матери.

— Я спрошу его, — отозвался отец Ника.

Он вытащил карту местности и развернул ее.

— Минутку! — окликнул он вуба. — Я хочу показать тебе, где находится наша земля!

Вуб остановился. Он постоял, отдыхая, — на вид, запыхавшийся от усилий тянуть тяжелую тележку. Затем животное со стоном порылось в мешочке и вытащило

третью карточку, которую передало отцу Ника. Мальчик тоже прочитал ее. Карточка гласила:

НЕТ, НЕ ЗДЕСЬ.

Нахмурившись, отец Ника озадаченно спросил:

— Что значит: "Не здесь"?

Он недоуменно повернулся к Нику.

— Может быть, он вытащил не ту карточку, — предположил мальчик.

Папа громко сказал нубу:

— Я думаю, что у тебя не та карточка. Я хотел показать тебе, где находится наша земля.

Он выговаривал слова отчетливо и медленно — так чтобы вуб его понял. Тот не выглядел слишком умным. Животное забрало карточку назад, осмотрело ее и сунуло обратно в мешочек. Вуб быстро вытащил другую карточку, которую протянул им для чтения.

Я НЕ ИМЕЮ НУЖНОГО ТЕКСТА, КОТОРЫЙ ОТВЕТИЛ БЫ НА ВАШ ВОПРОС.

— Я не задавал вопрос! — с раздражением рявкнул отец Ника. — Я просто хотел показать тебе карту!

Он протянул ему лист бумаги и отметил пальцем местность, в которую они хотели попасть.

— Видишь? — спросил он. — Это земля, которую ООН дала нашей семье. Я так понимаю, что там имеется базальтовый блочный дом, плюс, вода и несколько роботов-фермеров. Ты можешь отвезти нас туда? Это далеко?

На этот раз вуб пожевал свою жвачку и снова порылся в мешочке, выискивая нужную карточку. Она гласила:

Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬ ВАШ ЦЕНТ.

— Похоже, я не могу общаться с этим существом,
— сказал отец, обращаясь к Нику. — Попробуй ты. Я сдаюсь. Покажи ему карту. То место, которое я отметил.

— Возможно, он не понимает карт, — предположила мать Ника. — Наверное, он размышляет другим способом. Вообще не как мы. Возможно, карты не имеют для него никакого смысла

— Если это так, — ответил отец, — то я не знаю, как заставить его отвезти нас на наш участок. И я не вижу другого транспорта.

Он выглядел расстроенным.

Вуб усердно перерыл свои карточки, сложил их аккуратно в мешочке и, наконец, с надеждой показал Нику одну из них.

НЕТ, Я НИКОГДА НЕ ТЕРЯЛСЯ. НИ РАЗУ ЗА ЦЕЛЫХ ПЯТЬ ЛЕТ.

— Он хочет помочь нам, — сказала мать Ника. — Я действительно думаю, что он очень добрый, но просто не обладает достаточным количеством карточек для разных ситуаций, с которыми сталкивается.

— Передай ему карту, — сказал отец Ника. — Пусть он подержит ее в своих лапах.

Ник так и сделал. Вуб помял карту пальцами – точнее, как Гораций, подушечками лап – и съел ее.

Они четверо молча смотрели, как исчез последний

кусочек карты. Затем вуб икнул и покачал головой, прочищая горло. Он достал из мешочка еще одну карточку.

ВУБЫ ЕДЯТ ВСЕ.

— Это я уже понял, — сказал папа Ника, скорее, изумленный, чем рассерженный.

Наверное, он не знал, что делать — теперь, когда карты не стало. Повернувшись к вубу, мать Ника сказала вежливым тоном:

— Мы прилетели на эту планету, чтобы поселиться здесь. Теперь, когда ты съел нашу карту, мы не знаем, куда ехать. Ты можешь нам помочь?

Она сделала паузу, но вуб ничего не ответил. Он продолжал жевать свою жвачку и нервно потряхивал головой, словно хотел помочь, но не знал, каким образом.

— Здесь поблизости должны быть другие люди, — продолжила мать Ника. — Ты можешь отвезти нас к ним?

Она взглянула на мужа.

— Они помогут нам.

— Кажется, я вижу там какие-то здания, — сказал Ник, указывая пальцем в сторону.

Он заметил на горизонте смутные контуры строений.

— Направимся туда, — предложил мальчик.

По крайней мере, он надеялся, что это будут здания, построенные людьми.

Его папа мрачно усмехнулся.

— Я думаю, это гнездовье верджей, — сказал он.

Из странных, похожих на трубки, контуров к небу поднимался веер мигающих точек.

Вуб тут же вытащил новую карточку.

ВЕРДЖИ!

— Я был прав, — сказал отец.

Точки мчались к ним, становясь все больше и больше. Их было много – целый рой в вечернем небе. Как сажа, вылетевшая из трубы, подумал Ник. Он вздрогнул.

Глава 6/

Точки приближались все ближе и ближе. В какой-то момент они перестали быть точками и превратились в крылатые паруса, перемещаемые ветром. Они больше скользили, чем летели. Как планеры, подумал Ник. Планеры, сделанные из кожи и черноты – из оперенных шкур, которые выглядели очень старыми.

— Мы в опасности? — спросил отец у вуба

Животное ответило тем, что начало бежать вперед. Оно астматически хрипело, таща повозку. Вуб бежал быстрее и быстрее, затем внезапно споткнулся и упал. Повозка покачнулась, переворачиваясь и роняя чемоданы на землю. Затем она застыла вверх тормашками.

— Где Гораций? — в ужасе спросила мать Ника.

Ник быстро осмотрелся вокруг. Несколько упавших из повозки пакетов раскрылись. Их содержимое – в основном, одежда – валялось рядом на земле. Однако кота среди вещей не было.

— Гораций! — громко позвал он. — Где ты?

— Возможно, под повозкой, — сказал его отец.

Вуб, покачиваясь, поднялся на короткие толстые ноги. И снова принялся бежать.

Позади повозки – но в противоположном направлении – появилось небольшое черно-белое существо. Оно мчалось на максимальной скорости.

— Вот он! — крикнул Ник. — Он надеется вернуться на корабль!

Гораций не понимал, что звездолет улетел, решил мальчик. Корабля там больше не было.

— Разверни повозку вокруг, — крикнул отец, обращаясь к вубу. — Мы должны забрать нашего кота!

Однако вуб продолжал бежать. Гораций за их спинами становился все меньше и меньше. Ник видел только направление движения – черно-белую точку, уменьшавшуюся с каждой проходящей секундой. Гораций почти достиг места, где прежде стоял корабль.

Вердж упал с небес, как камень. Сделав пару взмахов крыльями, он сложил их и стал похож на старый сморщенный зонт, с лапами, поджатыми под ним. Во всяком случае, так подумал Ник. Птица опустилась перед Горацием и раскрыла парусообразные крылья. Кот бежал навстречу им.

— Гораций! — закричал Ник. — Открой глаза!

Однако кот мчался, закрыв веки.

Вердж схватил его и взлетел вверх, присоединяясь к другим сородичам. Их стая сделала круг, не приближаясь к повозке. И еще, заметил Ник, они не улетали. Создавалось впечатление, что птицы пребывали в нерешительности.

— Мы потеряли Горация, — тихо сказал отец.

Он заметно побледнел.

Один вердж отделился от стаи и направился к повозке. Он завис над ней – почти неподвижно и достаточно

близко. Взглянув вверх, Ник хорошо рассмотрел его – особенно, глаза.

В них он повторялся бесконечно – длинная прогрессия темных зеркал, в которых он смотрел на самого себя. Его лицо искажалось в комичной маске печали и страха. Он видел свой собственный страх – свой шок от потери Горация. Он видел содержимое пустых и древних глаз верджа. Птица будто насмеялась над ним – над его тревогой и заботой. И за этой насмешкой он увидел кое-что еще. Он увидел за своим кривым отражением нечто безымянное – то, что косилось из глубин верджа. Не самого верджа, а того, что обитало в существе. Он заметил форму, вбирающую воздух. Она словно была отрезана от мира, но желала найти путь в него.

Вердж был только контейнером, подумал Ник. Коробкой. Он проглотил что-то ужасное – что еще не было мертвым и, возможно, никогда не сможет умереть. Мальчик закрыл глаза, не желая видеть это существо. Вердж был ему противен – как и та тварь, которая обитала в нем своей бескровной жизнью.

Громко хлопая крыльями, вердж опустился на землю перед повозкой. Его голос был скрипучим и тонким.

— Мы решили отдать вам обратно ваше животное. Оно неприятно нам. Оно пахнет рыбой. Оно пахнет морем. Но в обмен за это мы просим об услуге.

Вердж издал резкий вопль и над головами людей второй более седой вердж спикировал вниз, процокал по земле плоскими перепончатыми ногами и остановился рядом с повозкой.

В своих похожих на иглы челюстях он сжимал Горация.

Гораций выглядел крайне сердитым.

— Отпустите кота, пожалуйста, — сказал отец Ника.

— Здесь идет война, — сказал первый вердж. — Она висит над долинами этого мира, как злой вязкий дым. Прилетев сюда, вы вовлеклись в войну, и услуга, о которой мы просим вас... эта услуга связана с войной. Мы сами — часть битвы. Мы сражаемся долгое время и очень устали.

— Просто отпустите нашего кота, — повторил отец Ника.

— Спросите вашего вуба, — сказал первый вердж, — так ли это. Он раскроет вам правду. Вуб знает о нашей великой войне.

Из нашейного мешочка вуб достал засаленную, много раз использованную карточку.

ДА.

— Я все понял, — произнес отец Ника.

Он был недоволен ситуацией.

— Вы теперь можете отпустить Горация? — спросил Ник у птиц.

Он мог думать только о коте. В челюстях второго верджа Гораций выглядел маленьким, беспокойным и очень несчастным.

— Пусть существо, которое пахнет рыбой, будет свободным, — сказал первый вердж своему компаньону.

Открыв длинные челюсти, второй вердж послушно опустил Горация на землю. Гораций метнулся от верджа, но, как обычно, не в том направлении.

— Гораций! — в отчаянии крикнул Ник. — Сюда!

Однако кот продолжал удаляться от повозки. Он увидел дерево и вознамерился спрятаться на нем, как это было в его обычаи.

— Я могу побежать за ним? — спросил Ник отца.

Он сделал шаг от повозки, но отец удержал его сильной рукой.

— Подожди, пока верджи не улетят, — сказал взрослый мужчина. — Тогда это будет безопасно. Он спустится с дерева, когда поймет, что путь свободен.

Ник повернулся к первому верджу:

— Кто живет внутри вас? Какое мощное существо я видел за вашими глазами?

Он не наблюдал его во втором вердже – только в первом.

Второй вердж сказал:

— Ты говоришь об осознании Глиммунга.

— Никто не может видеть Глиммунга, — резко ответил первый вердж. — Он невидимый.

— Тем не менее, — сказал второй вердж, — у него была форма, прежде чем он вошел в тебя.

Птица повернулась к Нику.

— Глиммунг сделал нас старыми. Получив достаточно времени, он сделает старым сам мир, а это...

Второй вердж замолчал, затем попытался объяснить то, что хотел сказать.

— Ткач паутины самой судьбы. Он несет с собой предначертание этой планеты, и теперь слишком поздно кому-то бежать от него.

— Включая нас? — спросил Ник.

— Включая каждого, — сказал первый вердж.

Или это Глиммунг говорил через клюв птицы? Ник не знал.

— Каждого, кто появляется здесь, — продолжил первый вердж, и его глаза засияли, как сломанные сияющие скалы.

— Я введен в твою душу, — сказал вердж Нику.

— Отпечатан в ней. Существуют воспоминания, как Глиммунг прилетел сюда в давние времена. В те дни мы жили вместе – кучки и принтеры, вубы, членики, мы сами – каждая жизнь, которая цвела в этом мире, включая траву на полях; да, даже траву и деревья. Это был благословенный мир – страна, чтобы играть и осознавать прелестные виды и движения, порывы теплого ветра, который дул через поля на закате. Мы жили в согласии друг с другом.

— А потом прилетел Глиммунг, — сказал второй вердж.

— Откуда он прилетел? — спросил Ник.

— Со звезды, — ответил второй вердж. — Опаленной мертвой звезды, которая угасла. Которая больше не могла гореть. Только немногие звезды становятся холодными, как она. Холод пожирал Глиммунга все больше и больше. Наконец, он улетел, принеся холод с собой.

Вуб, порывшись в нашейном мешочке, протянул другую напечатанную карточку.

КАК ВЫ? Я В ПОРЯДКЕ. ЗА ЦЕНТ Я ОТВЕЗУ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ПОЖЕЛАЕТЕ.

— Что это значит? — спросил Ник отца. — Он дал мне первую карточку, которую показывал нам.

— Я думаю, он хочет, чтобы мы оставили это место, — ответил отец, — и прекратили говорить с верджами.

— Представляю, как это, наверное, раздражает, — сказала мать Ника. — Он ограничен несколькими карточками для каждого случая, который может случиться. Или не может

— Возможно, тут требуются карточки, которые он никогда не использовал, — предположил отец Ника. — А что, если некоторые из них он использовал вновь и вновь... соответствовали они вопросам или нет?

Ник обратился к вубу:

— Мы не можем уйти, пока Гораций не спустится с дерева. А он не спустится, пока верджи не улетят.

Вуб достал другую карточку.

ПРОЩАЙТЕ. ПРИЯТНО БЫЛО СЛУЖИТЬ ВАМ.

— Он хочет, чтобы мы сошли с повозки, — сказал отец Ника. — Чтобы он мог уйти.

Папа вздохнул.

— Ладно. Пошли. Ник, помоги мне выгрузить багаж. Бессмысленно просить его остаться, если он так напуган.

Отец спрыгнул с повозки и начал разгружать ее. Ник присоединился к нему. Вскоре они сняли все пожитки на землю.

Присоединившись к ним, мать Ника сказала:

— Этот вуб почти не помог нам.

— Но он пытался, — поправил ее Ник. — Он сделал все, что было в его силах.

Мальчик не винил вуба за страх перед верджами. И, прежде всего, Гораций ничего не значил для инопланетного животного. Вуб, возможно, даже не знал, каким кот был сам по себе – каким ценным и интересным он мог быть в иные мгновения.

Вуб зашагал так быстро, как только мог. Повозка громыхала и подпрыгивала за его спиной вверх и вниз. Очень скоро вуб исчез в роще высоких оранжевых деревьев. Звуки его тяжелого сопения потускнели, и затем воцарилась полная тишина.

— Я думаю, мы пойдем пешком, — сказал отец Ника, — Нам нужно найти какое-то человеческое поселение. Они должны быть вокруг этого места.

Стая верджей, летавшая над головами, прокричала своим сородичам на земле:

— Летим! Летим! Мы имеем дело, которое нужно выполнить!

— Момент, — ответил первый вердж. — Не говорите мне, что делать.

Птица повернулась к Нику.

— Сейчас я открою тебе роль, которую вубы играют

в войне. Когда Глиммунг прилетел сюда и поселился на Высоких холмах, животные, которые жили поблизости, пожелали уйти... Но ворчуны, как вы скоро увидите, не могли далеко перемещаться без посторонней помощи. Они попросили своих друзей вубов помочь им и перевезти их на другое место. Вубы сделали это – по крайней мере, они предоставили свои повозки тем ворчунам, которые могли заплатить пять центов.

— Очень корыстно, — вставил второй вердж. — Это слабое место вубов – жадность. Жадность к еде и деньгам, ко сну, к покупкам и владению наибольшим количеством карточек. Это хорошо известно в нашем мире. И за это вубов презирают. Все и каждый.

— Я пойду за Горацием — сказал Ник отцу.

Ему было ясно, что стая верджей никогда не улетит. Им нравилось говорить, болтать и болтать. Теперь он это понимал. А Горация нужно было спасать сейчас, не позже.

— Здесь маленькая книга, которую мы подготовили, — сказал первый вердж.

В его длинных челюстях появился тонкий том, и он был передан Нику.

— Короткая официальная история войны, написанная нами самими. Она дает точный отчет всего, что случилось. И, более того, она защитит вас от лжи Великих четырех, которые сражаются на другой стороне.

— Великие четверо, — повторил Ник. — Кто они?

— Принтеры, прежде всего, — ответил вердж. — Они

последние великие враги Глиммунга. Ворчуны теперь почти исчезли, поэтому они не в счет. Все же они считаются вторыми среди Великих четырех. Третьи – человеческие колонисты с Земли, которые обитают здесь. Они обмануты принтерами, как мы думаем. Вы тоже будете обмануты.

— И членики, — сказал второй вердж. — Они последние из Великой четверки.

— А кучки? — спросил Ник. — Как насчет кучек?

— Они на стороне Глиммунга, — ответил первый вердж. — Так же, как и родичи. Мы, кучки и родичи сражаемся за Глиммунга и однажды победим. Мы почти уже выиграли. Потом будет мир на нашей планете. Глиммунг сможет благоденствовать и процветать. Он будет делать, что захочет.

Когда вердж сказал это, что-то сверкнуло в его глазах. Тусклый черный огонь, как факел, пылавший под водой. Искра самого Глиммунга, понял Ник, обитавшая в вердже, поселившаяся там и тлевшая годами, ожидая выйти, когда война будет выиграна. Он не мог ждать больше; Ник видел нетерпение Глиммунга, его ужасную нужду.

— Вы рассказываете слишком много! — закричали верджи визгливыми скрипучими голосами.

Они по-прежнему летали над головами.

— Улетайте! Оставьте их в покое и улетайте!

Они качнули крыльями и начали возвращаться к изогнутым, с печными трубами, зданиям на горизонте.

Первый вердж опустил маленькую, покрытую кожей, книгу у ног Ника, затем побежал на своих плоских ногах и неуверенно поднялся в воздух. Он и второй вердж присоединились к стае. Какое-то время они парили над головами и летали кругами. Затем птицы умчались – также быстро, как и прилетели. Они вновь превратились в точки, постепенно исчезнув из виду.

Ник склонился и поднял маленькую книгу. Ее текстура была шершавой и неприятной. Он прочитал заголовок. «Один летний день». Он полистал ее, взглянув там и сям на страницы.

— Она не о войне, — сказал мальчик матери и отцу. — Она...

Он не мог сказать ничего конкретного. Казалось, она была ни о чем. Как книга во сне, подумал он.

— Я не хочу читать ее, — сказал он вслух.

— Дай ее мне, — произнес отец.

Он вытянул руку, и Ник с благодарностью отдал ему странный маленький том.

— А теперь ты можешь забрать Горация, — сказал его отец.

Ник тут же побежал к оранжевому дереву, на котором Гораций, осторожно прячась, спасался от проклятых верджей.

Глава 7/

После того, как они уговорили Горация спуститься вниз с дерева и собрали свои разбросанные вещи, все четверо сели на кучу пакетов и чемоданов.

— Время для разговора, — сказал отец. — Возможно, если мы обсудим ситуацию, то придумаем выход — способ, как найти нашу ферму... теперь, когда наша карта съедена.

Ник поднял Горация и осмотрел его. После своих приключений Гораций стал угрюмым. Он с подозрением смотрел на всех и каждого. Животное, сгорбившись, сидело на коленях и занимало, как можно, мало места. Все ясно. Верджи обидели его. Они поймали Горация и заставили потерять достоинство, смутив его, принудив бежать не в том направлении. Он надолго запомнит верджей и в будущем будет держать их в уме, чем бы ни занимался.

— Гораций расстроен, — сказал Ник.

Он погладил Горация, но кот пригнулся, уклоняясь от его руки.

— Возможно, если мы накормим его...

— Эта книга... — сказал отец, не обращая на них внимания.

Внимательно читая, он держал маленький том открытым по середине.

— Вердж мог дать нам вообще не тот текст. Он не имеет к нам никакого отношения. Эта книга не о войне.

— Возможно, вердж лгал, — сказала мать Ника.

— Возможно, нет никакой войны. Что если он хотел напугать нас. Вердж обрадовался бы...

Она вздрогнула.

— Вуб согласился с верджем, — сказал отец Ника. — Так что он, вероятно, прав.

Перевернув страницу, папа прочитал ее.

— Гм, — сказал он вслух.

Мужчина передал книгу матери Ника, и та взяла ее.

— Прочитай слова на левой странице. Второй параграф.

— Читай вслух, — добавил Ник, желая знать, о чем там говорилось.

Мать прочитала:

«Когда принтер делает чашку, он теряет часть себя. Чашка заполняется пудингом. Принтер пытается быть более твердым. Но он не может продолжать. Суть вещей заставляет его прекратить печать. Принтер умолкает. В конце концов, он не может печатать даже самого себя».

Наступило молчание, когда четверо подумали об этом.

— Знаете, что я думаю об этой книге? — спросил отец.

— Это исследование врагов Глиммунга. Что они собой представляют, и как их можно разрушить.

— Загляни в индекс, — сказал Ник. — В задней части.

Он имел странное чувство, словно знал, что его мать там найдет.

— На букву "Г". Поищи нашу фамилию.

Его мать полистала конец книги.

— Я не понимаю, как мы можем...

Она замолчала.

— Пит, — сказала женщина мужу, — он прав. Мы тоже указаны здесь. Тут говорится: "Грэхамы, Питер и семья. Страница 31".

Она быстро перешла на указанную страницу.

— Читай вслух, — произнес отец Ника тихим и серьезным голосом.

— Вот.

Женщина глубоко вздохнула и прочитала 31 страницу маленькой книги.

«Они не могут найти свою ферму. Карта съедена. Существо, которое пахнет рыбой, будет путать их, пока не станет слишком поздно. Они будут уничтожены своей любовью».

Она замолчала, наморщив лоб.

— Нашей любовью к Горацию, я полагаю, — добавила мать.

Посмотрев на кота, она произнесла:

— Так это твоя вина, что мы потерялись.

— Верджи сеют семена недоверия, — сказал отец Ника. — Они коварны и хитры. Эта книга — ловушка.

Он взял ее в руки и лично осмотрел индекс.

— Верджи, — прочитал отец вслух. — Так же

зачарованная особь; более известная, как Вердж.
Страницы 24 по 29.

Он поднял голову.

— Здесь много о них. Хотя я мало удивлен.

— Не читай это, — сказала мать Ника. — Не думаю, что мы очень интересуемся тем, что верджи говорят о самих себе.

— Не верю, что это писали верджи, — ответил отец. — Мне кажется, это был Глиммунг.

— Почему ты так думаешь? — спросил Ник, гадая, каким образом его отец мог знать такую важную деталь.

— Послушайте, — сказал отец.

Он прочитал вслух отрывок, связанный с верджами.

«Это малая форма, которая пришла из ям и трещин в земле. Она использует свою кожу, как парус. Все, что движется, является ее жертвой. Некоторые сильные запахи заставляют ее бежать. В определенные части года – в основном, летние – она может кочевать и где-то путешествовать. В конце концов, она летит и становится пищей рогатого клака, нашего общего врага. Но до того времени ее можно использовать».

Его отец захлопнул книгу.

— Верджи не писали ее. Ни одно существо не написало бы так о себе. Я сомневаюсь, что верджи могут писать. Как и вубы. Но какая-то жизненная форма на планете Пахаря может делать это?

— Ты сам сказал, — ответила мать Ника. — Глиммунг.

— Он ужасен, — сказал Ник. — Я видел его внутри первого верджа. Он смотрел на меня.

— Но это грозное существо позволило нам уйти, — заметила мать Ника. — Поэтому оно не может быть таким плохим.

— Возможно, Глиммунг боится нас, — сказал Ник.

Его родители с удивлением посмотрели на мальчика.

— Существо может быть злым, — пояснил Ник, — не будучи сильным. Глиммунг имеет слабость. Война не закончена. Во всяком случае, принтеры все еще существуют. И этот страшный рогатый клак. Возможно, клаки даже хуже Глиммунга.

Ему не понравилась эта идея. Она заставила его нервничать. Анти-питомцевый человек говорил о клаках почти так же, как книга. Очевидно, это было правдой.

— Мы должны найти Великих четырех, — произнес его отец. — Ни какого-то другого вуба, а этих парней. По моему мнению, добрые вубы представляют малую ценность для каждого. Кроме, возможно, их самих. Они, без сомнения, уцелеют в войне... Потому что на нейтральной стороне.

Далекий шум достиг их ушей.

— Смотрите, — сказал, указывая, Ник.

Он увидел в отдалении устройство, похожее на старомодную древнюю машину. Она примыкала к большому баку странного вида, напоминавшему резервуар для запаса воды. Машина ехала очень медленно, подумал Ник. Словно водитель не знал дороги.

— Ник, — возбужденно сказала его мать, — беги быстрее и попытайся перехватить ее. Кажется, я вижу в ней кого-то. Да, я уверена, что вижу человека, который управляет ею.

Бросив маленькую, переплетенную кожей книгу на чемодан, отец добавил:

— Мы не найдем ничего лучшего.

Он начал махать машине.

— Да, нужно остановить ее, — согласился Ник. — Она может доставить нас к Великим четверем. Возможно, они знают дорогу.

Верджи вряд ли показали бы ее, сказал он себе.

Интересно, как быстро он поймет свою ошибку.

Склонившись, Ник поднял книгу.

Древняя машина повернула в их направлении. Водитель увидел их. Очень медленно машина приблизилась к ним, потратив на это много времени. Наконец, с громким шумом, она подъехала к ним. Из радиатора вырывались струи пара.

— Кто вы? — спросил водитель. — Не помню, чтобы видел вас прежде. А я знаю каждого колониста на этой планете.

— Нас доставил корабль, — ответил отец Ника. — Вуб повез нас на ферму, но стая верджей отпугнула его.

— Вубы не очень храбрые, — произнес мужчина. — Где ваша ферма? Дайте взглянуть на карту.

— Вуб съел ее, — смущенно признался отец.

Водитель усмехнулся.

— Они это могут. У вас есть какие-то документы?
Возможно, я смогу понять, куда вам нужно.

Отец Ника достал из чемодана плоский пакет и открыл его. Он передал водителю пачку бумаг, которую тот медленно и тщательно прочитал.

— Это далеко отсюда? — спросила мать Ника.

— Довольно далеко, — ответил водитель. — И я не собираюсь ехать в этом направлении. На самом деле, я еду в противоположную сторону.

— Но вы сказали... — начал отец Ника.

— Я сказал, что могу подсказать вам, где находится ваша ферма, — ответил водитель. — Я не говорил, что отвезу вас туда. У меня нет на это времени.

Он передвинул рычаги машины, и та начала движение.

— Видите тот горный пик?

Мужчина указал рукой.

— Идите в том направлении. Ваш участок на другой стороне.

— Но наш багаж, — запротестовала мать Ника.

— Мы заплатим вам, — сказал отец Ника. — Вуб хотел цент, что, наверное, будет недостаточно. Мы заплатим больше. Сколько вы хотите?

— Извините, — сказал водитель, когда его машина отъехала. — Деньги здесь почти бесполезны. Ценится вода, которую я вожу в этом баке. Как вы слышали, воды на планете Пахаря мало.

Он помахал им на прощание.

Ник поднял в руке небольшую книгу, которую дал ему вердж.

— А это что-то стоит? — спросил он.

Замедлив машину, водитель прикрыл глаза рукой и взглянул на книгу.

— Где вы ее достали?

Он остановил машину.

— Мы отдадим ее вам, — сказал папа Ника, — если вы отвезете нас и наши вещи на выделенный участок. Это честный обмен. Без всяких вопросов.

— Никто никогда не видел этой книги, — сказал водитель. — Мы думали, что она миф. Я не верил, что она существует. Конечно, я буду рад обменяться с вами.

Он выключил мотор машины, открыл дверь и спрыгнул на землю.

— Я помогу вам загрузить ваши вещи в кузов.

— Почему книга такая особенная? — спросил Ник.

Его чувство было верным. Книга имела ценность – как раз того вида, который был им нужен.

— Это книга Глиммунга, — проворчал водитель, загружая чемоданы и свертки в багажник машины. — Считается, что Глиммунг привез ее с собой, когда много лет назад прилетел на эту планету.

Он поднял голову и посмотрел на Ника и его родителей.

— Вы видели Глиммунга? — спросил он.

— Мой сын видел, — ответил отец Ника.

Водитель пристально посмотрел на мальчика.

— Как выглядит Глиммунг? — спросил он действительно. — Какую форму он принимает? Говорят, что Глиммунг имеет много обличей. Он появляется сначала так, потом эдак.

— На этот раз, он жил внутри верджа, — сказал Ник. — Того, что дал мне книгу.

— Вердж не дал бы человеку такую книгу, — задумчиво произнес водитель.

— Он сделал ошибку, — ответил Ник. — Птица собиралась дать мне историю войны. Вряд ли она может читать.

— Действительно, — сказал водитель. — Верджи не могут читать. Как и вубы, хотя они носят свои няшливые маленькие таблички.

Он загрузил последний чемодан в машину. Мужчина устроился за рулевым колесом и снова завел мотор.

— Глиммунг будет в ярости, — сказал он, держа дверь открытой, чтобы залезла мать Ника. — Он попытается вернуть книгу назад.

Водитель с тревогой посмотрел на небо.

— Нам лучше поспешить.

Машина покатилаь вперед, унося их к далекому пику, который торчал на широкой равнине.

Глава 8/

Солнце начало спускаться к горизонту, когда скрипучая старая машина, с огромным деревянным водяным баком, достигла фермы Грэхамов. Водитель, чье имя было Рэг Фрэнкис, остановил автомобиль. Они пятеро сидели в молчании, глядя на местность, простирившуюся впереди.

Плоское пространство, которое лежало перед ними, было покрыто хрупкими колючими кустами – такими же оранжевыми, как и все остальное на планете Пахаря. Здесь и там проглядывали камни, а на одном краю равнины виднелось огромное дерево.

И дом. Ник в изумлении смотрел на строение. Такое большое место для них... Не то, что квартира на Земле. Никаких других зданий поблизости не было. Дом стоял один. Он выглядел довольно прочным. Подготовленным к последующей вечности, подумал Ник.

— Типовой дом, построенный правительством, — сказал Рэг Фрэнкис.

Вид строения не впечатлил его. Возможно, все дома на планете Пахаря были похожи на этот, построенный рабочими роботами.

— Десять акров земли. Возвышенностей нет. Несколько механизмов.

Он указал рукой.

— Фермерская техника поможет вам обработать землю. Воды мало, но у вас есть собственный ручей.

Он поднял руку.

— Теперь отдайте мне книгу.

Отец Ника передал ему маленький том. Мистер Фрэнкис осмотрел ее, остался довольным и сунул ее в бардачок своей старой машины.

— Что вы собираетесь делать с книгой? — спросил отец Ника.

— Продам ее принтерам, — весело ответил мистер Фрэнкис. — А теперь, если вы разгрузили свои вещи, я поеду. Меня ожидает долгий путь. Нужно вернуться на мой водный маршрут.

Ник и его родители выгрузили чемоданы и свертки. Когда последний пакет был поднят из машины, мистер Фрэнкис завел мотор и поехал. Они смотрели ему вслед, пока машина не исчезла из виду среди рощи похожих на веретена деревьев.

— Интересно, насколько близки наши соседи, — сказала мать Ника тихим и неуверенным голосом.
— Так странно, что никто не живет поблизости... Это заставляет меня...

Она взмахнула рукой.

— Чувствовать себя неуверенно.

— Мы привыкнем к этому, — заверил ее отец.

Гораций оставался тихим во время поездки на машине, но теперь в нем проснулась активность. Он спрыгнул с рук Ника и немного пробежался. Его хвост стелился

низко к земле. Голова торчала вперед, словно он прислушивался к каким-то звукам.

— Гораций убегает? — спросил Ник отца.

— Сомневаюсь. Он, кажется, знает, куда мы прибыли.

Отец Ника начал переносить пакеты к дому. Ник и мать помогали ему. Довольно скоро они занесли все внутрь.

— Почти нет мебели, — критично сказала его мать, осмотрев пустые, наполненные эхом комнаты.

— Нам повезло, что они хоть как-то обставлены, — ответил отец. — Фактически, мы счастливички, что нам дали дом, землю и технику.

— Если бы они этого не сделали, мы сюда не прилетели бы, — заметила мать Ника.

— Короче, жить можно, — сказал его отец.

Тем временем, Гораций убежал куда-то. Ник заметил, что он направился к зарослям кустов, затем появился на прогалине и снова исчез. Чуть позже из кустов послышался громкий кошачий вой.

Ник побежал к нему. Его сердце забилося. Что нашел кот? Существо с планеты Пахаря?

Вскоре он обнаружил Горация. Мех животного вздыбился, хвост стал огромным. Кот шипел. Его уши были плоскими. На лапах появились когти. Увидев Ника, он издал заунывное мяуканье, словно извинялся за свое поведение.

В вечерней темноте Ник увидел небольшую многоногую зверушку, которая удирала в кусты. У нее было несколько, похожих на веревки хвостов. Оно

убежало с невероятной быстротой и, очевидно, исчезло в норе. Гораций потерял о ноги мальчика, не выказывая желания следовать за существом.

— Что там, Ник? — крикнул его отец с порога их нового дома.

— Тварь, которая здесь живет, — ответил мальчик.

— Лучше идите внутрь, — сказал его отец. — Мы еще не знаем, какая фауна тут безвредная, а какая — нет. Не надо рисковать. Возьми Горация и принеси его.

Многохвостное существо высунуло голову из своей норы. Это была воинственная энергичная зверушка, которая громко затрещала, о чем-то, сигнализируя другим сородичам. Ник услышал возню в ближайших кустах. Он вдруг понял, что его окружало множество беспокойных существ. Мальчик почувствовал тревогу за Горация, который продолжал выть и показывать когти.

— Ладно, пошли.

Кот был явно удивлен. Ник прислушался. Существа трещали все громче и громче.

— Мой кот не навредит вам, — крикнул Ник.

— Ты хочешь поспорить? — раздался писклявый голос из кустарника.

— Он только кот, — сказал Ник. — Коты никому не вредят.

— Ага, заливай, — ответил крохотный голос. — Все, что ты говоришь, это ерунда. Посмотри на клыки своего любимца. Он из города убийц. Мы сообщим о нем Великим четырем. Он абсолютное зло!

Голос дрожал от возмущения.

— Кто вы? — спросил Ник.

— Членики, — ответило невидимое существо.

Точнее, несколько голосов, прозвучавших в унисон.

— Вы люди, которые приехали, чтобы жить здесь? — спросил один из них. — И вы привезли с собой этого злобного хищника? Мы уйдем. Мы оставим это место.

— Мы уйдем! — подхватили другие.

Первый добавил:

— Считай, что твой приятель-кот допрыгался. Либо он, либо мы.

— Кот — часть семьи, — сказал Ник.

— О-хо-хо! — посетовал членик. — Это город суеты. Слушай, мистер. Мы и без того сражаемся в войне. Ты слышал о войне? Ты слышал, да? Ты слышал о верджках? Ты знаешь о Глиммунге?

— Да, — ответил Ник.

Впервые кто-то — или что-то — назвал его "мистером". Ему это понравилось.

— Я встречал Глиммунга, — сказал мальчик. — Он дал мне книгу. По ошибке. Я думаю, он хотел дать мне книгу, но не ту, которую предложил.

— Глиммунг дает каждому новичку на этой планете копию "Последней и финальной войны", — произнес членик. — В ней говорится, как правы они, и как ошибаются Великие четверо. Наверное, тысяча копий разошлась по планете Пахаря. Ложь! В ней только ложь.

— Но это не та книга, которую дал мне Глиммунг. Или которую дал мне вердж. Я не могу сказать, кто именно. Том назывался "Один летний день".

— У тебя эта книга с собой? — спросил членик.

— Нет, — ответил Ник.

— Ты потерял ее? Ты дал книгу вубу, и тот съел ее? Ты сжег этот том? Ты...

— Мы отдали его земному колонисту, — сказал Ник. — Мистеру Фрэнкису. Мы обменяли книгу на поездку сюда.

— Добрый старый Фрэнкис, — сказал членик, и в темноте его товарищи затрещали от презрения. — Рег Фрэнкис вор. Кто знает, что происходит в его мозгу? Он тот, кого мы называем водяным человеком. Он перевозит воду и продает ее по высокой цене, которую никто не может себе позволить. Ты должен забрать у него эту книгу.

— Почему? — спросил Ник.

— Потому что она нам нужна. Фактически, она нужна Великим четверем. Если мы останемся безучастными, Рег Фрэнкис загнет за нее высокую цену, которую мы не сможем заплатить. И тогда ее перекупит Глиммунг. У него много денег. Мы будем сломлены. Город бедности — вот то, что вокруг нас. Почему, ты думаешь, мы живем в этих норах? Потому что нам так нравится? Я скажу тебе, почему. Потому что мы не можем позволить себе ничего лучшего.

Голос членика задрожал от возмущения.

— Тебе повезло, — сказал из темноты другой голос. —

Ты имеешь дом. Всем вам, земным колонистам, повезло. А кто позаботится о нас? Город безразличия – вот, что это.

К Нику обратился первый членник:

— Думаешь, у тебя получится забрать книгу у Фрэнкиса?

Поколебавшись, Ник ответил:

— Мы заключили с ним сделку. Она теперь его собственность.

— А ты можешь украсть её? — спросили в унисон несколько членников.

— Я... так не думаю, — ответил Ник.

Это казалось ему неправильным. Торг был проведен по всем правилам.

— Ты мог бы сделать большое дело, — сказал членник.
— Помочь нам закончить войну и принести финальную победу. "Один летний день" перечисляет слабости каждого существа на этой планете, включая кучек и верджей. Даже клаков. Никто не пропущен на тех страницах. На самом деле, эта книга бывает монотонной и уклоняется от темы... Ум Глиммунга не упорядочен. Но где-то в книге имеется все. И прошлое, и будущее. Да, и то, и это.

— А теперь всю выгоду от нее получит Фрэнкис, — с отвращением сказал другой членник. — Город неудачи – вот, как это называется.

— Неудача для Глиммунга, — сказал третий членник.
— Он должен вернуть книгу обратно в свои руки. Я

думаю, парень встревожен. К этому времени Глиммунг уже обнаружил пропажу. Смотри сюда, земной человек. Он будет искать тебя, пытаясь завладеть своей книгой. Тебе лучше спрятаться. Осажденный город – вот, чем ты теперь являешься.

— Давайте направим Глиммунга по верному пути, — предложил новый членик. — Скажем ему, что книга сейчас у Рега Фрэнкиса – водяного человека. Это для твоей собственной защиты. Иначе ты получишь город мести, земной человек.

— Обреченный, — произнес другой членик. — Обреченный город.

— Что это значит? — спросил Ник.

Он с трудом понимал своеобразную речь члеников.

— Это значит, — сказал членик. — что Глиммунг разорвет тебя на части ударом молнии. Чтобы найти свою пропавшую книгу. Ты заглядывал в нее? У тебя была возможность прочитать что-нибудь из нее?

— Только параграф или два, — признался Ник.

Какую возможность они потеряли, внезапно понял он. А теперь было слишком поздно.

— Когда-то это было счастливое место, — задумчиво сказал членик. — Прежде чем появился Глиммунг. Он пришел сюда медленными крадущимися шагами. Постепенно. Не было точного времени, когда он появился в нашем мире. Мы начали осознавать его по отдельным частям.

— Сначала до нас доходили слухи, — добавил другой

членик. — Смутные рассказы. Ничего определенного. Слухи говорили о чем-то плохом – о злой вещи, которая существовала, но не здесь. Затем, однажды, оказалось, что он почти тут. Что он подошел немного ближе. А потом мы слышали от ворчунов, что он уже рядом с нами. И тогда это началось. День за днем. Верджи были рады. Очевидно, они сразу полетели к нему. И кучки, конечно. Они присоединились. Они кричали в ночи от удовольствия.

— Узнав, что Глиммунг объявился везде, — произнес еще один членик, — мы объединились с оставшимися принтерами. Потому что больше всего Глиммунг хотел уничтожить принтеров. Мы слышали, что он прилетел на эту планету в поисках принтеров, поскольку их борьба началась раньше, чем существовала эта планета. Фактически, она стара, как время. Принтеры никогда не говорили о войне. Они сражались, как могли, и это все. Они почти выродились – наши принтеры. Сейчас они взбивают пудинги. Копируют второстепенные и почти бесполезные процессы. Мы, конечно, притворяемся, что все идет, как надо.

— Это мудрое решение, — сказал третий членик. — Иначе невозможно.

Из дома вышла мама Ника.

— Сынок, — позвала она. — Пора идти внутрь. Ты можешь осмотреться завтра.

— Пока, — попрощался с членами Ник. — Увидимся завтра.

Он зашагал через темноту к ярко освещенному дому. Около здания росла группа растений, похожих

на бамбук. Ник начал проходить мимо нее, затем остановился.

В бамбуке что-то было. Форма, молчаливая и неподвижная, поднималась из почвы, словно странный ночной гриб. Белый ствол и мясистая масса, которая влажно блестела в тусклом свете, льющимся из окон. Заплесневелый кокон покрывала паутина. Из ствола торчали вполне оформившиеся руки и ноги. Их дополняла неотчетливая голова. Однако персональные черты на ней еще не появились. Но он мог сказать, кто это был.

Родич.

^
|

Глава 9/

Родич был почти готов. Еще несколько дней, и он достиг бы полной зрелости. Это все еще была личинка – белая, мягкая и мясистая. Но солнце дня подсушит и согреет ее. Укрепит ее раковину. Превратит в темную и сильную особь. Она выберется из своего кокона, и однажды, когда отец Ника придет на это место...

За родичем была другая мясистая белая, недавно отложенная личинка. Маленькая. Только что начавшая существование.

Ник ошеломленно отступил назад. Он медленно перемещался в темноте, пытаясь найти опору для ног. Мальчик был напуган до головокружения. Он отступил на несколько шагов от родича и других, более новых личинок, затем увидел что-то еще. Нечто возникшее к этому моменту. Но когда? Этого он не был способен понять.

Еще один родич. Другая личинка. Не белая. Эта уже начинала темнеть. Паутина, мясистая мягкость, влажность – все ушло. Она была готова. Немного шевелясь, она вяло двигала руками.

Ник-дичь.

— Ужин на столе, — крикнула из дома его мать. — Ник, иди и зови отца. Скажи ему, чтобы мыл руки. То же самое относится к тебе, молодой человек.

Мальчик чувствовал запах еды. Их первый ужин на планете Пахаря.

Он прошел в дом и свернул на кухню. Мать аккуратно поставила на стол дымящуюся запеканку.

— Что случилось? — спросила она, увидев его.

— Я должен рассказать об этом отцу, — прошептал Ник, все еще дрожа от парализующего страха.

— Пит! — беспокойно позвала мать. — Ник реально напуган. Тебе лучше прийти сюда. Ты можешь побриться после ужина.

Его отец, сильный и красивый, вошел в кухню.

— В чем дело, Ник? — спросил он, увидев лицо сына.

— Там, снаружи, — сказал Ник. — Я покажу тебе. Идем.

Он выбежал из нового дома в ночную тьму — на то место, где росли похожие на бамбук растения. Там поднималась вверх целая колония личинок в разном состоянии развития.

После того, как отец осмотрел личинки, он хрипло произнес:

— Эти растения ужасно опасны.

— Я знаю, — ответил Ник.

— Хорошо, что ты нашел их вовремя, — сказал отец. — Через несколько дней...

— Мы можем их убить?

— Почему бы и нет?

Отец продолжал смотреть на родичей.

— Они могут заменить меня, — сказал он. — Любой из них.

— Меня тоже, — подтвердил Ник.

— Да. Твой почти созрел. И он выглядит, как ты.

Голос отца дрожал.

— Точно, как ты.

Мать Ника вышла на порог их дома.

— Что там, Пит? — встревоженно спросила она. — Я могу посмотреть?

— Нет, — сказал отец. — Возвращайся внутрь.

Он повернулся к Нику.

— Если бы мы имели немного бензина, то могли бы сжечь их.

— Возможно, они уже достаточно сухие..., — начал было Ник и в ужасе замолчал.

Последний лоскут влажной паутины отпал от Ник-дичи. Тварь, шатаясь, двинулась вперед. Она оторвалась от основания ствола и заковыляла к ним. Ник-дичь неуклюже спотыкался. Его рот открывался и закрывался. Глаза смотрели на мальчика.

Отец отодвинул сына назад – подальше от родича.

— В доме имеется телефон, — прошептал он. — Мы зайдем внутрь и запрем дверь. Я позвоню в местную полицию. Она должна быть на планете. Наверное, имеется какой-то способ, которым они справляются с этими растениями.

— Почему их называли "родичами"? — спросил Ник, когда они оба быстро вошли в дом и заперли за собой дверь.

— Очевидно, они имитируют взрослых людей, — ответил отец. — Хотя, в данном случае, личинка была больше похожа на тебя.

— Пожалуйста, скажите мне, что там, — произнесла мать Ника.

Она вышла из кухни с тарелкой роллов, только что вытасненных из духовки.

— Это очень плохо?

— Очень, — ответил отец. — Ник-дичь. Прямо за стенами нашего нового дома. Как они узнали?

— По книге Глиммунга, — предположил мальчик. — Она предсказывала наше появление здесь, помните?

— Это верно, — сказал его отец.

Он поднял трубку телефона. На небольшом сером экране появилось лицо оператора.

— Дайте мне полицию, — мрачно сказал отец.

Органы власти приехали очень быстро. Они возникли из темноты вместе со своими мигающими огнями и мощным снаряжением. Их боевой отряд уничтожил бамбукоподобные заросли с личинками. После этого один из полицейских поговорил с отцом Ника в передней комнате дома. Дверь была закрыта, но Ник и его мать могли слышать их разговор. Ник пытался не подслушивать, но фразы долетали до него из-за закрытой двери.

— Понимаете, — говорил полицейский его отцу, — мы не взяли ту взрослую особь, которая уже освободилась. Мои люди прочесали местность инфракрасными сканерами, но пока ничего не нашли.

— Вы имеете в виду Ник-дичь? — спросил его отец. — Вы думаете, он ушел?

— Да, — ответил полицейский.

— Вы можете оставить человека здесь, чтобы поискать его? — спросил отец.

— Мы ограничены в людях. Боюсь, мне придется отказать вам. Найдите Ник-дичь сами и позвоните дежурному. Тварь уничтожат. Чтобы сжечь растение, достаточно поднести к нему спичку.

— Что он сделает с Ником, если поймает его?

— Заменит его собой, — ответил полицейский.

— Но что будет с Ником? Он убьет его?

Ник не услышал ответ. Полицейский говорил очень тихо.

— Какую другую помощь мы можем получить? — спросил его отец. — От кого? Возможно, от других колонистов?

— На вашей земле живет большое сообщество члеников, — сказал полицейский. — Попросите у них помощь. Членики — хорошие друзья. Многие колонисты узнают это в трудные моменты жизни.

— А они смогут отличить родича от Ника? — спросил его отец.

— Естественно, — заверил его полицейский.

Дверь гостиной открылась. Двое мужчин вышли наружу. Их лица были угрюмыми.

— Ник, — сказал отец, — как только увидишь Ник-дичь, скажи мне. Тут же. Мы будем держать все двери и окна дома закрытыми. А ты оставайся внутри... пока...

— Я не хочу оставаться внутри, — ответил Ник. — В любом случае, если я останусь дома, то не смогу уговорить члеников оказать нам помощь.

— Дайте ему поговорить с членами, — произнес полицейский. — Но пусть это будет происходить в дневное время, чтобы мальчик мог видеть свое окружение. На тот случай, если Ник-дичь попытается подкрасться к нему.

— А вдруг я или моя жена наткнемся на родича? — решительно спросил отец. — Предположим, он притворится Ником?

— Именно это он и будет делать, — ответил полицейский. — Ник-дичь будет выглядеть точно, как ваш сын. Он будет заявлять, что ваш сын.

— Как я могу уловить разницу? — спросил отец. — Предположим, мальчик выйдет завтра утром наружу, а потом появится Ник-дичь и скажет, что он Ник?

— Родич — не точная и не идеальная имитация, — сказал полицейский. — Особенно, когда эти растения говорят. Они не произносят слова, а только воспроизводят звуки. Говорите с ним, если думаете, что он не Ник. Таким образом, уверяю вас, вы сможете обнаружить подмену.

Полицейский повернулся к матери Ника и прикоснулся рукой к шляпе.

— До свидания. И добро пожаловать на планету Пахаря.

— Что за приветствие, — проворчал отец Ника, когда коп вышел и прошел через двор к своему аэромобилею.

— Я не боюсь ваших родичей, — сказал Ник.

Он знал, что членики помогут ему.

Гораций, который исследовал дом, появился в гостиной. Он сел рядом. Его большие зеленые глаза уставились на Ника.

— Видишь, — сказал отец коту, — мы прилетели сюда из-за тебя.

Он повернулся к Нику.

— И зря это сделали.

— Не говори так, — сказал мальчик.

Теперь, когда он был внутри, а полиция уничтожила все опасные кусты, Ник чувствовал себя намного лучше. Пусть жуткая тварь бродила где-то снаружи в непроглядной темноте, желая заманить его в ловушку. Но... Эта особь казалась хрупкой и слабой. Возможно, она не представляла собой такую опасность, как другие родичи. В любом случае, как сказал полицейский, она сгорит от соприкосновения с обычной спичкой. И, прежде всего, родич был только растением.

— Я продолжаю утверждать, что мы зря это сделали, — гневно произнес отец. — И это будет длиться до тех пор, пока мы не найдем родича и не уничтожим злобную тварь.

— Ник, ты не думаешь, что можно наладить отношения с члениками, которые живут здесь? — спросила мать.

— Конечно, можно, — ответил Ник. — Фактически, я уже это сделал.

— Приятно слышать, — проворчал отец.

Теперь он выглядел менее встревоженным.

В камине гостиной горел огонь. Дом становился теплым и дружелюбным, полным запахов ужина и потрескивающих дров.

— Членики рассказали, какой была эта планета, пока Глиммунг не прилетел сюда, — произнес Ник. — Они говорили, что это было счастливое место.

— Я им верю, — сказал его отец. — Счастье вернется, когда война против Глиммунга будет выиграна.

Он посмотрел на мать.

— Но мы ничего не знали. Мы не понимали, что, прилетев сюда, стали частью войны, которая тянется веками. Вовлекая многие виды существ.

— Членики говорят, — продолжил Ник, — что война началась еще раньше, чем Глиммунг прилетел на планету. "Она старая, как время", сказали мои новые друзья. Глиммунг прилетел сюда из-за принтеров. Он хочет уничтожить их. Они старые враги.

Мы должны узнать, где находятся уцелевшие принтеры, подумал Ник. И нужно бы встретиться с ними.

— Принтерам следовало бы помочь, — сказал он отцу. — Они почти истреблены. Так говорят членики. Я думаю, нам нужно поспешить.

— Завтра, — пообещал его отец.

Гораций пошел к передней двери. Он ожидал там, глядя на дверную ручку, словно пытался волей повернуть ее.

— Он хочет выйти, — сказал Ник, направляясь к двери.

Гораций продолжал упорно смотреть на ручку, по-прежнему направляя свою мощную волю в этом направлении. К сожалению, ее было недостаточно. Дверь оставалась закрытой.

— Плохо, что мы не можем сказать ему, что он может выйти только завтра, — произнес отец.

Склонившись, он погладил кота. Гораций издал тихое мяуканье, и его черный хвост изогнулся.

— В любом случае, ему нужно ненадолго выйти.

— Достаточно долгое, чтобы погнаться за члеником, — добавил Ник.

— Подумай о радости, которую он чувствует, когда бежит и резвится. — сказал отец. — Когда он кричит небу о величии своего смелого духа. Этот прекрасный свободный дух должен быть выпущен из плена. Бедный старина Гораций.

Отец Ника продолжил гладить кота. Гораций побуждал его сладкими звуками и настойчивыми взглядами на дверь, которую следовало открыть.

— Завтра, — ответил Ник.

— Новая вселенная ожидает его, — не унимался отец. — Его нетерпение вполне объяснимо. Все зависит от нас. Как только мы уничтожим растение...

Он замолчал, и его лицо стало мрачным.

- Великие четверо на нашей стороне, — указал Ник.
- Мы не одни.

Хвала небесам, что это так, подумал он.

- Я хотела бы, чтобы мы вернули книгу Глиммунга, — сказала мать Ника. — Если бы мы только прочитали ее.

- Посмотрим, возможно ли это, — отозвался Ник.

В данное время он не имел понятия, как заполучить ее.

^
|

Глава 10/

На следующее утро, после умеренно невыносимого сна, Ник проснулся, оделся, и вместе с родителями позавтракал на кухне за маленьким столом, который прилагался к новому дому. Гораций был явно недоволен блюдом синтетических гранул, с запахом креветок, хотя оно было рекомендовано правительством планеты.

В переднюю дверь постучали.

— Я посмотрю, — сказал отец.

Он встал из-за стола, прошел в гостиную и выглянул в окно.

— Какие-то люди. Наверное, соседи.

Папа повернул ключ в замке и открыл переднюю дверь.

На пороге стоял мужчина – короткий, круглый и почти лысый. Его сопровождала худая женщина. Ее волосы были подвязаны черной сетчатой материей. Женщина суетливо переминалась с ноги на ногу.

— Я Джек Маккенна, — сказал мужчина. — А это моя жена Дорис. Наш дом находится ниже по дороге. Мы видели, что вы въехали прошлым вечером. Хотели прийти к вам, чтобы помочь... Но по ночам в этом мире бродят кучки и верджи. Они выискивают заблудившихся колонистов, настолько глупых, чтобы выходить наружу после темноты.

— Мы видели полицейские аэромобили, — сказала

миссис Маккенна. — Они прилетали ночью к вашему дому. Что случилось?

От любопытства ее глаза расширились.

— Родичи, — ответил отец Ника. — Выросли рядом с домом. Входите.

Он сопровождал их в гостиную.

— Мы только что закончили завтрак. Хотите по чашечке кофе?

— Прошу, присоединяйтесь к нам, — сказала мать Ника. — Я Хелен Грэхам. Это мой муж Пит.

Она кивнула на Ника.

— И наш мальчик. Николас.

— У вас имеется кот! — пискнула миссис Маккенна, заметив Горация. — Он не протянет здесь долго. Его утащат верджи.

— Они уже улетали с Горацием, — сказал Ник, — но вернули его назад.

— Странно, — наморщив брови, произнес мистер Маккенна,.. — Верджи редко так поступают. Я удивляюсь, почему.

Мать Ника подала гостям кофе. Те выглядели довольными, что им предложили напитки. Они сели в гостиной напротив отца Ника и стали громко отхлебывать из своих пластиковых чашечек.

— Вы должны понять, что местные животные на планете Пахаря сцепились в смертельной схватке, — сказал мистер Маккенна. — В войне, которая длится веками.

— Да, мы уже поняли, — кивнув, ответил отец Ника. — Верджи сообщили нам о текущей ситуации.

— Многие прилетевшие сюда колонисты хотели бы удрать куда-нибудь из-за этой войны, — произнесла миссис Маккенна, — Даже обратно на Землю, такую теперь перенаселенную.

— Мы не можем вернуться, — сказал Ник. — Из-за Горация.

— Разве кот является веской причиной, чтобы покинуть свой собственный мир? — высокомерно спросила миссис Маккенна.

— Это дело принципа, — тихо ответил отец Ника. — Мы чувствовали себя там достаточно стесненно — особенно, в отношении животных — не важно, какой перенаселенной стала планета.

— И вы решили заняться фермерством? — спросил мистер Маккенна. — Вы прилетели сюда, чтобы пахать землю и сажать зерно?

— Точно, — кивнув, ответил отец Ника.

— А у вас имеется какой-нибудь опыт по земледелию? — спросила миссис Маккенна.

— Никакого, — признался отец. — Но я привез с собой книги по фермерству. Я намерен читать их в свободное время.

— Вы не справитесь, — сказала миссис Маккенна мрачным голосом.

— Я думаю, Пит сможет, — возразила мать Ника. — Он всегда был решительным и находчивым человеком. И мужчиной, который живет своими убеждениями.

Злобное продолговатое лицо появилось в окне гостиной. Глаза твари сияли – крохотные прорези, похожие на дыры в старом целлулоиде. Ник понял, что существо носило темные очки.

— Великий боже, — подскакивая, вскричал отец Ника.
— Кто это?

— Одна из кучек, — спокойно ответил мистер Маккенна. — Они узнали, что вы прилетели сюда и захотели взглянуть на вас. Возможно, им рассказали верджи.

— И что мы должны делать? — нервозно спросила мать Ника. — Это опасно?

— Я могу отогнать тварь с помощью этого оружия, — сказал мистер Маккенна.

Он передал отцу Ника небольшое металлическое устройство, которое прежде висело на его поясе.

— Это кучелуч. Он излучает яркие вспышки, а кучки, несмотря на их темные очки, слабеют до обморока при наличии резкого света. Просто покажите им оружие, и они, вероятно, уйдут.

Тем временем кучка уже исчезла. Наверное, тварь увидела кучелуч, который был у мистера Маккенны.

— Кучки могут забросать вас камнями, — сказал мужчина. — В этом выражается их участие в войне. Они не такие вредные, как верджи, а верджи и кучки не такие плохие, как родичи. Но в этой колоде – родичей, верджей и кучек – самым опасным является Глиммунг. Его следует избегать.

— Я видел Глиммунга, — произнес Ник.

— Где? — спросили мистер и миссис Маккенны.

— Внутри верджа, — ответил мальчик.

— Так вот, куда в наши дни ушел Глиммунг, — кивнув, сказал мистер Маккенна. — Я не удивлен. Таким образом, он может направлять верджей, чтобы те уничтожали больше ворчунов и члеников и..., возможно, некоторых человеческих колонистов. Хотя люди тяжеловаты для транспортировки верджами. И мы вооружены против них.

— Каким образом? — спросил отец Ника.

— Верджи боятся сильных запахов, — ответил мистер Маккенна. — В частности, запахов, неприсущих этой планете. Все мы носим с собой луковицу или мертвую лягушку. Или другую мелкую тварь с Земли. Вам тоже лучше сделать это.

— Как насчет чеснока? — спросила мать Ника.

— По какой-то причине верджам нравится чесночный запах, — сказал мистер Маккенна. — Я предлагаю вам попробовать розу, если она у вас имеется. Или немного лаванды. Или...

— Глицинию, — вмешалась миссис Маккенна. — Верджи ужасно боятся запаха глицинии. И гвоздики. Но гвоздика не растет на планете Пахаря. К большому сожалению.

— У меня имеется пузырек духов, — застенчиво сказала мать Ника.

— Это будет сомнительным средством, — резюмировала миссис Маккенна.

Кучка снова подошла к окну – или, возможно, это была совершенно другая особь. Ник не мог сказать наверняка. Существо заглянуло в комнату. Ее желтое тонкое лицо пылало дикой ненавистью. Она постучала по очкам волосатой костлявой лапой и заговорила.

— О чем она болтает? — спросил отец Ника.

— О коте, — ответил мистер Маккенна. — Что-то о вашем коте.

Кучка прижала резиновые губы к окну и повторила то, что сказала.

— Великий Боже, — произнес отец, подпрыгнув вверх.
— Она говорит, что Горация уже забрали.

Он быстро осмотрелся.

— Но кот был здесь!

— Передняя дверь! — тихо сказала мать Ника. — Она осталась приоткрытой. Наверное, Гораций вышел наружу.

— Извините, — сказал мистер Маккенна.

Он не выглядел слишком озабоченным.

— Похоже, это я забыл закрыть дверь. Или, возможно, она не совпадает с косяком. Многие дома построены правительством очень плохо.

В окне кучка бубнила:

— ...съедем его... лучший ужин за несколько месяцев...

Затем она исчезла из поля зрения. Ушла.

— Они собираются съесть Горация, — хрипло сказал Ник.

Он побежал к передней двери и вышел на крыльцо.

— Сынок, вернись! — позвал его отец. — Ник-дичь...
Сначала мы должны найти его...

Однако Ник уже увидел двух тварей, уносивших Горация. Каждая кучка держала кота за лапы. Они были небольшими, но им удавалось нести Горация, хотя тот яростно извивался и отбивался лапами.

— Отпустите моего кота! — закричал Ник.

Он побежал за ними.

Глава 11/

Когда мальчик побежал за кучками, что-то мелькнуло в оранжевых кустах, обрамлявших обе стороны дороги.

— Эй, мистер, — окликнул его голос.

Это был членик, стоявший в кустах и пытавшийся привлечь внимание Ника.

— Они забрали моего кота, — остановившись, сказал Ник. — Они собираются съесть его.

Он слепо пошел вперед.

— Подожди, подожди, — замахав, сказал членик.

Другой его сородич выбрался из земли, и затем еще двое. Целая группа члеников теперь высывала свои носы с обеих сторон дороги. Все они пытались говорить одновременно.

— Подожди, — громко сказал первый членик, велел другим замолчать.

— Давайте, парни, соблюдать порядок, — с раздражением сказал членик. — Ладно, говорить буду я.

— Мне некогда вас слушать, — крикнул Ник.

— Мистер, это ловушка, — сказал первый членик.

— Они не будут есть это тупоголовое животное. Они просто пытаются выманить тебя из дома.

— Но зачем? — спросил Ник.

Он остановился, чтобы послушать члена. Вдали на дороге две кучки в темных очках быстро шли, перетягивая Горация. Мальчик видел, что они становились все меньше и меньше.

— Мы понимаем, что нужно учитывать Ник-дичь, — сказал первый член. — Мы искали его всю ночь, но не нашли. Это тебя собираются съесть, если ты не будешь более осторожным. Пока тварь бродит на свободе, тут сейчас город опасности.

Ник стряхнул с себя груз нерешительности. Он побежал по дороге за кучками. Извилистый путь вел к большой роще – тенистому месту с густой лозой.

— Держись подальше от деревьев! — крикнули ему вслед члены.

Некоторые из них выбежали на дорогу, словно хотели последовать за ним.

Ник вошел в темную рощу. Справа, прямо перпендикулярно дороге, он заметил то, что не ожидал увидеть. Изумленный, он замер на месте. Перед ним была древняя машина Рега Фрэнкса... Ее большой водяной бак лежал на земле. Перевернутый автомобиль... Бак расколот пополам. Из него по-прежнему вытекали ручейки жидкости. Вокруг машины и сломанного бака образовались лужи.

Неподалеку, среди изогнутых кустов, лежал водяной человек. Лицом вниз. Древко серебристого металла торчало из центра его спины. Водяной человек, Рег Фрэнкис, был мертв.

Член, догнавший Ника, сказал:

— Копье Глиммунга.

— Прямо в спине, — хрипло добавил Ник.

— Это сделал Глиммунг, — произнес членик.

Машина была разобрана на части. Детали усыпали землю, словно в них ковырялся гигант, искавший какую-то часть.

— Он искал книгу, — сказал членик. — Миро-книгу. Книгу, которая меняется каждый раз, когда ее читают. Книгу, которая никогда не бывает одной и той же. Единственный экземпляр, который ты отдал водяному человеку.

— Это моя вина, — ответил Ник. — Мне не следовало обмениваться с ним...

— Тогда Глиммунг покончил бы с тобой, — произнес членик. — Он сделал бы что-то, чтобы вернуть свою книгу. Город трусливых убийств. Мы тоже готовы пойти на что угодно, лишь бы добыть ее для себя.

Членик замолчал, раздумывая над своими словами.

— Это самое чахлое место во всей роще. Здесь деревья искажают форму. Забудь о своем коте, мистер. Возвращайся домой. Кучки заманили тебя сюда, чтобы уничтожить раз и навсегда. Это место — город гибели.

— Я останусь здесь, — сказал Ник.

У него возникла идея, которой он не хотел делиться с члеником.

— Возвращайся к моему дому, — произнес он, — и расскажи отцу о том, что случилось. Я встречу его здесь.

— Тогда выйди на дорогу, — предусмотрительно сказал членик.

Он зашагал в направлении, из которого они оба пришли.

— Не давай им уговорить тебя сойти с дороги, как они сделали это с водяным человеком.

Членик подождал мгновение, потом снова зашагал по тропе. Через минуту он скрылся из виду.

Книга все еще могла быть здесь, подумал мальчик. Где водяной человек мог спрятать ее, спросил он себя? В машине водитель кладет мелкие вещи в бардачок. Да, он вспомнил, что водяной человек делал именно это. Верджи — и, возможно, Глиммунг — ничего не знали о привычках людей. Фактически, они не знали, что в машине был бардачок, и для чего он предназначался.

Открыв погнутую и сломанную дверь, Ник осторожно пробрался в кабину. Его пальцы коснулись кнопки бардачка. Он нажал на нее. Дверца не открывалась. Он снова нажал на кнопку. Она по-прежнему не открывалась.

Заела, сказал себе Ник. Я должен открыть ее.

Выбравшись из машины в гущу разбросанных обломков, он осмотрелся по сторонам и, наконец, нашел острый металлический треугольник. Этот подойдет, решил он. Мальчик снова пролез в машину и воткнул кусок металла в небольшую щель. Дверца бардачка открылась. Ник заглянул в нее. Внутри лежала книга Глиммунга.

Ник взял ее и выбрался из машины. Он встал в тени

деревьев, читая обложку. «Один летний день». Эту книгу он обменял на поездку. Книгу, которую вердж по ошибке отдал ему.

Могу ли я рассказать кому-нибудь об этом, спросил он себя. Я не должен говорить о книге со взрослыми людьми, решил мальчик. Они подумают, что это слишком опасно.

Ник расстегнул рубашку и сунул маленькую книгу под материю, затем снова застегнул все пуговицы. Никто не должен знать, сказал он себе.

На поляне за ближайшим деревом что-то захлопало. В утреннем небе появилась фигура крупной птицы. Ник, повернувшись на каблуках, со страхом наблюдал, как она летела к нему. Вердж. Существо уселось среди ветвей.

Интересно, спросил себя Ник, он видит меня? Он видел книгу? Вопросы повисли в воздухе. Время покажет.

Вердж бесшумно улетел в направлении далеких старых гор. Мальчик смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду. Возможно, он улетел, чтобы рассказать обо всем Глиммунгу.

— Ник!

Его отец и мистер Маккенна спешили по дороге, петлявшей от дома. Впереди них, словно многохвостая белка, прыгал членик. Позади этой троицы бежали другие его сородичи.

— Я в порядке, — крикнул Ник, когда его отец и мистер Маккенна вошли в сумеречную рощу.

— Ты должен был оставаться дома, — строго сказал его отец, бледный от тревоги за сына. — Любое существо...

Затем он увидел, что случилось с водяным человеком.

— Это сделал Глиммунг, — пояснил мальчик.

— Я позвоню в полицию, — сказал мистер Маккенна,

Он в страхе посмотрел на деревья.

— Здесь небезопасно для любого из нас. Глиммунг, наверное, очень сердит. Это не часто случается. Прямой акт насилия... особенно с человеком. Обычно он нападает на принтеров.

Мистер Маккенна торопливо зашагал к дому, оставив в роще Ника, его отца и члеников.

— Ты не видел Горация? — спросил папа.

— Его утащили две кучки, — ответил мальчик. — Я видел, как они входили в рощу. Но потом передо мной возникла эта картина – обломки машины и мистер Фрэнкис. Я прекратил преследование.

— Думаю, мы потеряли Горация, — мягко сказал его отец.

— Может быть и так, — ответил Ник.

Однако он не верил в такую перспективу.

— Членики говорят..., — начал мальчик, но его отец перебил его.

— Ник, я требую, чтобы ты вернулся домой. Мы подождем полицию там.

Его рука твердо легла на плечо сына. Он повел его к дороге в том направлении, откуда они пришли.

Один из члеников возбужденно сказал другому:

— Эй, Джордж, возможно, книга еще здесь. Давай поищем.

Оба членика, и затем третий, пробрались в сломанную машину и начали копаться внутри.

— Пошли, — сказал отец Ника и подтолкнул сына вперед.

— Прикиньте, что это будет означать для последних выживших принтеров, — страстно защебетал один из члеников. — Вдруг мы, наконец, найдем ее.

— Кстати, о книге... — произнес Ник.

— Забудь о ней, — сказал его отец. — Она не так уж и важна.

Нет, она важна, подумал Ник.

Глава 12/

Вернувшись домой, Ник закрылся в своей комнате. Здесь, в уединении, он расстегнул рубашку и достал тонкий том. Сев за стол, он открыл приложение в задней части книги и нашел имя Рега Фрэнкиса. Что там сказал членик? «Миро-книга. Книга, которая меняется каждый раз, когда ее читают». И членики говорили что-то еще. "Все там. Прошлое и будущее".

Напротив имени Рега Фрэнкиса стоял номер – 42. Ник пролистал до этой страницы. Его пальцы задрожали, когда он прочитал текст.

"...за его воровские способы. Но Глиммонг знал, что делать. Водяной человек не имел права на книгу. И поэтому он исчез. Его бак навеки разбился. Рах vobiscum. Мир вам".

Да, это было предначертано. Прямо в книге. Короткое, но точное описание смерти мистера Фрэнкиса. Был ли этот параграф здесь вчера вечером, подумал Ник. Предположим, он посмотрел бы его во время поездки домой? Предположим, мистер Фрэнкис посмотрел бы текст о самом себе? Нашел он бы его? Узнал бы, что случится с ним?

Членики говорили: "Книга, которая меняется каждый раз, когда ее читают". Значит, этого параграфа здесь раньше не было. Он появился в момент смерти мистера Фрэнкиса или чуть позже.

А что пишется в книге обо мне? подумал Ник. Что было в тексте, который мы читали прежде по пути сюда – после ошибочного вручения этого тома мне? Или в тексте после изменения книги?

Ник снова посмотрел индекс – на этот раз название «Грэхам, Питер и семья». Индекс дал страницу номер 5. Разве раньше это не была страница 31? Впрочем, Ник не был уверен, что он правильно запомнил номер.

Он нашел страницу 5. И прочитал ее:

"Мальчик получил книгу по ошибке. Ценную книгу. Он обменял и потерял ее, а затем вернул обратно. Две кучки унесли существо, которое пахнет рыбой. Но это существо покусало их и вырвалось из плена. Оно бродило по лесам, кричало днями и ночами. По этим крикам мальчик нашел его. Но Глиммунг узнал местоположение книги и пошел искать ее".

Так заканчивался абзац о Нике. Мальчик немного подумал. Об этом раньше не упоминалось. Членики были правы. Книга менялась. И она знала будущее. Она знала, что Гораций укусит врагов и убежит. И что Ник найдет его по крикам.

Описание Горация было верным. Он отличался продолжительными мощными воплями, которые использовал при необходимости, а иногда и без оной.

Что индекс говорил о Горации, заинтересовался Ник. Он вновь вернулся к указателю. Да, на странице 8 имелась запись о коте. Он мог прочитать необходимую информацию.

Мальчик открыл указанную страницу.

"Существо, которое пахнет рыбой, найдет однажды путь к океану. В то время он будет серым и очень старым. Кот приблизится к океану и издаст особый крик. На зов приплывет огромная рыба, которая откроет рот. Существо войдет в большую рыбу. Рыба унесет его в море и там будет плакать и петь о печальном народе".

Ник гадал, как далеко в будущем это случится – когда Гораций найдет свой путь к океану и огромной рыбе. Но, по крайней мере, кот убежит от двух кучек. И он лично найдет кота. Это означало, что Глиммунг не поймает и не убьет его – во всяком случае, не скоро.

Если Глиммунг придет, решил Ник, я верну ему книгу. Это будет мудро, судя по тому, что тот мог сделать. Но... Если бы я имел время скопировать книгу, подумал Ник. Тут требуются часы или даже дни. И содержание, которое он копирует, не будет меняться, как сама книга.

Затем до него дошло. Он понял, что должен выполнить.

Если я смогу найти принтера, сказал он себе, тот сделает дубликат книги. Точную копию. Если только я прав насчет работы принтеров. Хотя можно спросить у члеников. Они знают.

Выйдя из комнаты, он направился к передней двери, открыл ее и посмотрел на кусты во дворе. Его отец, мать и мистер Маккенна ушли куда-то. Очевидно, они вернулись к роще, где находилось тело мистера Фрэнкиса, и решили дожидаться приезда полиции.

— Призываю всех члеников, — громко сказал Ник. — Придите, членики. Вы слышите меня?

Сонные головы высунулись из норок. Наверное, членики отходили от дневного сна.

— Город помех, — проворчал один членик и покачал головой, чтобы прояснить ее. — Что от нас требуется, мистер?

— Вы можете отвести меня к принтеру? — спросил Ник.

— Другой мистер, более крупный, велел, чтобы ты оставался дома, — ответил членик. — Я слышал его голос. Город заточения — вот, что это такое.

Маленькая особь снова скрылась в кустах, возвращаясь к дреме.

Глубоко вздохнув, Ник крикнул:

— Я снова обладаю книгой Глиммунга.

Головы четырех члеников тут же приподнялись над землей. Они посмотрели на него — восемь немигающих глаз, которые сияли, как утренняя роса.

— Ты смеешься над нами? — спросил один членик.

Он повернулся к своим товарищам.

— Я не верю ему. У него нет книги. Глиммунг забрал ее у водяного человека. Мы обыскали все вокруг.

— Я вернул книгу раньше, чем вы начали ее искать, — сказал Ник.

— Город откровений, — произнес восхищенный членик.

На его маленьком коричневом лице появилось выражение надежды.

— Что ты собираешься с ней делать, мистер? У нас нет денег, чтобы заплатить тебе. У принтеров тоже. Возможно, у других колонистов найдется какая-то сумма.

— Это не вопрос денег, — сказал Ник. — Это вопрос моего спасения от того, что случилось с мистером Фрэнкисом.

— Тогда отдай книгу нам, — предложил членик.

— Глиммунг будет по-прежнему думать, что она у меня, — возразил Ник. — Он будет так думать, пока я не верну ее ему.

На самом деле Ник в тайне имел другую причину для сохранения книги. Он хотел консультироваться с ней — и не просто теперь, а всегда. Он хотел, чтобы книга оставалась у него вечно.

Членики, похоже, догадывались об этом, поэтому первый из них сказал:

— Я думаю, ты слишком глупый, мистер, и цепляешься за книгу Глиммунга. Тебе же будет безопаснее, если ты отдашь ее нам. Но мы понимаем тебя. Ей известно будущее. Ее трудно забыть. Все верно: мы сделаем копию. Мы отведем тебя к ближайшему принтеру и сделаем второй экземпляр. Принтер будет рад нам помочь. Мы долго искали эту книгу — годами молились, чтобы Глиммунг потерял ее. Город возможностей. Пошли.

Членики выпрыгнули из кустов и побежали по тропе, оглядываясь назад и проверяя, идет ли Ник следом.

Высоко над ними в небе кружила черная точка.

— Вердж, — заворчали членики, сопровождавшие Ника.

— Неужели он может видеть нас оттуда? — встревоженно спросил мальчик.

— Наверное, — ответил членик. — У тебя имеются штучки, отваживающие верджей? Какой-нибудь предмет с сильным запахом. К примеру, лук?

— Нет, — признался Ник. — Я забыл взять его с собой. Подумал о нем, но...

— Вот ценный предмет, который дал мне колонист, — сказал один из члеников.

Он, вероятно, надеялся, что приобретение книги Глиммунга сделает члеников беззаботными.

— Кусок синего сыра, — добавил малыш, когда Ник протянул руку.

— Вердж умрет, если окажется в десяти ярдах от этого странного предмета, — произнес другой членик, — Для чего сыр используется на вашей родной планете?

— Там синий сыр является обычной пищей, — ответил Ник.

— Город удивления, — прокричали в унисон хвостатые существа.

Они быстро запрыгали вперед, и Ник поспешил за ними. Путешествие к принтеру началось, несмотря на верджа, парившего над ними в утреннем небе.

Один из члеников посмотрел вверх и сказал:

— Надеюсь, он не сможет понять, что мы делаем.

Мой папа назвал бы это "просчитанным риском", сказал себе Ник. Отец очень рассердится, когда узнает, что я ушел. Но это единственный способ, которым я могу избежать внимания Глиммунга и не отдать ему книгу.

А книгу ему я не отдам, подумал он.

Глава 13/

— Как далеко живет принтер? — спросил Ник, пройдя некоторое расстояние. — Мы скоро к нему придем?

— Он живет недалеко, — тяжело отдуваясь, ответил членик.

Над их головами к наблюдавшему верджа присоединилась вторая черная точка. Теперь два вердж кружили прямо над ними, ничего не предпринимая. Очевидно, они не могли видеть книгу, подумал Ник, и не знали, что я ей обладаю.

Он вновь застегнул рубашку. Книга была сухой и царапала тело, как кожа сюрреалистической змеи. Ему не понравилось это ощущение.

— Где кучки берут темные очки? — спросил Ник у члеников.

— Первоначально, годы назад, они стащили одну пару у колониста, — ответили членики. — А потом кучки заставили пойманного принтера сделать много-много копий очков.

— У вас имеется с собой кучко-луч? — спросил мальчик. — Чтобы ослепить их, если они атакуют?

— Да, — ответили членики.

— Город защиты, — добавил один с усмешкой. Членики, казалось, не чувствовали страх перед

кучками – во всяком случае, не такой, какой был у них перед Глиммугом и верджами.

— А тот принтер потом ушел от кучек? — спросил Ник.

— К сожалению, нет, — ответил членик. — В конце концов, Глиммуг ударил его своим копьем. По правде говоря, тот принтер стал очень старым и медленным. Вот, почему кучки смогли захватить его. Город неравенства.

— Что означает "неравенство"? — спросил Ник.

— Ну..., — начал членик.

И тут его сородичи стали спорить. Они трещали, как сердитые мыши.

— Ладно, проехали, — сказал мальчик.

— Город непонимания, — произнес один из члеников, оценивая спор.

Оранжевые кусты и трава с обеих сторон дороги начали уступать место бледной пустыне – сухой полосе, где ничего не росло. Никаких укрытий, чтобы спрятаться, если нас атакуют, подумал Ник. В то же время никакой возможности для кучек, чтобы устроить засаду. Он мог видеть на мили вокруг. То же самое могли делать членики.

Что-то маленькое и круглое прокатилось через дорогу перед ними. Что-то живое.

— Ворчун, — сказали ему членики. — Это территория ворчунов. Тут ничего не растет. Какое-то время назад ворчуны начали войну за обладание некоторыми пустынными землями.

— Эй, привет! — крикнуло маленькое существо пронзительным голосом.

— Как поживаешь, ворчун? — ответили членики.

Они ни на шаг не замедлились. Также поступил и Ник.

— Куда вы спешите? — спросил ворчун.

Он выкатился на дорогу. Нику пришлось быть осторожным, чтобы не наступить на него.

— К принтеру, — объявили членики. — Мы ищем старого лорда Синего. Или он уже сдох?

— Лорд Синий, как обычно, занят тостерами, вафельницами и радио для колонистов, — весело ответил ворчун. — А кто этот юный колонист? Мы раньше не встречались.

— Я с моей семьей только что прилетел с Земли, — сказал Ник.

Потом он покачал головой. Неужели я только вчера прилетел сюда, подумал мальчик. Так много случилось... Меньше, чем за полный день.

— Тогда вот вам несколько предостережений, — сказал ворчун, вновь выкатываясь перед ним. — Вы видели верджей вверху? Я подслушал их разговор. Они думают, что этому юному колонисту известно, где находится книга Глиммунга. Что на это скажешь, паренек? Какой ответ с твоей стороны?

— Я отдал ее водяному человеку, — осторожно ответил мальчик.

— Верджи не нашли ее, — произнес ворчун, петляя между их ногами, словно это была какая-то игра. — Они

искали, а затем сдались. Птицы решили, что водяной человек никогда не имел ее.

— Это не так, — сказал Ник.

— Другое предупреждение, — пропищал ворчун. — Родич следует за тобой.

— Он похож на меня? — спросил, вздрогнув, Ник.

— Точно, как ты, — ответил ворчун и затем быстро покатился прочь, оставив Ника и члеников.

— Это плохие новости, — сказал один из малышей.

— Нам лучше не медлить, — произнес другой. — Город настоятельности. Поспешим.

Ник и членики торопливо зашагали дальше.

Над ними настойчиво кружили верджи.

Глава 14/

Пустыня превратилась в пологий склон, на котором росли странные пикоподобные растения – столбики пятнистого серого цвета и ни одного листика. Растения казались Нику старыми и мертвыми. Они не шевелились под слабым полуденным ветром. Роща походила на заброшенный фруктовый сад. На некоторых умиравших растениях висели сморщенные и черствые фрукты. Вдали, вдоль потрескавшейся уединенной дороги, виднелись руины фермерского дома. Кто-то однажды здесь жил, подумал Ник. Возможно, человек. Но эта персона выбилась из сил и покинула местность. Чтобы никогда не вернуться.

— Когда-то это было богатое поле, — печально произнес членик. — Место многих урожаев. Затем пришел Глиммунг. Он разорил этот регион своим присутствием и заставил поселенцев уйти. Так было годы назад.

— Понятно, — вздрогнув, сказал Ник.

— Глиммунг забрал отсюда жизнь, — продолжил членик. — Он вытянул ее из земли. Он похитил ее из растений. Мужчина и женщина, которые фермерствовали здесь, стали слабыми и хрупкими, как пересохшая кость. Из-за этого они не могли остаться на своем участке. Позже другие приходили сюда, но всегда повторялось одно и то же. Они уходили. Проклятие

Глиммунга, протянувшись над краем, действовало неизменно. И это будет продолжаться до тех пор, пока Глиммунга не уничтожат.

— Что, возможно, никогда не произойдет, — заметил другой членик.

— Может, и произойдет, — сказал Ник.

— Если это случится, — сказал один из малышей, — членики тут будут ни при чем. Мы мало что можем выполнить. Город бессилия, я бы сказал.

Впереди виднелись низкие холмы – унылые и на вид необитаемые. Ник увидел огромные камни белой скалы. Цвет не обрадовал его и не сделал члеников счастливыми. Они, молча, поднялись по изогнутой тропе, которая проходила между отвалов некогда сплавленного шлака. Словно рядом бушевал мощный вулкан, подумал мальчик. Но его огонь угас десятки – возможно, даже тысячи – лет.

Впереди на зазубренном пике Ник увидел широкую неровную расщелину. Казалось, что туда попала молния, выжегшая этот страшный след в сыром и холодном холме.

— Отметина Глиммунга, — сказал членик.

Малыши прекратили подъем, и Ник последовал их примеру.

— В этом месте, прямо здесь, Глиммунг впервые появился в нашем мире. Он упал вниз с полуденного неба, пробудил серый огонь и сжег все, к чему был близок. С тех пор никто не обитает здесь. Из этого места Глиммунг распространился по всей планете – как озеро

ненавистной ночи. Огонь и ночь. Вот путь Глиммунга. Это его природа.

Членики, отдохнув, начали двигаться дальше.

— Еще далеко? — спросил Ник, с трудом вбирая воздух в легкие и поднимаясь шаг за шагом вверх.

— За этими холмами находится равнина, — задыхаясь, ответили членики. — Нам туда.

Они тоже почти выдохлись.

Двойной вес висел на них – ноша, наложенная этим местом. Даже простая прогулка требовала бы здесь огромной силы. Ник чувствовал, что сам мир лег на его плечи, сгибая и сминая под собой. Он чувствовал себя усталым и очень старым, словно прожил тысячу лет.

— Усталость здесь везде, — прошептал членик. — Как будто сила тяжести исходит из этих холмов, выискивая живых существ и наделяя их весом. Но теперь уже недолго.

Над ними к двум верджам присоединился третий. И теперь четвертый вердж приближался к другим, чтобы занять свое положение среди них.

— Они, похоже, знают, куда мы идем, — сказал Ник.

— Действительно, — согласился членик. — Но верджи боятся принтеров. Принтеры имеют силу над другими существами. По крайней мере, когда принтер сильный. Однако теперь они очень слабые. Борьба с Глиммунгом идет слишком долго.

Они достигли вершины и здесь остановились. Ник посмотрел вниз на дальнюю сторону холма и

увидел пологий участок земли с травой и редкими деревьями. Тут и там стояли фермерские дома. Здесь жили человеческие колонисты – довольно большое количество.

— Теперь наш путь будет легким, — сказал один из члеников.

Он вытащил большой платок и шумно высморкался. Его сородич деликатно вытер лоб, где блестели капельки пота.

— Город усталости, — прокомментировал третий членик.

На гребне холма они немного задержались, затем, один за другим, начали спускаться по дальнему склону. Над их головами четыре верджа внезапно полетели вниз. Их крылья сложились вокруг тел. Они опускались прямо к Нику и группе члеников.

— Быстрее! — закоткал один из члеников. — Синий сыр!

Ник вытащил сыр из кармана и вытянул руку к спускавшимся верджам. В безумном отвращении четыре верджа перешли в планирование и отлетели от Ника и члеников. Птицы закричали от негодования, сделали несколько кругов и улетели в направлении, из которого пришли Ник и членики.

— Они только пытались напугать нас, — сказал один из малышей.

Хотя это его сородичи выглядели ужасно напуганными.

— Держи оружие наготове, — сказал Нику членик.

Тот без всяких напоминаний сжимал в руке сыр, отпугивавший верджей.

— Они могут подкрасться и схватить нас, когда мы не будем смотреть, — продолжил второй членик. — Но, если мы успеем прийти к лорду Синему, все будет в порядке.

Они медленно спускались по ломкой тропе. Она была высокой, грубой и тонкой. Ее колючие кончики напоминали жала, и членики внимательно уклонялись от них. Очевидно, шипы были покрыты ядом. Но, наконец, колючки закончились, и их заменила безвредная оранжевая трава. Членики расслабились и весело защебетали друг с другом. До Ника дошло, что опасность миновала.

— А вот и принтер, — остановившись на миг, сказал членик.

Ник прикрыл глаза рукой и всмотрелся в оранжевую растительность.

Ниже них группа колонистов собралась вокруг бесформенного конуса, который испускал водянистые тусклые лучи – пригорок довольно большого размера. Он пульсировал, угасал, расцветал и переформировывал себя.

— Что это? — разочарованно спросил Ник.

— Не позволяй физической форме принтера вводить тебя в заблуждение, — ответил один из члеников. — Его форма, по общему мнению, проста. Но принтер интеллигентен и добр, полон доброй воли и помогает всем, кто приходит к нему. Город поддержки – вот, кто такой принтер.

Членик зашагал по тропе, и остальные присоединились к нему. Ник поступил точно так же.

Когда они достигли ровной земли, Ник увидел, что колонисты, окружавшие принтера, держали в руках устройства, которые хотели скопировать. Один за другим они подносили драгоценные предметы к лорду Синему, и старый принтер, колыхаясь от усердия, производил репродукции. Сначала Ник думал, что копии выглядели идентично первоначальным предметам. Но, подойдя ближе, он увидел, что в каждом случае репродукция принтера была более некачественной и плохой. Мальчик вспомнил все, что слышал о принтерах, об их слабостях, возрасте, невозможности удерживать репродукции от... Как же это называется? Халявности, вот как! Хороший термин, решил Ник, увидев работу принтера.

Его продукты были нечеткими и деформированными. Ник посмотрел на колониста, который принес принтеру продублированные карманные часы. Мальчик обратил внимание на циферблат. Там были все числа, но в не том порядке. Шестерка была наверху, а двенадцать – там, где полагалось быть четырем. И часы не имели стрелок.

Почувствовав острое разочарование, Ник подошел к колонисту, который держал чашу, сделанную принтером. Чаша, как видел Ник, разваливалась на части. Ее куски падали, когда чашу трясли. Человек выглядел несчастным, но не удивленным. Колонисты, наверное, привыкли к этому, понял Ник. И, однако продолжали приходить сюда. Затем он понял. Так сделаю и я. Он догадался, что они надеялись на чудо.

Направившись к принтеру, Ник выждал момент,

пока женщина впереди него не разместила на постаменте черно-белый набор шахмат, который хотела продублировать. Принтер пригнулся и задрожал. Затем часть его высвободилась, образуя отдельный небольшой холм. Через миг пригорок успокоился, обретая цвет – он стал черным на одном конце, и белым – на другом. Холмик разделился на более мелкие части, и те застыли, образуя черные и белые шахматные фигурки. Но...

— Ах, милый, — сказала в отчаянии женщина. — Боюсь, лорд Синий, ты сделал все неправильно. Здесь могут быть только два короля и две королевы. Фигуры должны быть разными.

Она показала принтеру на первоначальный набор.

— Видишь? — спросила она.

Ник приблизился, чтобы посмотреть. Да, все шахматные фигуры были одинаковыми. Каждая состояла из вертикального столбика. Из-за отсутствия внешних черт их невозможно было отличить друг от друга. И пока он смотрел, фигурки начали оплывать, словно плавилась на сильном огне. Они превращались в лужицы черного и белого цветов, которые затем смешались в нейтрально-серую жижу. И никто уже не сказал бы, что это были шахматы.

— Может, попробуешь снова? — спросила женщина.
— Раньше у тебя получалось лучше — даже в прошлом месяце.

Человек в форменной одежде, стоявший рядом с принтером, оттолкнул ее в сторону.

— Только одна попытка позволена. Пропустите

следующего человека, мэ. Сегодня лорд Синий очень слабый. Ты.

Мужчина в форме кивнул Нику.

— Твоя очередь, мальчик, — добавил он. — И не напрягай его слишком сильно.

Ник начал расстегивать рубашку. Он вытащил книгу и приподнял ее.

— Книга Глиммунга! — закричала женщина, стоявшая за Ником.

Мужчина в форме посмотрел на том и затем на Ника. К большому удивлению мальчика, его лицо выражало страх. Все люди по обе стороны от Ника отступили в панике. Неужели они так сильно боялись Глиммунга? Теперь Ник тоже чувствовал беспокойство. Их страх сказал ему многое.

— Я хочу сделать дубликат, — сказал он. — Тогда мы сможем вернуть оригинал Глиммунгу. И оставить себе копию.

Членики у его ног запищали и затараторили. Ник не мог разобрать, о чем они говорили. А потом он увидел, что люди смотрели вверх. Он увидел их вытянутые замороженные лица, пока те смотрели на холм, откуда пришли Ник и членики.

— Это Глиммунг, — прокричали малыши дрожащими голосами. — Он пришел сюда. Он увидел книгу.

Фигура Глиммунга в ясном небе становилась все больше и больше.

Глава 15/

Глиммунг перестал скрываться в вердже. Теперь, напрягаясь от спешки, он в собственной форме, как ветер, неся к ошеломленному Нику. Глиммунг появился невероятно быстро, влекомый тонкой книгой – его книгой, благодаря которой он правил миром.

Он имел фрагментарный вид, словно его тело было разделено на множество частей, а затем неправильно соединено вместе. Ни один продукт старого принтера не мог соответствовать его неточности – фальшивым окружностям сюрреалистического тела и этих изогнутых манящих глаз. Глиммунг кричал, пока спускался вниз. Его вой вызывал боль в ушах Ника. Громкий голос заставлял члеников бесцельно бегать вокруг. Они даже мгновение не могли стоять на месте. Глиммунг говорил, но Ник не разбирал его слов. Речь существа была смазанной, словно нечеткая запись на магнитофонной ленте.

Глядя на Глиммунга, Ник думал: какой же он большой. Однако тот был еще далеко. Падая с неба, он будто бы рос в размерах. Он расширялся и удлинялся. В его глазах мерцал лютый холод, похожий на свет безумной звезды. Эти глаза, подумал Ник, вытягивали нити зла везде и сплетали их в ткань, которой он хотел покрыть весь мир.

Восторг появился на усмехавшемся лице Глиммунга

– восторг при виде его книги. Фригидная визжавшая радость, что этот всезнающий том опять очень близко. Глиммунг любил свою книгу. Он не мог жить без нее. В ее отсутствии он худел. Он становился пустым. Вблизи книги огромная сила Глиммунга возвращалась. Спускаясь с небес, Глиммунг хотел схватить ее. Он жадно вытянулся. Его завывающий голос превратился в яростную песню триумфа и обладания. Это моя книга, пелось в песне. Она была потеряна по ошибке. Теперь она вернется к хозяину.

Ник сунул книгу под рубашку и прижал ее к груди. Он почувствовал ее ужасное присутствие рядом с собой. Мальчик побежал. Глиммунг изменил свой полет. Он вытянул правую руку, и в его ладони Ник увидел копье, которое убило мистера Фрэнкиса – водяного человека – и многих других невинных существ.

– Дай мне книгу! — прорычал Глиммунг, и его голос вплелся в ветер, созданный его молниеносным спуском.

– Дай ему книгу, — защебетали в страхе членики.

Они разбежались в стороны, но не покидали его, как это сделали колонисты.

– Он убьет тебя, — пропищал один малыш. — И нас вместе с тобой. Тут нет надежды. Это город капитуляции. Верни ему книгу.

Что я могу сделать, спросил себя Ник. Может ли мне помочь старый принтер? Круглая инертная масса принтера оставалась неподвижной. Тот был безучастным к ситуации. Или он ничего не мог придумать. Слишком древний, чтобы шевелить мозгами.

Откуда я могу получить помощь, спросил себя Ник. Отец далеко отсюда. Гораций, покусав две кучки, странствует по густым лесам. Здесь только я и эта книга. И теперь Глиммунг хочет вернуть ее назад. А еще здесь война, подумал Ник. Она идет, и, возможно, Глиммунг побеждает. Он, как и раньше, воспользуется своей книгой, и никто не сможет ему помешать. Он будет слишком сильным. Но может быть помощь придет от книги, подумал мальчик.

Сев на корточки, Ник расстегнул рубашку. Книга высунулась наружу, и он потянул ее вверх. Мальчик перевернул ее и открыл указатель. Он посмотрел на букву "Г" – Глиммунг. Много страниц, много строк и частей. Как появился Глиммунг? Что сделал Глиммунг? Его планы. И последняя строка. Как можно уничтожить Глиммунга?

Страница 45, говорил индекс. Последняя страница книги. Ник нашел ее, когда над его головой раздался крик Глиммунга. Тот вытянул руку, чтобы схватить том. Ник просматривал текст.

"... его ничем нельзя разрушить. Ему никогда не будет конца. Он переживет всех остальных. Но его можно ослабить – так сильно, что Глиммунг не сможет восстановиться. Его можно сделать бессильным и маленьким на все грядущее время".

— Как? — вскричал Ник.

Текст продолжал:

«Помести книгу перед принтером; так, чтобы Глиммунг был близко – так, чтобы он, хватая книгу, предстал перед принтером и оказался в зоне его действия. Если это будет сделано..».

В этот миг Ник почувствовал фригидное дыхание Глиммунга. Оно приблизилось к его шее. Захлопнув книгу, Ник побежал обратно к принтеру. Над его головой Глиммунг резко затормозил, и затем, словно гром, промчалось копьё. Оно вонзилось в землю рядом с мальчиком и завибрировало от неимоверной силы. Глиммунг над его головой выругался, увидев свой промах. Он приземлился и потянулся за оружием.

Мальчик поместил книгу на высокий откос принтера и отбежал в сторону.

Увидев том, Глиммунг забыл о копьё. Похоже, он успокоился. Его плащ вился вокруг него, как язык зловещего пламени. Он шагнул к принтеру, огромный и источающий презрение. Там, рядом с древним существом, он согнулся и могучими пальцами поднял книгу. Глиммунг выпрямился, с ненавистью глядя на Ника.

Принтер вздрогнул и приподнялся. Он превратился в колонну, и из нее выпрыгнул фантом Глиммунга. Принтер переживал смертельную агонию. Он дублировал очень плохо. Но, тем не менее, в результате получился живой и большой по размерам дублированный Глиммунг. Его рогатый шлем блестел, а глаза пылали злобой. Он поднял свое фантомное копьё и вонзил его в горло настоящего Глиммунга.

Тот взлетел в небо. Книга захлопнулась в руке, одетой в металлическую перчатку. Из горла торчало копьё. Глиммунг схватил его и попытался вытащить из тела. Копьё осталось в шее. Возникла рана, края которой не закрывались. Глиммунг не мог удалить копьё, и он не

был способен исцелить рану. Пронзенный фантомным копьем, он получил ранение, которое ему предстояло пронести через вечность. И это ранение нанес сильно деформированный дублированный Глиммунг.

В это время фантом повернулся, чтобы посмотреть на Ника. Он умоляюще сложил ладони вместе и упал в самого себя. Он погрузился в бесформенность – в массу без контуров и содержания. Дублированный Глиммунг упал на землю и остался лежать неподвижно. Его последним движением и имитацией жизни в мгновения смерти было объединение с умиравшим принтером, который оформил его.

— Глиммунг ранен! — закричали членики, собираясь вокруг Ника и пытаясь помочь ему подняться.

Сила взгляда настоящего Глиммунга бросила его на четвереньки. Угроза миру миновала. Глиммунг бежал. Он был навечно искалечен. Существо слишком близко подошло к принтеру. В своем нетерпении вернуть книгу он ошибся; он забыл о противнике.

— Город спасения! — запищали членики, прятаясь за почившим принтером.

— Он вернул книгу назад, — хрипло произнес Ник.

— Но он никогда не будет тем же самым, — сказал один из малышей. — Копье в горле будет высасывать его жизнь. Он не будет прежним. Вставай, мистер, прежде чем прилетят верджи. Глиммунг может отомстить, воздействуя на них. Помнишь о куске синего сыра. Он защитит тебя от гнева Глиммунга.

— Гнев Глиммунга, — пропел другой членик. — Тебя

нужно держать в безопасном месте. Ты выиграл для нас победу. Ты спас этот мир.

— Не совсем, — с трудом ответил Ник.

Он стоял, покачиваясь, и чувствовал себя слабым и смущенным. Его зрение помутилось. Он покачал головой, пытаясь прояснить ее.

— Я не могу пойти домой, — сказал он членикам. — Один из вас должен сходить к моему отцу и попросить его забрать меня. Я буду здесь в безопасности до его прихода?

Колонист в форме, стоявший на охране рядом с принтером, быстро приблизился к Нику и поддержал его рукой.

— Ты будешь в полном порядке. Мы имеем кучелучи и вещества, отгоняющие верджев. А Глиммунг какое-то время будет зализывать рану. Возможно, он не вернется никогда. Наверное, улетел в свои горы и скрылся там, ожидая исцеления. Но ничто, пронзённое копьем Глиммунга, не может восстановиться. Он будет ждать в горах вечно.

— Есть тут место, где я мог бы сесть? — спросил Ник.

Другой колонист поспешил за дубликатом стула, который принтер сделал некоторое время назад.

— Садись сюда, — сказал он мальчику.

Он и человек в форме помогли Нику сесть на стул.

Ножки были разной длины. Под весом мальчика шаткий стул закачался и завалился на одну сторону. Нику снова пришлось встать. Принтер сделал плохую работу.

— Со мной все в норме, — сказал мальчик. — Более-менее.

Он проверил рубашку и увидел, что она покрыта бесчисленными крохотными кристаллами льда, которые насыпались на него с большого плаща Глиммунга.

— Теперь мне осталось найти Горация, — сказал Ник.

Все это время он ни на минуту не забывал о коте. Без Горация он не чувствовал бы себя счастливым – даже после победы над Глиммунгом.

D

Глава 16/

Что книга говорила о Горации? Там писалось о том, что он вырвался из плена и убежал от кучек. И еще, что Ник мог бы услышать его крики, пока кот рыскал по лесам планеты Пахаря. Так что нужно прислушиваться, подумал он. Я должен найти его по громким кошачьим воплям... Возможно, они слышны даже теперь.

Наконец, его отец, пришел вместе с мистером Маккенной. Очевидно, миссис Маккенна и его мать остались ждать дома.

— Ты больше никогда не выйдешь наружу, — с упреком пообещал его отец.

Он выглядел очень встревоженным, каким был часто на Земле.

— Это просто удача, что они не забрали тебя – верджи, или как они там называются.

— Это не удача, — ответил Ник.

Он показал отцу синий сыр.

— У меня была защита, — сказал мальчик. — Спроси, если хочешь, у мистера Маккенны.

— Он говорит правду, — согласился мистер Маккенна. — Верджи не подлетают близко к сыру – особенно, к американскому, который, по идее, не имеет запаха. Его они очень не любят.

— Город победы, — выкрикнули членики, подпрыгивая от возбуждения. — Великий и значимый день.

— Есть ли какие-то новости о Горации? — спросил Ник.

— Я не искал его, — мрачно ответил отец. — Я думал только о тебе. Ты для меня намного важнее.

— Но мы должны найти его, — сказал мальчик.

— Сначала пойдем домой. Ты сможешь отдохнуть. А я поговорю с полицией о мистере Фрэнкисе. Позже, если мы оба будем чувствовать себя достаточно нормально, и, если это будет безопасно, поищем кота.

— На этой планете никогда не бывает безопасно, — возразил Ник. — Я имею в виду, полностью безопасно.

Здесь всегда будет жить Глиммунг. Здесь всегда будут верджи, кучки, ужаснее всего, родичи. Эта мысль заставила его подумать о словах ворчуна.

— Ворчун, мимо которого мы проходили..., — произнес он и вдруг замолчал.

Это лишь встревожит его отца: рассказ о Ник-дичи, идущим по дороге. А его папа был уже достаточно взволнован.

— Какой еще ворчун? — спросил отец.

— Они безвредны, — уклончиво сказал Ник. — Мы встретили одного из них.

— Я знаю, что они безвредны, — ответил отец встревоженным голосом. — Пошли домой.

Он зашагал по тропе. Мужчина в форме, который ранее охранял пожилого принтера, остановил его.

— Мистер Грэхам, — сказал он, — ваш сын нанес первую большую рану Глиммунгу.

— Мой Ник? — удивленно спросил отец. — Просто удивительно.

Он выглядел ошеломленным.

— Я очень рад, — добавил папа, но тут же стал снова встревоженным. — Ник, это было рискованно?

— Да, — со вздохом признался мальчик. — Я немного рисковал.

— По крайней мере, сейчас с тобой все в порядке, — подытожил его отец.

Это развеселило его. Он радостно похлопал Ника по спине.

— Значит, мы начинаем с позитива. Похоже, этот офицер гордится тобой.

Члены, собравшись вокруг Ника и его отца, громко закричали:

— Город осуществления!

— И твои друзья, — произнес охранник. — Они видели битву. Мы все были свидетелями. Из-за действий вашего сына, мистер Грэхам, Глиммунг вечно будет носить в горле фантомное копьё. В уединенном горном убежище он будет смотреть на свою неизлечимую рану и слабеть день за днем. Он будет становиться злее. Будет размышлять и медитировать. Глиммунг будет тускнеть с каждой проходящей ночью. Поэтому вы можете понять, почему все гордятся вашим сыном.

Это хорошо, подумал Ник. Но что вернет Горация? Он

мрачно последовал за отцом и мистером Маккенной, когда те начали обратное путешествие к их новому дому.

Неутомимые членики запрыгали вдоль тропы.

Глава 17/

Когда они достигли шлаковых и белых скал, отец Ника и мистер Маккенна остановились. Ник тоже замедлил шаг. Долгое время они смотрели на знак Глиммунга – огромную расщелину, прорезанную в пике круглого холма. Каждый из них думал свои private мысли. Никто не говорил.

— В этом месте он впервые объявился на планете, — сказал один из члеников, обращаясь к отцу Ника и мистери Маккенне.

— Я в курсе, — ответил сосед. — Каждый, кто живет на Пахаре, знает такие вещи.

Он был мрачным и настороженным, как отец Ника.

— А сейчас он здесь? — спросил папа у члеников. — Что если он пришел сюда после ранения?

— Возможно, — прощобетали членики.

Они не выглядели встревоженными.

— Даже если так, он не покажется.

Малыши зашагали по тропе.

Отдаленный крик донесся до Ника. Он пробуравил холодный воздух, задрожал, стал слабым и снова более громким.

— Гораций, — с надеждой крикнул Ник.

Он знал, о чем говорил. Он узнал этот звук. Мальчик тут же сбежал с тропы, быстро зашагал через камни и широкие плиты некогда расплавленного шлака.

— Кажется, крик шел из этого направления, — сказал Ник.

Он споткнулся, затем торопливо вскарабкался на склон холма и начал подниматься к отметине Глиммунга.

— Остановись! — велел его отец. — Ни шагу дальше!

Мистер Маккенна закричал что-то неразборчивое.

— Я сейчас вернусь, — через плечо ответил Ник.

Он снова услышал крик и опять узнал его — зов Горация. Это был кот, потерявшийся в безжизненных холмах. Гораций не выживет здесь долго. Никто не выжил бы в этом месте. С тех пор, как сюда пришел Глиммунг.

Задыхаясь от усилий, мальчик на миг остановился. Над ним, рядом с отметиной Глиммунга, появилась черная небольшая фигура. Она неуверенно застыла на месте. Это был кот.

— Гораций, — крикнул Ник и снова начал карабкаться.

Он продолжал подниматься, с трудом глотая воздух. Камни раскачивались под его ногами, и один раз массивная часть грунта обрушилась и пронеслась мимо него, быстро исчезнув внизу. Воздух стал густым. Было трудно дышать. Это вызывало кашель. Какой странный воздух, изумленно подумал мальчик. Словно в нем были частички пыли. Он выровнял дыхание, посмотрел вверх на склон и попытался разглядеть кота.

Тот все еще был виден. Гораций стоял на скале, неустойчиво покачиваясь. Он снова закричал, еще и еще, а потом исчез. Кот спрыгнул со скалы и исчез. Ник, хрипя и отплеываясь от пыли, последовал за ним.

Он, наконец, выбрался на сравнительно плоское место – горизонтальную скалу. Оттуда открывался хороший обзор в каждом направлении. Далеко внизу стояли его отец и мистер Маккенна. И членики. Никто из них, даже верные малыши, не полезли за ним по предательскому склону. Он был совершенно один. Ветер, холодный и разреженный, продувал его насквозь. Подтянув рубашку, Ник почувствовал себя еще более одиноким. Какое изолированное место, подумал он. Такое безмолвное. И без жизни любого вида.

Прямо над ним на камне появился Гораций. В этот раз кот не кричал. Он просто смотрел вниз на Ника зелеными круглыми глазами. Его зернистые, похожие на стеклянные пуговицы, зрачки выпучились, словно от благоговения. Кот был в пыли. Его черная шерсть стала серой и покрытой крупнозернистым песком. Кроме того, он выглядел очень усталым.

— Оставайся там, — сказал Ник и осторожно направился к скале.

Потянувшись вверх, он попытался взять кота. Но Гораций, по какой-то неясной причине, увильнул от спасительных рук мальчика.

— Пожалуйста, — произнес Ник.

Кот находился вне зоны его досягаемости. Мальчик понял, что должен вскарабкаться выше. Он нашел удобный выступ для ноги и начал подниматься вверх, пока снова не добрался до животного.

Гораций спрыгнул с камня вниз.

Задыхаясь и с трудом проталкивая воздух в легкие, Ник поднялся на вершину. Теперь он видел пространство за камнем – укромное маленькое место, хорошо защищенное от ветра. Там сидел Гораций. На его лице застыло изумление.

— Ты глупый, — задыхаясь, сказал Ник. — Тебе надо было идти ко мне... просто несколько футов, и все было бы кончено.

Мы могли бы пойти домой, подумал он. И отдохнуть.

— Пожалуйста, — произнес мальчик, протягивая руки.

А потом он увидел Ник-дичь.

Тот стоял прямо за Горацием, не двигаясь и ничего не говоря. Не удивительно, что кот не знал, что делать. Мы идентичны, сказал себе мальчик. Растение и я. Он почувствовал ужас. Ник смотрел на тварь, а она смотрела на него. Прошло много времени, или просто так казалось. Ник-дичь не двигался. Да, подумал мальчик, это родич, моя копия, которая ушла искать меня. То существо, о котором предупреждал ворчун. Оно следовало за мной. Оно здесь и теперь ждет. Родич хотел, чтобы я пришел сюда.

Гораций отступил к Ник-дичи, словно решил потереться о его ноги.

— Нет, — резко сказал Ник.

Кот заколебался. Он отбежал от Ник-дичи, затем остановился. Родич наклонился и сказал:

— Гораций.

Кот быстро поспешил к нему.

Я теряю его, подумал Ник. Он смотрел, как родич поднял Горация. Он наблюдал, как Ник-дичь выпрямился, держа кота в руках и поглаживая его.

— Верни Горация, — сказал Ник.

Родич продолжал держать кота.

— Я хочу его назад, — продолжил мальчик. — Он принадлежит мне, а не тебе. Я могу забрать его?

Он подождал. Подняв Горация, родич протянул ему кота.

— Спасибо, — поблагодарил Ник.

Он спустился вниз и взял Горация из рук родича. Тот задумчиво улыбался. Затем он повернулся и ушел. Ник, крепко державший кота, смотрел ему вслед.

— Мяу, — жалобно промурлыкал Гораций.

Шаг за шагом, Ник карабкался вниз по скалистому холму – назад на тропу, где его ожидали отец, мистер Маккенна и членики. Они не видели родича. Только Ник знал о нем. И Гораций. Кот тоже видел его. Но Гораций многого не понимал, поэтому его можно было не принимать в расчет.

— Ты порядке? — спросил отец.

— Да, — кивнув, ответил Ник. — Все нормально.

— Давайте, уйдем с этих холмов, — сказал его папа.

— Они тревожат меня. Я буду чувствовать себя лучше, когда мы вернемся домой.

Он зашагал по тропе. Ник, мистер Маккенна и членики

последовали за ним. Гораций на руках Ника радостно терся и мяукал.

— Это хорошо, что ты пришел, — произнес мальчик.

Кот подтолкнул головой подбородок своего хозяина, показывая удовольствие от нахождения Ника.

— Готов поспорить, что ты искусал те две кучки, которые утащили тебя, — сказал Ник. — Я прав?

Кот, словно соглашаясь, продолжал тереться о него. Он выглядел довольным, словно совершил благородный поступок.

— Да, — продолжил Ник. — Ты сделал это.

Оглянувшись назад, Ник попытался разглядеть родича. Но тот не пошел за ними.

— Город безопасности, — пропищал один из члеников.
Так оно и было.

DREAMHACKERS.EU